С. А. МХИТАРЯН

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОКИТАЕ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. А. МХИТАРЯН

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОКИТАЕ В НАЧАЛЕ 30-х годов XX в.

(СОВЕТЫ НГЕ-ТИНЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

В книге рассказывается о революционном движении в Индокитае в начале 30-х годов XX в., приведшем к установлению народной власти в форме Советов в двух провинциях Вьетнама — Нгеан и Хатинь. Документальной основой исследования послужили материалы, хранящиеся в архивах ДРВ.

М $\frac{10303\text{-}153}{013(02)\text{-}75}$ 81-75

Сурен Артемович Мхитарян

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОКИТАЕ
В НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XX В.

(Советы Нге-Тиня)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Я. Б. Гейшерик*. Младший редактор *Н. И. Иванова*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *А. И. Киселева* и *А. В. Шандер*

Сдано в набор 24/III 1975 г. Подписано к печати 15/VIII 1975 г. А-01752
Формат 84×108[1]/32. Бум. № 1. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,76. Тираж 1400 экз. Изд. № 3633. Зак. № 254. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе д. 28

*45-летию создания Советов Нге-Тиня
и 30-летию образования
Демократической Республики Вьетнам
посвящается эта книга.*

ВВЕДЕНИЕ

Опираясь на революционный опыт и поддержку Советского Союза и всего международного коммунистического и рабочего движения, вьетнамский народ, руководимый Коммунистической партией Индокитая во главе с Хо Ши Мином, совершил Августовскую революцию 1945 г., результатом которой было создание первого в Юго-Восточной Азии государства народной демократии — Демократической Республики Вьетнам. Эта победа стала возможной благодаря длительной и самоотверженной борьбе, этапами которой были, по словам первого секретаря ЦК Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ) Ле Зуана, революционное движение 1930—1931 гг., движение 1936—1939 гг. и патриотический подъем 1940—1945 гг. [см. 43, 214].

Антиимпериалистическое и антифеодальное движение 1930—1931 гг., приведшее к установлению народной власти в форме Советов в двух провинциях Вьетнама — Нгеан и Хатинь, было важным этапом национально-освободительной борьбы вьетнамского народа. Нгеанско-Хатиньская эпопея явилась первым опытом применения в практике революционного движения рабочих и крестьян Индокитая марксистско-ленинской теории, и прежде всего ленинского учения о Советах как органе революционной власти. «Революционный подъем 1930 — 1931 гг., — отмечал Ле Зуан, — на практике подтвердил, что единственной силой, способной руководить делом национального освобождения, является наша партия — партия рабочего класса. Он показал также огромную роль основной революционной армии, включающей два класса: рабочих и крестьян; заложил надежный фундамент союза рабочего класса и крестьянства, ставшего

базой Единого национального фронта. В ходе революционного подъема 1930—1931 гг. наша партия еще больше укрепила свое влияние в народных массах, благодаря чему она успешно прошла через волны жестокого вражеского террора, быстро возмужала политически и развилась организационно, стала непобедимой силой вьетнамской революции» [43, 174—175].

В советской исторической литературе нет опубликованных работ по данной теме, будь то монографии или отдельные статьи. Единственная близкая теме настоящего исследования кандидатская диссертация Л. В. Шварца «О руководящей роли рабочего класса Вьетнама в национально-освободительной борьбе 1930—1931 гг.» была защищена в 1952 г., но опубликован был только ее автореферат [79].

В западноевропейской историографии также нет каких-либо исследований по данной теме.

Во Вьетнаме после установления народной власти был издан ряд работ по теме настоящего исследования. Среди них в первую очередь следует назвать книгу Хоанг Чунг Тхонга «Советы Нгеана», вышедшую в 350 экз. в 1950 г., во время первой войны Сопротивления. В настоящее время эта книга представляет собой библиографическую редкость и, к сожалению, отсутствует в библиотеках СССР. По своему характеру это не научное исследование, а публицистическое произведедение, и автор его — не историк, а писатель.

Видные историки ДРВ Чан Хюи Лиеу и Чан Ван Зяу в своих общих работах по истории национально-освободительной борьбы посвятили отдельные главы революционному движению 1930—1931 гг. На страницах издающихся в ДРВ журналов «Вопросы истории» (орган Института истории) и «Изучение истории партии» (орган Комитета по изучению истории партии) было опубликовано несколько отдельных статей о Советах Нге-Тиня. Этой же теме посвящена изданная в 1960 г. брошюра Чан Хюи Лиеу (на франц. яз.) [108].

Сложность и разнообразие затронутых проблем, равно как их малоизученность, заставили автора ограничить рамки данного исследования как хронологически, так и тематически. В хронологическом плане работа охватывает период с майских политических манифестаций 1930 г. и образования Советов в провинциях Нгеан

и Хатинь до подавления революционного движения летом 1931 г.

В плане тематическом внимание было обращено прежде всего на установление генетической связи движения 1930—1931 гг. с Августовской революцией. Автор при этом исходил из того, что революционное движение 1930—1931 гг. было первым успешным шагом, оказавшим большое влияние на весь последующий процесс развития вьетнамской революции и Августовской революции в частности. Иначе говоря, без опыта, приобретенного во время борьбы 1930—1931 гг. и на последующих этапах движения, рабочий класс и крестьянство не смогли бы победить в Августовской революции 1945 г.

Методологическую и теоретическую основу данного исследования составили труды основоположников марксизма-ленинизма, посвященные проблемам национально-освободительных революций. Особое внимание было обращено на ленинское учение о Советах и учение о союзе рабочего класса и крестьянства. Автор руководствовался также резолюциями конгрессов Коминтерна, съездов КПСС и документами международных совещаний коммунистических и рабочих партий, а также документами и решениями съездов и пленумов Коммунистической партии Индокитая (ныне ПТВ) и выступлениями и работами Хо Ши Мина, Ле Зуана, Чыонг Тиня, Фам Ван Донга и других руководящих деятелей ПТВ и ДРВ.

Документальной основой настоящего исследования послужили ранее не опубликованные материалы, хранящиеся в архивах ДРВ: бывшем французском Центральном архиве Индокитая, архиве Музея революции Вьетнама в Ханое, а также провинциальных архивах Нгеана и Хатиня. Документы и материалы этих архивов были впервые введены в научный оборот в советской вьетнамистике благодаря товарищескому содействию, которое партийно-государственные организации и ученые Демократической Республики Вьетнам оказывали автору во время его научной командировки в ДРВ. Так, в Центральном архиве Индокитая (ЦАИК) и в архиве Музея революции Вьетнама (АМРВ) автором были изучены документы фондов Верховного резидента Тонкина. Наиболее интересно среди них досье № 14, состоящее из полуторамесячных обзоров революционных событий, именуемых «Антифранцузские организации и коммуни-

стическая пропаганда в Индокитае» [47—51]. В этих обзорах имеются многочисленные материалы о стачках и политических манифестациях рабочих, о выступлениях крестьян, о карательных операциях колониальных властей против рабочих и крестьянских выступлений. Ценным источником является и досье Д-61 (Обзор прессы Кохинхины), также хранящееся в фондах Верховного резидента Тонкина [46]. В нем собраны ежемесячные обзоры прессы Кохинхины как на французском, так и на вьетнамском языках. Обзоры содержат важные материалы по изучаемой проблеме, дают возможность определить отношение различных буржуазных политических партий и групп к революционному движению 1930—1931 гг.

В работе использованы служебные документы генерал-губернатора Индокитая, опубликованные в 1933 г. под названием «К истории политических движений во Французском Индокитае» (в пяти томах) [66—70].

В материалах колониальной администрации автором были обнаружены уникальные документы о деятельности революционных организаций Индокитая: Товарищества вьетнамской революционной молодежи, Революционной партии нового Вьетнама, Национальной партии и Коммунистической партии Индокитая. Среди этих материалов можно отметить, в частности, работу комиссара тайной сыскной полиции В. Бийе «Индокитайская коммунистическая партия, ее возникновение и организация», в которой подробно характеризуется деятельность КПИК на протяжении 1930—1931 гг. Один экземпляр этой работы хранится в архиве Музея революции.

В фондах АМРВ автором были изучены материалы и документы, характеризующие революционную борьбу рабочих и крестьян против колонизаторов и феодалов: политические листовки, подпольные периодические издания коммунистических и других прогрессивных организаций, решения политических партий и организаций, воспоминания участников революционных выступлений и записи бесед с ними. С такими же материалами, рассказывающими о революционном движении в провинциях Нгеан и Хатинь и хранящимися в архивах административных комитетов этих провинций, автор познакомился во время научной командировки в ДРВ.

Большую помощь в изучении темы оказал проект

истории Советов Нгеана, составленный участниками Советов Нге-Тиня и изданный в 1956 г. в провинции Нгеан [85]. Существенную помощь оказали также сборник документов и статей «Советы Нге-Тиня», изданный Комитетом по изучению истории партии при ЦК ПТВ [63], и сборник документов и материалов «Современная вьетнамская революция» (т. VI), подготовленный к печати Институтом истории ДРВ [65].

При работе над темой были использованы местная пресса на вьетнамском и французском языках: «Тиенг зан» (1930—1931), «Опиньон» (1930), «Ви экономик де л'Эндошин» (1930), «Клеш феле» (1930), «Аннам нуво» (1930—1931) и др., а также коммунистические подпольные газеты: «Ко до» (1930), «Быок той» (1930), «Нгыой лао кхо» (1930), «Во шан» (1930).

Данная работа хронологически и тематически является продолжением изданной в 1967 г. монографии автора «Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930)» и таким образом завершает изучение определенного этапа национально-освободительного движения вьетнамского народа, «высшей точкой которого было движение за создание Советов в Нгеане и Хатине» [43, 175].

* * *

Перерастание с конца XIX в. французского промышленного капитализма в империализм повлекло за собой глубокие социальные изменения в колониях Франции, в том числе во Вьетнаме. Эти изменения нашли свое выражение прежде всего в становлении капиталистических отношений, в зарождении и развитии антиколониального национально-освободительного движения, в формировании основных сил капиталистического общества — пролетариата и буржуазии. Обе эти силы развивались во Вьетнаме в условиях господства французского монополистического капитала и при медленном разрушении феодальных отношений.

Историю колониальной эксплуатации Вьетнама французским капиталом (с конца XIX в. до начала мирового экономического кризиса) можно разделить на два периода.

Первый период (с конца XIX в. до конца первой мировой войны) был ознаменован созданием условий для превращения Вьетнама в аграрно-сырьевой придаток метрополии. В этот период происходил хищнический захват земель колонизаторами; было положено начало плантационному хозяйству; широкие размеры приняло градостроительство, сооружение портов, мостов, дорожное строительство, средства для которых привлекались главным образом за счет колониальных займов. К этому же времени относится начало развития горнодобывающей и фабрично-заводской (обрабатывающей) промышленности.

В годы первой мировой войны сократился экспорт французских товаров в Индокитай, что способствовало развитию национальной промышленности. Начался новый процесс в развитии индокитайского капитализма, проявившийся во внедрении в производство новой, машинной техники.

Второй период (с конца первой мировой войны и до начала экономического кризиса 1929 г.) характеризовался быстрым развитием многих отраслей хозяйства колониального Вьетнама.

Отпадение России от мировой капиталистической системы в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции нанесло сильный удар по французскому империализму. Известно, что французский капитал контролировал в России 74,3% добычи угля, 55% добычи железа, 18,5% добычи нефти. Победа Октябрьской революции лишила французских империалистов 13 млрд. франков, или 25% всех их заграничных инвестиций. Стремясь компенсировать понесенный ущерб, французский капитал усилил эксплуатацию трудящихся метрополии и народов колоний, в том числе Вьетнама, Камбоджи и Лаоса.

В 20-е годы XX в. отмечался значительный рост французских частных капиталовложений в экономику Индокитая. Расширялись старые и создавались многочисленные новые финансовые, торговые и промышленные компании, общества, строились заводы, закладывались плантации. Индокитайский банк контролировал почти всю хозяйственную жизнь страны. Особенно быстро росло плантационное хозяйство, и в частности производство риса и каучука, приносившее французским

монополиям крупные барыши. Быстро развивалась горнодобывающая промышленность, основные предприятия которой были также сосредоточены в руках империалистов. Появились многочисленные компании по добыче полезных ископаемых. Активно развивалась и фабрично-заводская (обрабатывающая) промышленность. Однако в целом экономика страны развивалась уродливо и однобоко, в интересах французских монополий.

С интенсификацией капиталистической эксплуатации, с созданием во Вьетнаме промышленных и сельскохозяйственных предприятий было непосредственно связано зарождение и развитие вьетнамского промышленного пролетариата. Фабрично-заводской пролетариат начал складываться в класс раньше промышленной буржуазии. Первые индустриальные рабочие появились на фабриках и заводах, на транспорте и стройках, принадлежавших французским империалистам, поскольку национальный капитал был еще весьма слаб и долгое время поступал лишь в торговлю, да и то в сравнительно небольших размерах.

Рост промышленного пролетариата на французских предприятиях протекал быстрее, чем на национальных, число которых до 1914 г. было незначительным, исключение составили мелкие мастерские мануфактурного типа. Первые отряды промышленного пролетариата на национальных предприятиях появились в 1914—1918 гг.

С развитием плантационного хозяйства и горнодобывающей промышленности постоянно росла численность рабочих. Общее число плантационных рабочих в Индокитае накануне первой мировой войны составляло 5—7 тыс., а к 1929 г. оно превысило 81 тыс. Если в 1919 г. в горнодобывающей промышленности работало 11 840 человек, то в 1929 г. — 52 тыс.

По официальным данным Международной организации труда (МОТ), в 1929 г. на французских предприятиях Индокитая были заняты 221 052 рабочих. Появление промышленных центров обусловило массовую миграцию рабочих из сельскохозяйственных районов страны. Концентрация рабочих отмечалась как в определенных промышленных районах, городах, так и в отдельных отраслях промышленности. Относительно высокий уровень концентрации рабочих наблюдался в горной, текстильной, цементной промышленности, плантацион-

ном хозяйстве, на строительстве железных дорог, портов.

В целом для вьетнамского пролетариата был характерен весьма низкий уровень квалификации. Преобладающая масса рабочих — мужчин и женщин — имела возраст от 16 до 35 лет. В годы первой мировой войны отмечался усиленный приток подростков и женщин в фабрично-заводскую промышленность, однако производственный стаж промышленных рабочих по-прежнему оставался низким.

Рабочий класс Вьетнама был тесно связан с земледелием. Развитие капитализма вело к усилению классовой дифференциации в деревне, что, в свою очередь, способствовало возникновению сельскохозяйственного пролетариата.

Вьетнамский промышленный пролетариат по своему национальному составу был относительно однороден — 85—90% его составляли вьетнамцы.

Культурная отсталость рабочего класса (только 15% рабочих могли читать и писать) тормозила развитие его классового самосознания и отрицательно сказывалась на классовой организованности и единстве рабочих.

С конца XIX в. и до 20-х годов XX в. вьетнамский промышленный пролетариат прошел в своем развитии два периода (1885—1917 и 1918—1929). Первый период был отмечен появлением небольших отрядов пролетариата, который полностью еще не порвал связь с земледелием и ремеслом. Как справедливо указывал В. И. Ленин, только «типичные работники мануфактуры (именно совсем или почти порвавшие с землей мастеровые) тяготеют уже к последующей, а не к предыдущей стадии капитализма, стоят ближе к работнику в крупной машинной индустрии, чем к крестьянину» [7а, 436].

Второй период совпал с новым этапом колониальной эксплуатации страны. В этот период, как отмечалось выше, начался процесс развития фабрично-заводского производства, не связанного прямо с мануфактурой.

За 1885—1929 гг. пролетариат Вьетнама претерпел серьезные количественные и качественные изменения и сформировался как класс вьетнамского общества («класс в себе»). Сначала он вел борьбу лишь против

наступления капитала и за улучшение условий труда и жизни.

Пролетариат Вьетнама стал самостоятельной политической силой («класс для себя») лишь в конце 20-х — начале 30-х годов, когда в ходе острой политической борьбы он осознал свою историческую роль, когда рабочее движение стало соединяться с марксизмом-ленинизмом и была создана политическая партия рабочего класса — боевой коммунистический авангард.

Переход от первой фазы («класс в себе») ко второй («класс для себя») проходит в разных странах в разное время и зависит от конкретных социально-экономических условий, от остроты классовой борьбы и уровня политической сознательности пролетариата и его партии.

Во Вьетнаме формирование пролетариата в «класс в себе» и в «класс для себя» хронологически почти совпадают.

Одновременно с формированием пролетариата происходило складывание национальной буржуазии. В начале XX в. и особенно в годы первой мировой войны и после нее заметное развитие получили отдельные отрасли вьетнамской промышленности, и прежде всего обрабатывающая и горнодобывающая. По мере развития капитализма помещики, торговцы, чиновники стали вкладывать свои капиталы в промышленное производство, и в частности в строительство лесопильных, кирпичных и рисоочистительных заводов, шелкопрядильных, мебельных и других фабрик.

В первое время после войны (1919—1924) промышленная вьетнамская буржуазия переживала период активного развития. Расширение сферы капиталистического предпринимательства привело к появлению относительно крупных капиталистов из вьетнамцев. В национальной промышленности наряду с сохранением мануфактуры начался процесс перехода на стадию фабрично-заводского производства, которое не было прямо связано с мануфактурой. Активизация деятельности национальной буржуазии в промышленности после первой мировой войны свидетельствовала о начале складывания ее в класс в масштабе всей страны. Относительно крупные буржуа появились в рисоочистительной и текстильной промышленности, в производстве ныок мам (рыбный соус), а также на транспорте.

Вьетнамская промышленная буржуазия в большей своей части вышла из среды помещиков, подрядчиков, компрадоров, торговцев. В северных районах страны, где ремесленное хозяйство было более развитым, отмечались отдельные случаи, когда капиталистами становились ремесленники.

В связи с формированием пролетариата и буржуазии, являвшихся руководящей силой национально-освободительного движения, обострились противоречия между колонизаторами-империалистами, с одной стороны, и прогрессивными силами внутри страны — с другой.

История национально-освободительного движения с начала вооруженного захвата Вьетнама французскими колонизаторами (1858 г.) и до образования Коммунистической партии (февраль 1930 г.) может быть разделена на три периода.

Первый период — с начала захвата Вьетнама и до конца движения «Кан вонг» (1896 г.). Этот период характеризуется мощным подъемом антифранцузской борьбы, которая проходила под девизом «служение королю» («Кан вонг») и преследовала цель изгнать из страны иностранных захватчиков и восстановить власть короля. В понимании участников и руководителей движения «Кан вонг» любовь к родине должна была сочетаться с обязательной верностью монарху и защитой его власти. По форме это было феодальное, патриотическое, освободительное движение, объединившее в своих рядах крестьянство, ремесленников, патриотически настроенных феодалов. Основной движущей силой в этой борьбе выступали крестьяне. Во главе ее стояли патриотически настроенные феодалы и просвещенные лица — «вантханы». С поражением движения «Кан вонг» в конце XIX в. в основном закончился период феодального национализма в освободительном движении вьетнамского народа. Освободительные идеи движения «Кан вонг» сыграли важную роль в пробуждении национального самосознания вьетнамского народа на последующем этапе его исторического развития.

Второй период — с конца XIX в. до мировой войны 1914—1918 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции. Интенсивный рост капиталистического производства во Вьетнаме объективно способствовал пробуждению национального самосознания народа. Стрем-

ление к национальному освобождению, к завоеванию демократических свобод проявилось во Вьетнаме в результате зарождения новых общественных классов — буржуазии и пролетариата,— а также благодаря деятельности новой, прогрессивной интеллигенции, воспринявшей буржуазную идеологию.

Носителем идей национального возрождения выступала новая, буржуазная интеллигенция. Ее представители, воспитанные на произведениях китайских и японских реформаторов, на трудах французских просветителей, стали все чаще задумываться над путями дальнейшего развития родины, пытаясь отыскать в реформаторских и просветительских идеях ответ на волновавшие ее вопросы, и прежде всего на вопрос о том, как добиться национальной независимости.

Пробуждение национального самосознания у передовых патриотически настроенных кругов вьетнамского общества происходило также под влиянием русско-японской войны и первой русской революции 1905—1907 гг.

Передовая вьетнамская интеллигенция развернула пропаганду буржуазного пути развития. Тем самым было положено начало движения «Зуи тан» («По пути прогресса и цивилизации»). Оно и ознаменовало пробуждение национального самосознания народа.

В период пробуждения Азии в национально-освободительном движении Вьетнама четко определились два направления: антиимпериалистическое и антифеодальное. Сторонники первого направления стояли на позициях вооруженной антиимпериалистической борьбы. Они выступали под лозунгом «Кровь за кровь!». Сторонники второго направления преследовали цель вести антифеодальную демократическую борьбу за расширение народного просвещения и программу широких социальных реформ, способствующих развитию капитализма.

Идеологом и виднейшим представителем первого направления стал Фан Бой Тяу. Он создал первую в истории страны национальную политическую организацию — общество «Зуи тан» (1904—1912), поставившую основной задачей вооруженную борьбу за изгнание французских колонизаторов. В 1905—1909 гг. это общество развернуло широкое патриотическое движение, вошедшее в историю под названием «Донг зу» («На Восток»). Это движение ставило перед собой задачу отправлять вьет-

намскую молодежь на учебу в Японию с целью подготовки военных и гражданских кадров для борьбы за национальную независимость.

Идейным вдохновителем второго направления в национальном движении выступил Фан Тю Чинь. Социологические взгляды Фан Тю Чиня несли на себе влияние идей французских просветителей о пользе народного просвещения и демократизации политического строя. В отличие от Фан Бой Тяу, Фан Тю Чиню были чужды идеи антифранцузской борьбы. Ему были близки традиции французской буржуазной республики; более того, он уповал на помощь Франции в деле социального возрождения страны.

Весьма противоречивый и непоследовательный характер воззрений Фан Тю Чиня и Фан Бой Тяу объясняется тем, что они жили в период, когда феодальные производственные отношения постепенно сменялись капиталистическими, когда класс феодалов вступил на путь сотрудничества с французскими империалистами, а новые социальные классы — буржуазия и пролетариат — еще находились в стадии формирования.

Идеологическим и патриотическим центром пропаганды мирного пути развития страны явилась просветительная организация «Донг кинь нгиа тхук» (Тонкинская общественно-просветительная школа), основанная в Ханое в 1907 г. Несмотря на свое кратковременное существование, эта организация смогла развернуть широкую кампанию по борьбе с феодальной идеологией во всех областях общественно-политической жизни страны. В работе школы участвовали не только сторонники мирного пути борьбы за прогресс и демократию, в стенах школы выступали также с докладами и сподвижники Фан Бой Тяу, что свидетельствовало о тесном переплетении двух указанных направлений.

Тонкинская школа вела борьбу против засилья феодальной идеологии в культуре, образовании, искусстве. Ее участники широко популяризировали буржуазную культуру. «Донг кинь нгиа тхук», подобно движению «Донг зу», имела ярко выраженную патриотическую направленность, ставя задачей поднять культурный и духовный уровень народа.

Оба этих патриотических движения дополняли друг друга в антиимпериалистической и антифеодальной

борьбе вьетнамского народа. Однако между ними отмечались и значительные расхождения. Так, если основная цель движения «Донг зу» сводилась к получению вьетнамской молодежью образования в Японии, с тем чтобы подготовить национальные кадры для будущей вооруженной антифранцузской борьбы, то «Донг кинь нгиа тхук» своей основной задачей выдвигала проведение социальных реформ с целью демократизации страны и поднятия культурного уровня ее народа.

Сторонники «Донг кинь нгиа тхук» выступали против китайской феодальной культуры и письменности, тогда как французские власти были заинтересованы в их сохранении. Французские колонизаторы через своих агентов — феодалов насаждали в народе конфуцианские каноны, сохраняли феодальную культуру и мораль, ибо это давало им возможность удерживать массы в состоянии невежества и обскурантизма.

Тонкинская школа вела широкую пропаганду за новый, капиталистический путь развития деревни, сочетая эту пропаганду с большой просветительской работой. Результаты такой деятельности ярко проявились во время крестьянских выступлений в Чунгки против тяжелых налогов и принудительного труда (1908 г.). Движение охватило более десяти провинций и сильно потрясло колониально-феодальный режим.

Национально-освободительное движение во Вьетнаме активизировалось после Синьхайской революции (1911—1913). Этому в значительной мере способствовали благоприятные внутренние и внешние факторы. Внутренними факторами мы считаем усиление процесса формирования буржуазии и пролетариата, дальнейшее ухудшение материального положения народных масс, грабительское выкачивание колонизаторами природных и людских ресурсов страны и использование их в военных целях. К числу внешних факторов мы относим: пробуждение Азии, происшедшее под непосредственным влиянием русско-японской войны 1904—1905 гг. и русской революции 1905—1907 гг., Синьхайскую революцию в Китае и первую мировую войну. Под влиянием Синьхайской революции вьетнамские патриоты создали в 1912 г. в Гуанчжоу (Китай) патриотическое революционно-демократическое общество «Куанг фук хой». В своей деятельности оно явилось последователем го-

миньдана и организационно было построено по его подобию. «Куанг фук хой» ставило целью изгнание французских колонизаторов и провозглашение буржуазной республики.

Исходя из сказанного выше, можно констатировать, что в рассматриваемый период в идеологической направленности вьетнамского освободительного движения наметился значительный сдвиг: идеи восстановления абсолютистской, а затем и конституционной монархии под влиянием Синьхайской революции постепенно сменяются идеями учреждения буржуазно-демократической республики. Идеологом этого направления стал Фан Бой Тяу.

В период первой мировой войны отмечается дальнейший подъем национально-освободительного движения, в которое вовлекаются более широкие слои вьетнамского общества: солдаты, крестьяне, ремесленники, рабочие, патриотически настроенные мелкие чиновники и прогрессивная интеллигенция. В освободительной борьбе начинают принимать широкое участие различные народности и племена, населяющие Индокитай. Первая мировая война «окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии» [35, 370].

Национально-освободительное движение в то время представляло значительную опасность для французского колониального господства. Однако из-за объективных внешних и внутренних факторов (относительная мощь французского империализма, отсутствие передового класса, способного возглавить и объединить борьбу народных масс и довести ее до окончательной победы, и др.) освободительное движение еще не могло ликвидировать господство колонизаторов.

Однако антиимпериалистическое движение в годы первой мировой войны обогатило народные массы Вьетнама опытом классовой борьбы против колониализма и феодализма. Выступления этих лет создали необходимые предпосылки для нарастания нового, более мощного революционного движения, характер которого коренным образом меняется под воздействием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий период — от Октябрьской революции до

создания единой Коммунистической партии Вьетнама (февраль 1930 г.).

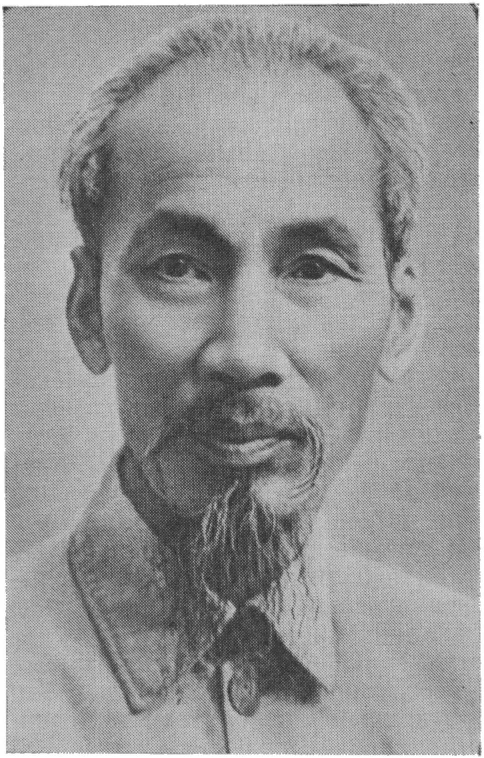
Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России вдохновила вьетнамский народ на борьбу за освобождение от гнета французских колонизаторов и местных феодалов, оказала огромное влияние на весь дальнейший ход национально-освободительного движения.

На первых порах (1917—1926 гг.) идеи Октября проникали во Вьетнам через Францию и Китай. Во Франции, богатой революционными традициями, развернулось мощное революционное движение, которое не могло не сказаться на вьетнамских солдатах, рабочих и студентах, проживавших в этой стране. Французские рабочие и коммунисты познакомили первых вьетнамских революционеров с идеями Октябрьской революции. Этими вьетнамскими революционерами были: Хо Ши Мин, Тон Дык Тханг, Нгуен Сить (Буй Лам), Фан Ван Чыонг, Буй Конг Чынг, Нгуен Ван Тао, Зыонг Бать Май и др. Многие из них вступили в ряды Французской коммунистической партии и активно участвовали в революционной борьбе французского народа. Вьетнамские коммунисты росли и закалялись в рядах ФКП.

Деятельности вьетнамских революционеров благоприятствовала также революционная обстановка в Китае, где в 1919 г. под влиянием Октября возникло широкое антиимпериалистическое «Движение 4 мая». Китайский город Гуанчжоу (провинция Гуандун) служил зарубежным центром деятельности вьетнамских патриотов во главе с Фан Бой Тяу.

Вьетнамские революционеры стали все чаще обращать свои взоры к Советскому Союзу — родине Октября. Многие вьетнамцы учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока или участвовали в различных международных рабочих и коммунистических организациях. Подлинно коммунистическую школу прошли в Советском Союзе такие вьетнамские революционеры, как Хо Ши Мин, Чан Фу, Ле Хонг Фонг, Ха Хюи Тап, Нгуен Тхи Минь Кхай, Зыонг Бать Май, Буй Конг Чынг, Нгуен Кхань Тоан и многие другие.

Опасаясь влияния Октябрьской революции на Вьетнам и другие колонии, французские власти развернули клеветническую кампанию против Советской России и

Хо Ши Мин

Французской коммунистической партии. В антикоммунистической пропаганде французским империалистам активно помогали помещичье-буржуазные компрадорские слои и королевский двор Нгуенов.

Под воздействием Октябрьской революции во Вьетнаме усилилось национально-освободительное движение, в которое все шире вовлекаются рабочие, крестьянство, мелкая и национальная буржуазия.

Вьетнамская буржуазия, будучи опытнее рабочего класса в политической борьбе, раньше него создала свою партию и выдвинула собственную политическую программу. В 1917—1926 гг. в Кохинхине вьетнамской буржуазии удалось активизировать борьбу под буржуазно-демократическими лозунгами и использовать ее в своих классовых интересах. Вьетнамская буржуазия в поли-

тическом отношении не была однородной. Ее либеральные круги выступали за реформы и франко-вьетнамское сотрудничество. Интересы этих кругов отражали Конституционная партия (создана в 1923 г.) во главе с Буй Куанг Тиеу и сторонники Фан Тю Чиня и Хюинь Тхук Кханга. Выразителем интересов левого крыла национальной буржуазии была Национальная партия (создана в 1927 г.) во главе с Нгуен Тхай Хоком; правда, по своему составу эта партия была мелкобуржуазной. Интересы мелкой буржуазии представляли группа Нгуен Ан Ниня, Молодежная партия и группа Фук Вьета. Левая часть национальной буржуазии и мелкая буржуазия не поддерживали доктрину франко-вьетнамского сотрудничества и совместно с другими революционными силами вели активную борьбу против империалистов за национальную независимость.

Рабочий класс Вьетнама в 1917—1926 гг. стал одной из важных антиимпериалистических сил. Многие вьетнамские рабочие, проживавшие в различных городах Франции, и прежде всего в Марселе, Гавре, Бордо, были членами французских профсоюзов. По возвращении на родину они становились организаторами и активными борцами за дело рабочего класса и освобождение страны от колониализма.

Важную роль в подготовке революционных кадров Вьетнама сыграл также Китай. Вьетнамский пролетариат рос и креп под революционным влиянием пролетариата Кантона, Шанхая и других промышленных городов Китая.

Растущая классовая сознательность вьетнамских рабочих проявилась в забастовках 1924—1926 гг. К середине 20-х годов уже существовал тесный контакт рабочих одной и той же отрасли промышленности, за которым последовало установление контактов и взаимопомощи между рабочими различных отраслей промышленности одного индустриального центра (например, в Намдине).

Вместе с тем стачки фабрично-заводских рабочих в этот период носили преимущественно экономический характер, перемежаясь с отдельными политическими выступлениями (забастовка рабочих на заводе «Башон» в августе 1925 г. в знак солидарности с борьбой китайского народа, манифестации в знак протеста против ко-

лониальной войны в Марокко и Сирии в конце 1925 г., участие рабочих в антиимпериалистических, политических демонстрациях 1926 г. и др.).

Марксизм-ленинизм еще не проник глубоко в рабочее движение, и рабочие, не представляя самостоятельной политической силы, пока не вели борьбы за интересы своего класса в целом. Рабочее движение в этот период развивалось в отрыве от выступлений крестьянства, огромные потенциальные возможности которого оставались неиспользованными. Крестьянские выступления не получили еще широкого размаха, а пролетариат не выступал руководителем национально-освободительного движения.

Характер рабочего движения постепенно меняется после создания первой марксистской организации — Товарищества вьетнамской революционной молодежи (1925 г.) и образования его низовых организаций, с деятельностью которых связано внесение марксистско-ленинского учения в рабочее движение Вьетнама. Товарищество было создано Хо Ши Мином и его соратниками Хо Тунг Мау (Ить), Ле Ван Фаном (Ле Хонг Шон), Ле Хонг Фонгом (Ле Хюи Зоан) и др.

Период 1926—1929 гг. характеризуется острой борьбой за влияние в национально-освободительном движении, развернувшейся между революционной буржуазией во главе с Национальной партией, с одной стороны, и рабочим классом во главе с марксистской организацией — Товариществом вьетнамской революционной молодежи — с другой. Национальная партия, подвергшаяся в начале 1929 г. сильным репрессиям со стороны колониальных властей, взяла курс на подготовку вооруженного восстания.

Помимо Товарищества вьетнамской революционной молодежи и Национальной партии существовала еще одна антиимпериалистическая организация — Революционная партия нового Вьетнама. Однако эта партия переживала идейный разброд и организационный распад. Большинство ее членов вступило в ряды Товарищества, а впоследствии в компартию. Товарищество вьетнамской революционной молодежи подготавливало условия для создания коммунистической партии, занимаясь распространением идей марксизма-ленинизма.

Если на протяжении 1917—1926 гг. в антиимпериа-

листическом движении безраздельно господствовала буржуазно-националистическая идеология, то в период 1926—1929 гг. все большую роль в нем начали играть идеи марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская идеология, выступая против буржуазного национализма и национал-реформизма, постепенно проникала в народные массы. Все три организации не выступали единодушно в общей борьбе за национальную независимость. Каждая из них шла самостоятельно, не согласуя свои действия с другими, что в известной мере свидетельствовало об организационной слабости антиимпериалистического движения.

Таким образом, в 1926—1929 гг. ни рабочему классу, ни буржуазии не удалось завоевать руководящей роли в национально-освободительном движении, ибо буржуазия была незрелой, слабой политической силой, внутри нее не существовало единства, ее верхушечная часть тяготела к сотрудничеству с империалистами, а ее низшие слои были настолько слабы, что не могли претендовать на руководящую роль в освободительном движении.

Пролетариат же только что сформировался как класс и еще не приобрел большого опыта классовой борьбы; у него не было передового коммунистического авангарда.

Вместе с тем в указанный период шел активный процесс складывания основных политических сил — участников борьбы за гегемонию. Рабочий класс закалялся и приобретал опыт классовой борьбы под руководством коммунистов. На сторону рабочего класса в 1926—1929 гг. постепенно начали переходить широкие слои мелкой буржуазии города и деревни. Если в 1917—1926 гг. в ряде районов страны, и главным образом в Кохинхине, буржуазии удалось использовать национально-освободительное движение в своих интересах, то в 1926—1929 гг. она не только не смогла удержать завоеванные ею позиции, но и лишилась тех преимуществ, которых она добилась раньше.

Рабочее движение в 1926—1929 гг. по сравнению с предшествующим периодом приняло более широкий размах и претерпело качественные изменения, распространившись на различные отрасли производства. Забастовки происходили не только на отдельных предприятиях, как раньше, ими были охвачены различные отрас-

ли хозяйства. Рабочее движение активизировалось и на предприятиях местных капиталистов. Если раньше оно было направлено главным образом против французских предпринимателей, то теперь рабочие стали выступать и против местных эксплуататоров.

Развитие рабочего движения в 1926—1929 гг., деятельность Товарищества вьетнамской революционной молодежи и газеты «Тханьниен», широкая теоретическая, политическая и организационная борьба коммунистов подготовили необходимые условия для соединения научного социализма с рабочим движением. На повестке дня революционной борьбы пролетариата и крестьянства со всей остротой встал вопрос о необходимости создания коммунистической партии, способной последовательно руководить революционным движением и довести его до окончательной победы.

Подъем национально-освободительного движения во Вьетнаме в 1930 г. и образование Коммунистической партии Вьетнама явились основой, на которой возникли Советы Нге-Тиня, ставшие «генеральной репетицией» победы вьетнамской революции.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДОКИТАЯ В НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

Экономический кризис и положение трудящихся

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. с особой силой ударил по колониальным странам — придаткам империалистических держав, старавшихся переложить тяжесть кризиса на свои колонии. В 1929—1933 гг. экономика колониального Вьетнама начала втягиваться в мировой экономический кризис. Этот процесс особенно быстро стал развиваться в 1930—1932 гг. Кризис охватил почти все отрасли экономики страны: произошло сокращение объема производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, нарушение нормальной торговли и кредитной системы [75, 65]. Кризис перепроизводства сочетался с разрушением крестьянского хозяйства, которое было доведено до истощения. Больше всего пострадали отрасли производства, связанные с экспортом и являвшиеся ведущими отраслями хозяйства страны. Эти отрасли при колониальном господстве развивались однобоко и были полностью подчинены интересам внешнего рынка. Поэтому мировой экономический кризис в первую очередь задел именно их.

Экономика Индокитая, являвшаяся аграрно-сырьевым придатком хозяйства метрополии, особенно болезненно реагировала на падение цен на мировом рынке. Цены на рис — основную культуру и главный источник доходов Индокитая — резко упали. Генерал-губернатор Паскье в докладе на заседании Высшего экономического и финансового совета Индокитая 25 ноября 1931 г. отмечал, что цены на вывозимый рис понизились по сравнению с 1930 г. на 50% [61, 42]. Вывоз риса в Япо-

нию сократился по сравнению с 1930 г. на 65%, а в 1931 г. почти прекратился (раньше Япония покупала в Индокитае 150 тыс. *т* риса в год). На 50% упал экспорт риса в Индию, Европу и Америку. Главный потребитель индокитайского риса — Китай в 1931 г. почти не импортировал его; прекратили закупку индокитайского риса также Ява, Бирма и Сиам. В результате в Индокитае скопились огромные запасы риса. В то же время его потребление в стране не увеличилось, ибо покупательная способность широких масс под влиянием экономического кризиса резко упала. Китайские и вьетнамские торговцы рисом занимались спекуляцией на внутреннем рисовом рынке, в результате чего еще больше ухудшилось положение трудового народа.

Вторым важным источником дохода для Индокитая был каучук. Цены на него в 1930 г. упали по сравнению с 1929 г. на 65%, а к апрелю 1931 г. — на 79,7% [61, 43]. С 1929 по 1933 г. понизились цены и на другие экспортные товары Вьетнама: кукурузу — на 75%, олово — 54, свинец — 50, цинк — на 45, уголь — на 14% [75, 65].

Стоимость внешнеторгового оборота уменьшилась более чем в два раза. Импорт Вьетнама сократился более чем в два с половиной раза, а экспорт — в два раза [1]. Падение цен привело к сокращению сельскохозяйственного и промышленного производства, а также к свертыванию плантационного хозяйства.

Кризис затронул не только сельское хозяйство Индокитая, но и промышленность, как добывающую, так и обрабатывающую. Падение цен на олово, цинк, уголь привело к банкротству ряда промышленных предприятий. Рудники Тонкина и Лаоса вынуждены были свернуть свою работу либо полностью, либо частично. Многие промышленные города обезлюдели. В «Журналь де Деба» 19 октября 1931 г. было опубликовано письмо корреспондента из Сайгона, в котором говорилось: «Простой прогулки через Сайгон достаточно, чтобы дать себе отчет о глубине экономического кризиса, который

---

[1] Общая стоимость экспорта составила в 1927 г. 233 млн. пиастров, в 1930 г.— 184 млн., в 1931 г.— 112 млн., в 1932 г.— 102 млн., в 1933 г.— 101 млн. пиастров. Импорт в эти годы составил соответственно 205 млн., 181 млн., 129 млн., 94 млн., 90 млн. пиастров [93, 12].

охватил весь Индокитай... Из Тёлона, китайского города, бежало более 20 тыс. китайцев... В Кохинхине, Камбодже, Аннаме и Тонкине — великая нужда» [61, 41].

Не менее впечатляюще описание положения других городов в годы кризиса. Так, газета «Опиньон» 15 октября 1931 г. сообщала: «Тёлон умирает. Многочисленные заводы, мастерские, задетые кризисом, должны были прекратить свою деятельность. Эта же газета от 26 сентября 1931 г. писала о положении промышленного города Биньтай (Кохинхина): «Кто знал Бинтей два года назад, не узнает его сейчас: он безжизнен. Торговые дома, коммерческие ателье, заводы обречены на смерть из-за мирового экономического кризиса» [там же]. В газете «Авенир дю Тонкэн» 27 марта 1931 г. говорилось: «Последствия кризиса в розничной торговле ужасны. За два последних месяца 560 мелких торговцев Тёлона разорились. Банкротства торговцев в Сайгоне — Тёлоне следуют одно за другим» [61, 45]. «Трибюн эндошинуаз» 25 сентября 1931 г. писала о том, что тысячи китайцев покидают Кохинхину; разоряются торговые компании в Аннаме и Тонкине. Газета «Ами дю пепль» 1 декабря 1930 г. отмечала крайне тяжелое экономическое положение страны. «Стоимость акций Сайгонского банка, — писала эта газета, — упала почти вдвое; акции Торгово-промышленного, сельскохозяйственного и финансового общества оцениваются вполовину; акции Ниньбиньских каменноугольных копей упали с 100% до 50%; акции Индокитайского общества тропических культур понизились в два раза. Акции Контумской сельскохозяйственной компании утратили половину своей ценности. Акции Общества чайных и кофейных плантаций Индокитая (Камте, Бьенхоа) понизились в цене на $^2/_3$. Акции Аннамской сельскохозяйственной компании, Сушерских плантаций гевеи утратили $^3/_4$ своей ценности». Свертывание производства коснулось стекольной, химической, текстильной, пищевой, табачной и других отраслей промышленности. Кризис охватил также ремесленное производство.

Следует отметить, что разорялись в основном мелкие и средние предприятия (прежде всего принадлежавшие вьетнамским и китайским дельцам) и в то же время происходил процесс концентрации капитала в руках крупных французских и частично вьетнам-

ских компаний. Если в 1930 г. в главных торгово-промышленных центрах страны — Хайфоне и Сайгоне — разорилось 177 предпринимателей, то в 1933 г. их численность достигла 209 [65, 23].

Политика колонизаторов в годы кризиса была подобна петле, которая с каждым днем все туже стягивалась на шее вьетнамского народа. Чтобы обеспечить сбыт французских товаров, администрация ввела целую серию жестких пошлин, препятствовавших импорту товаров из других стран. Пошлина составляла от 50 до 100% продажной стоимости товаров, в то время как французские товары ввозились во Вьетнам без пошлин и на них устанавливались монопольные цены, что давало возможность получать большие прибыли.

Колониальные власти заботились лишь об интересах французских капиталистов, в частности владельцев плантаций каучука. Только за 5 лет (1930—1934) владельцы каучуковых концессий получили ссуду в сумме свыше 9 млн. пиастров [65, 24]. Благодаря оказанной помощи владельцы каучуковых плантаций во время экономического кризиса продолжали развивать свою деятельность, в результате чего площадь плантаций увеличилась со 119 тыс. *га* в 1929 г. до 126 408 *га* в 1932 г. Увеличилась также и добыча каучука (с 10 308 *т* в 1929 г. до 14 607 *т* в 1932 г.) [65, 26].

Аналогичную политику администрация вела в отношении кофейных плантаций французских владельцев, субсидируя их, выделяя для них дотации. В 1931—1933 гг. общая сумма выданных им ссуд составила 604 143 пиастра, а сумма дотаций — 104 171 пиастр [65, 26]. Колониальная администрация предоставляла ссуды также владельцам рисовых плантаций, одновременно выделяя средства для поисков рынков сбыта риса. Так, генерал-губернатор Паскье выделил 2 млн. пиастров на продажу индокитайского риса во Францию. Благодаря поддержке колониальной администрации французские монополии в Индокитае не только не обанкротились, но даже смогли получить определенные прибыли.

Мировой экономический кризис имел разрушительные последствия для всей экономики Индокитая и пагубно отразился на положении рабочих, крестьян, национальной буржуазии и средних городских слоев населения. Положение трудящихся масс, и без того тяже-

лое, в годы кризиса еще больше ухудшилось. Падение цен на олово, цинк, цемент, уголь привело к закрытию ряда заводов, фабрик и шахт. Некоторые предприятия (цементные, стекольные, маслобойные) перешли на неполную рабочую неделю. Кризис повлек за собой рост безработицы, уменьшил реальную заработную плату трудящихся, ухудшил условия их труда.

С 1930 г. стала катастрофически расти безработица. Число безработных среди фабрично-заводского пролетариата составило 25 тыс. [87, 125], или десятую часть индустриального пролетариата. Если учесть численность всех рабочих, то почти 30% их были безработными [93, 48]. Широко была распространена скрытая безработица, т. е. неполная занятость рабочих на производстве. Так, в Тонкине в 1936 г. из 24 825 рабочих 16 645 работали лишь 150 дней в году. В журнале «Кайе дю большевизм» 1 февраля 1931 г. была опубликована статья под названием «Экономическое и политическое положение в Индокитае и неотложные задачи Коммунистической партии». В ней говорилось, что 30% рабочих в Индокитае уволены, остальные работают по системе: «четные дни — рабочие, нечетные — выходные», иначе говоря, рабочие заняты только наполовину.

Число работавших горняков составляло в 1928 г. 54 тыс., в 1930 г. — 45 700, в 1931 г. — 34 800, в 1932 г. — 33 500. В Бакки (Тонкин) насчитывалось 25 тыс. безработных рабочих, а в Чунгки — более 22 тыс. [92, 33]. На некоторых предприятиях рабочие подвергались увольнению на 50—80% их состава. Так, на каучуковых плантациях Камтьен, где было занято 4 тыс. рабочих, в годы кризиса сократили 3200 человек, всего же на каучуковых плантациях за годы кризиса было уволено 60% рабочих [61, 44]. Массовое сокращение рабочих производилось во всех отраслях промышленности.

Французские и вьетнамские предприниматели, воспользовавшись безработицей, усилили интенсификацию труда. Так, если прежде один рабочий, работающий 10 часов в день, добывал 4 вагонетки угля и получал 35 центов в день, то в годы кризиса, с введением сдельной оплаты,— 6 центов за вагонетку, для того чтобы получить 35 центов, рабочий должен был давать 6 вагонеток в день и работать 14 часов [62, 52]. На французских прядильных фабриках в годы кризиса рабочий вынуж-

ден был обслуживать 500 веретен вместо 250 до кризиса [75, 76]. Так называемая рационализация в условиях плантационного хозяйства выразилась в переводе одного кули с обработки 1 *га* земли на обработку 4 *га* за ту же оплату. Таким образом, благодаря интенсификации производительность труда рабочего возросла более чем в два раза.

В годы кризиса снизилась номинальная заработная плата рабочих: у шахтеров на 45% [76, 75], у плантационных рабочих на 32% [65, 133], у неквалифицированных рабочих на 32%. Зарплата в целом понизилась как минимум на 30% и как максимум на 50—70%.

Положение рабочих ухудшилось в результате роста цен на основной продукт питания — рис — на внутреннем рынке. Только за три месяца (февраль — апрель 1930 г.) цена на рис поднялась на 33% [62, 52]. Рост цен на товары первой необходимости и платы за жилье по сравнению с 1914 г. (индекс = 100) составил: на рис — 172, на свинину — 197, на рыбу — 250, на одежду — 314, за жилье — 337, за свет — 168 при сохранении прежней заработной платы. Вьетнамский рабочий с трудом сводил концы с концами.

Мировой экономический кризис сказался и на формировании рабочего класса Вьетнама. Так, если до 1929 г. процесс формирования фабрично-заводского пролетариата развивался интенсивно, то в годы экономического кризиса этот процесс был приостановлен.

Экономический кризис повлиял и на положение крестьянства. Крестьяне были основными производителями риса, кукурузы, маиса, перца, копры, которые частично или полностью шли на экспорт. Падение цен на эти товары сильно ударило по крестьянству. Уменьшилась заработная плата батраков и бедняков. Тяжелым бременем ложился на крестьянство рост налогов. Так, до 1929 г. на уплату налогов уходила $^1/_2$ *ц* риса, в 1932 г. — 1 *ц*, а в 1934 г. — 2 *ц* [65, 122].

Положение крестьян ухудшалось из-за того, что цены на промышленные товары падали медленнее, чем на сельскохозяйственные продукты. Так, за 1930—1933 гг. эквивалентность риса при сопоставлении с промышленными изделиями снизилась почти вдвое [99, 124]. Понижение цен на сельскохозяйственные продукты и землю

привело к росту задолженности крестьян. Чтобы заплатить долги помещикам и ростовщикам, крестьянин вынужден был продать последние запасы продовольствия, а часто и землю. Французский ученый Гуру отмечает, что в провинциях Хыннен и Тхайбинь земельные участки крестьян переходят к ростовщикам в счет долгов за очень низкую цену. Так, в Хыннене крестьяне продавали землю по цене 10—20 пиастров за 1 *га* вместо 100 [102, 363]. Газета «Импарсиаль» 8 августа 1931 г. писала: «Рисовые поля, цена на которые несколько месяцев тому назад достигала примерно 300 пиастров за 1 *га*, продаются теперь с трудом за 30—40 пиастров» [61, 52]. Индокитайский банк, иностранные плантаторы и местные помещики забирали у крестьян за долги последний рис и землю. Чтобы избежать голодной смерти, крестьянин был вынужден продавать не только землю, сельскохозяйственный инвентарь, но даже своих детей [107, 192—193]. За счет крестьян обогащались спекулянты.

Кризис принес разорение также ремесленникам и мелким торговцам. Ухудшилось положение и низших слоев чиновников. Был прекращен набор новых чиновников в государственный аппарат, кроме полицейских и солдат в колониальную армию. В печати сообщалось, что к сентябрю 1931 г. из 9888 вьетнамцев-чиновников были уволены 2262 и из 707 европейцев — 128 [61, 47]. У оставшихся чиновников сократилась заработная плата, установился большой разрыв в зарплате вьетнамских и французских чиновников.

Положение трудового народа ухудшалось из-за стихийных бедствий, один за другим следовали тайфуны и наводнения: в 1930 г. тайфун поразил Кохинхину, в 1931 г. — Нге-Тинь, в 1932 г. — юг Чунгки, в 1934 г. — Хатинь и Тхыатхиен.

Стремясь найти выход из бедственного положения, все более широкие слои населения включались в антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу. Тяжелые последствия кризиса послужили одной из важнейших причин подъема революционного движения в Индокитае в 1930—1931 гг.

Усиление революционных выступлений трудящихся. Образование Коммунистической партии Вьетнама

Трудящиеся Индокитая не оставались безучастными к умножившимся страданиям. Экономический кризис явился толчком для нового подъема рабочего и национально-освободительного движения. С апреля 1929 по май 1930 г. в Индокитае произошло 43 забастовки, из них 22 в Бакбо (Тонкин), 4 в Чунгбо, 12 в Намбо и 5 в Камбодже [101, 159].

Забастовочное движение теперь значительно отличалось по своему характеру, содержанию и формам от забастовочного движения предшествующего периода. Рабочие стали лучше понимать свои классовые интересы. В этом большая заслуга принадлежала вьетнамским коммунистам, которые вели широкую пропагандистскую работу среди рабочих, внося в рабочее движение марксистско-ленинскую идеологию.

В марте 1929 г. в Бакбо создается первая коммунистическая ячейка из семи человек [93, 436]. В своей деятельности она руководствовалась программой и уставом Коминтерна. Ячейка развернула работу на некоторых промышленных предприятиях Вьетнама. Она привлекала к себе наиболее активных членов Товарищества вьетнамской революционной молодежи, ведя агитацию за создание коммунистической партии.

По размаху и силе рабочего движения ведущее место в стране занял Бакбо. После первой мировой войны и особенно в 1924—1929 гг. там быстро развивалась промышленность, строились новые фабрики и заводы, закладывались шахты. Это сопровождалось значительным ростом численности пролетариата и развитием рабочего движения. Концентрация пролетариата здесь была большей, чем в Чунгбо и Намбо, коммунисты были теснее связаны с рабочими и лучше знали их нужды [82, 23].

В связи с развитием национального капитала усилила свою деятельность и вьетнамская буржуазия во главе с Национальной партией, которая стала особенно активной в Бакбо в 1928—1929 гг. Между Национальной партией и Товариществом развернулась острая идеологическая борьба за руководство национально-освободи-

тельным движением. Это была борьба двух идеологий — марксизма-ленинизма и буржуазного национализма, в которой рабочий класс закалялся и накапливал опыт классовой борьбы.

Подъем рабочего и национально-освободительного движения в 1929—1930 гг. в масштабе всей страны ставил на повестку дня создание всевьетнамской организации рабочего класса — коммунистической партии, которая возглавила бы рабочее и национально-освободительное движение в стране, борьбу за свержение феодально-колониального строя, за национальную независимость.

Состоявшийся в Южном Китае в мае 1929 г. первый съезд Товарищества по предложению Тонкинской делегации обсудил вопрос о создании коммунистической партии. Однако большинство участников съезда сочло такое предложение преждевременным. В ответ Тонкинская делегация покинула съезд.

Исходя из реальной обстановки и задач национально-освободительного движения, можно считать, что предложение Тонкинской делегации на первом съезде Товарищества о создании коммунистической партии было правильным и своевременным. Тонкинская делегация совершенно справедливо констатировала наличие во Вьетнаме необходимых условий для образования коммунистической партии. Однако ее уход со съезда способствовал разобщению коммунистических сил и привел к возникновению сепаратистских коммунистических групп.

Уход Тонкинской делегации со съезда был тем более неоправданным, что как на предварительном совещании, так и на самом съезде большинство делегатов выступало не против создания коммунистической партии вообще, а против ее немедленного образования на съезде. Эти делегаты считали, что сначала необходимо провести определенную подготовительную работу. Этот довод не был лишен оснований, так как до съезда среди членов Товарищества в Чунгки и Намки не велось серьезной работы, в связи с чем предложение Тонкинской делегации для представителей Намки, Чунгки и ЦК было в известной мере неожиданным.

В июне 1929 г. по возвращении Тонкинской делегации на родину в стране была создана Индокитайская

коммунистическая партия (ИККП). Основную часть этой организации составили члены Тонкинской организации Товарищества.

В октябре возникла Аннамская коммунистическая партия, в которую вошли члены Кохинхинской организации Товарищества. В конце 1929 г. из числа оставшихся членов Революционной партии нового Вьетнама организовался Индокитайский коммунистический союз.

Итак, к началу 1930 г. во Вьетнаме существовали три коммунистические организации, две из которых именовались партиями (ИККП и АКП), а одна — союзом (ИККС).

Почти одновременное появление нескольких коммунистических организаций было вызвано наличием в коммунистическом движении Вьетнама определенных противоречий и разногласий, которые в известной мере обусловливались различием в уровне социального и экономического развития разных районов страны, а также существованием в стране трех различных систем колониального административного управления.

Коммунистические организации провели большую работу по укреплению уже имевшихся профсоюзных организаций, активно участвовали в создании новых профсоюзов. Коммунистам принадлежит также большая заслуга в организации забастовочного движения, они содействовали борьбе рабочих, способствовали развитию их классового сознания, развивали в них чувство единства и солидарности.

Но одновременное существование трех самостоятельных коммунистических организаций не могло не тормозить общее развитие рабочего движения. Противоречия и конфликты между этими организациями, взаимные обвинения в оппортунизме наносили большой вред единству рабочего класса, порождали местничество, фракционность и сектантство. В такой обстановке перед вьетнамскими коммунистами встала неотложная задача как можно скорее преодолеть раскол в рядах коммунистического движения и добиться объединения всех коммунистических организаций в единую партию. На необходимость единства в коммунистическом движении Вьетнама указывал также и Коминтерн.

Благодаря усилиям большинства активных коммунистов во главе с Хо Ши Мином объединение коммуни-

стических групп в единую марксистскую партию нового типа было осуществлено в Сянгане 3 февраля 1930 г.

С созданием единой Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) рабочий класс под руководством своего коммунистического авангарда развертывает решительную борьбу за руководящую роль в национально-освободительном движении.

Колониальные власти, боясь усиления революционного, и особенно коммунистического, движения, предпринимали меры, чтобы изолировать прогрессивную интеллигенцию от рабочих и крестьян. Учебные заведения Вьетнама были взяты под неослабный контроль. Для этой цели были учреждены новые должности: док хок — в провинции, кием хок — в самостоятельных уездах, зао тху — в городах, хуан дао — в уездах. Лица, занимавшие эти должности, должны были следить за вьетнамскими учебными заведениями, преподавателями и учащимися.

Власти усилили также антикоммунистическую пропаганду, издавали книги, брошюры, газеты, выступавшие против коммунистов. Радио передавало антикоммунистические песни, их же широко распространяли при помощи грампластинок. Воздвигались памятники реакционерам. Одновременно были ограничены и так небольшие права народа. Так, в 1930 г. генерал-губернатор Индокитая Паскье изменил порядок выборов в Палату представителей Индокитая: если раньше один депутат выбирался от 20 тыс. избирателей, то теперь один депутат представлял уже 40 тыс. избирателей. Ограничение коснулось и муниципальных комитетов Ханоя: прежде в каждый комитет выбирали четырех советников-вьетнамцев, с 1930 г. стали выбирать только двух. Власти боялись, что вьетнамцы могут использовать эти органы против колониальных властей.

Создание Коммунистической партии Вьетнама хронологически совпало с Иенбайским восстанием, инспирированным Национальной партией. Соперницей рабочего класса Вьетнама в борьбе за руководство антиимпериалистическим движением выступала левая часть вьетнамской буржуазии. К началу 1930 г. лидеры Национальной партии, стремясь захватить инициативу в руководстве национально-освободительным движением, решили перейти от отдельных террористических актов к вооружен-

ному восстанию. Национальная партия рассчитывала при помощи восстания свергнуть французский колониальный режим и прийти к власти.

В восстание были вовлечены вьетнамские солдаты, оно началось 9 февраля 1930 г. в Иенбае, затем вспыхнуло в провинциях Футхо и Шонтей (уезды Хынгхоа, Ламтхо), Хайзыонг (уезды Киенан, Виньбао), Тхайбинь, Бакнинь и др. Верховный резидент Тонкина Робэн послал пять самолетов, которые разбомбили и сровняли с землей десять деревень, в том числе Коам (уезд Виньбао), где скрывались члены Национальной партии, уничтожили урожай во многих уездах [65, 33]. Колониальные власти жестоко подавили восстание. В результате поражения Иенбайского восстания Национальная партия оказалась почти полностью разгромленной. Значительная часть ее руководителей была казнена, остальные сосланы на каторжные работы. Лишь небольшой части членов партии удалось эмигрировать за границу (в основном в Китай).

Поражение восстания в Иенбае не является случайностью. Оно было предопределено всей политикой Национальной партии, не имевшей серьезных связей с широкими народными массами. Она делала ставку в основном на военнослужащих, частично на интеллигенцию и чиновников, что придавало движению верхушечный характер. Добиться же победы в национально-освободительном движении без рабочего класса и крестьянства, на которых Национальная партия не стремилась опираться и которых не желала вовлечь в борьбу, было невозможно. Восстание было слабо подготовлено, отдельные выступления не были согласованы. Органы восстания не имели единого руководящего центра. И все же восстание иенбайских стрелков занимает важное место в истории антиимпериалистической борьбы вьетнамского народа как пример мужественного и стойкого сопротивления империалистам.

С поражением Иенбайского восстания потерпела поражение попытка национальной буржуазии завоевать гегемонию в национально-освободительном движении, была продемонстрирована ее неспособность руководить этим движением в условиях Вьетнама.

В рассматриваемый период возник целый ряд мелкобуржуазных партий и групп: Народно-революционная

радикальная партия («Бинь зан кап тиен кать ман данг»), Партия четырех союзов («Ты зан лиен хиеп»), провозглашавшая своей идеологической базой суньятсенизм, Ассоциация товарищей независимого Аннама («Аннам док лап донг ти тиет») и др. В этой обстановке роль рабочего класса и его партии, Коммунистической партии Вьетнама, особенно возросла. С Иенбайским восстанием хронологически совпали первые организованные вооруженные выступления вьетнамского рабочего класса под руководством коммунистов. 10 февраля 1930 г. 3 тыс. рабочих каучуковых плантаций в Фурьенге (провинция Бьенхоа) объявили стачку. Был создан стачечный комитет, который потребовал от администрации плантации повышения заработной платы, установления 10-часового рабочего дня, запрещения телесных наказаний, введения системы страхования жизни рабочих, предоставления женщинам отпуска по беременности и др. Рабочие организовали демонстрацию с красными знаменами. Полиция силой оружия стремилась разогнать демонстрантов. Завязалась борьба, в результате которой рабочие разоружили полицию и захватили власть на плантациях в свои руки. Губернатор Кохинхины послал войска для подавления рабочих. После трехдневной борьбы властям удалось подавить стачку. Характерным для этой стачки было, в частности, то, что рабочие в ходе борьбы перешли от экономических требований к политическим. Стачкой в Фурьенге руководили коммунисты.

Выступление рабочих Фурьенга послужило толчком для новых стачек и забастовок рабочего класса Вьетнама. Так, под руководством Коммунистической партии 26 марта 1930 г. началась забастовка 4 тыс. рабочих хлопчатобумажной фабрики в Намдине. В знак солидарности с текстильщиками Намдиня объявили забастовку текстильщики Хайфона. 12 апреля рабочие и служащие компании «Сентраль электрик» в Ханое и Хайфоне объявили забастовку. В знак солидарности с ними в тот же день началась забастовка рабочих и служащих компании «Сосьете де веррери д'экстрем Ориент». 19 апреля вспыхнула забастовка 400 рабочих спичечной фабрики «Бентхюи дю сосьете эндошинуаз форестьер д'аллюмет».

По всей стране рабочие и крестьяне организовывали

манифестации, стачки, митинги. Трудовой народ Индокитая перед маем 1930 г. стоял на пороге ожесточенных революционных битв, надвигалась революционная буря, центром которой, как мы увидим ниже, стали провинции Нгеан и Хатинь (Нге-Тинь) [2]. Это было подготовлено всем предыдущим ходом национально-освободительного движения в этом районе, а также сложившимся там особенно тяжелым экономическим положением населения.

В этом районе, как и в других частях Вьетнама, были основаны плантации и построены различные промышленные предприятия. Для вывоза ценных лесных пород колонизаторы построили в Бентхюи три лесопильных завода и порт, на которых были заняты 400 грузчиков. На строительстве электростанции были заняты 1400 рабочих, на спичечной фабрике — 600 рабочих. В городе Винь были построены железнодорожное депо и мастерские, где были заняты 3800 рабочих. Общая численность рабочих в провинции Нгеан достигала 8 тыс. [108, 18]. Винь-Бентхюи, важный железнодорожный узел и порт, расположенный на шоссе, от которого идет дорога на Сиенгкхоанг (Лаос), превратился в крупный промышленный центр. Наряду с французскими промышленными предприятиями здесь выросли предприятия, принадлежавшие вьетнамцам. Среди них известны имена Ле Вьет Лоя, занимавшегося продажей древесины, Фам Ван Фи — автотранспортными перевозками, Буй Хюи Тиня — строительными подрядами [122, 60].

Условия труда рабочих на всех этих предприятиях были очень тяжелыми. Рабочий день длился 10—12 часов при мизерной оплате труда. Если максимальный заработок рабочего железнодорожного депо составлял 0,8 пиастра, а минимальный — 0,2, то рабочие других предприятий получали еще меньше: минимум — 0,08 пиастра и максимум — 0,2 пиастра [85, 12]. Во время болезни рабочие не получали ничего. Как правило, заработную плату выдавали с большим опозданием и со значительными вычетами. Месячная зарплата квалифици-

---

[2] Провинции Нгеан и Хатинь расположены в северной части Центрального Вьетнама (Чунгбо). Население Нгеана составляло 1 млн. человек, Хатиня — 0,5 млн. Колониальная администрация производила здесь вербовку дешевой рабочей силы (кули) для своих плантаций в Кохинхине и для Новой Каледонии.

рованного рабочего была равна 12—15 пиастрам, из которых необходимо было выплачивать многочисленные налоги и делать подарки мастерам и надсмотрщикам. Женщины и дети получали намного меньше мужчин, хотя работали наравне с ними.

Таким же тяжелым было положение крестьян. Кабальная по своим условиям и характеру аренда служила основной формой эксплуатации крестьян и источником обогащения колонизаторов и местных феодалов-помещиков. Кроме арендной платы существовал подушный налог, которым облагались все группы крестьян. Крестьяне влачили нищенское существование, жили впроголодь. Они часто были вынуждены обращаться к ростовщику, в большинстве случаев тому же помещику. Не имея возможности расплатиться с долгами, крестьяне практически всегда находились под угрозой потери земли и имущества.

Особенно тяжелым было положение крестьянства в неурожайные годы. Недород, вызванный засухой, наводнением или тайфунами, неизбежно вел к голоду. 1930 год в провинциях Нгеан и Хатинь и в ряде мест Кохинхины был неурожайным. По всем деревням свирепствовал голод. Урожай пятого месяца почти полностью пропал. Дождя не было больше шести месяцев. Изнуряющая жара сжигала на корню все культуры. Тысячи гектаров рисовых полей были разорены. Крестьяне, для того чтобы существовать, не умереть от голода и платить налоги, вынуждены были продавать все: скот, землю, одежду. В поисках заработка они уходили в город, вербовались на плантации, на тяжелые работы с выездом из страны. Даже лидер Конституционной партии Буй Куанг Тиеу, выступая на заседании Колониального совета Кохинхины, вынужден был заявить: «Тысячи вьетнамцев не имеют никакой работы и никаких источников существования. Нужда так велика, что в некоторых районах крестьяне вынуждены питаться крысами» [61, 52].

Незавидное положение было и у местной интеллигенции, представленной главным образом служащими колониальных и вьетнамских учреждений. За одинаковый с французскими чиновниками труд вьетнамцы получали значительно меньшую заработную плату.

Причиной того, почему именно Нгеан и Хатинь стали

центром антиимпериалистической борьбы, было и наличие сильных традиций борьбы против иностранных поработителей. Благодаря своему важному стратегическому положению и сильно пересеченному рельефу местности провинция Нгеан постоянно служила оплотом либо для задержания набегов с юга, либо для оказания сопротивления нашествиям с севера. Так, еще в 1418 г. национальный герой Ле Лой, борясь против захватчиков китайской династии Мин, создал в Нгеане укрепленный район. В 1883 г. для борьбы с французскими колонизаторами на горе Куетсон (провинция Нгеан) была построена крепость, остатки которой сохранились до нашего времени. В годы французской колонизации население этих провинций не раз оказывало мужественное сопротивление захватчикам. Многие руководители и герои движения «Кан выонг» (Де Хиен, Нгуен Мау, Нгуен Суан Он, Фан Динь Фунг, Нгу Хай, Данг Тхук Хыа) были выходцами из этих провинций. В Нгеане и Хатине произошли военные выступления под руководством Де Тяна и Де Чатя. Здесь была организована народная демонстрация против налогов под предводительством Нгуен Ханг Ти. Народ возлагал большие надежды на революционеров, которые, находясь за границей, собирали вокруг себя силы для борьбы за независимость. Патриотические обращения Фан Бой Тяу к соотечественникам звали народ к антиимпериалистической борьбе, а обвинения, предъявленные Фан Тю Чинем королю Кхай Диню, призывали к антифеодальной борьбе.

Провинции Нгеан и Хатинь дали многих видных организаторов ряда мелкобуржуазных вьетнамских обществ, возникших в первой четверти XX в. и боровшихся за независимость страны [3]. Из провинций Нгеан и Хатинь вышли видные руководители рабочего и коммунистического движения Вьетнама: Хо Ши Мин, Чан Фу,

---

[3] Имеются в виду общество «Вьетнам Зуи Тан» (1904—1912), созданное Фан Бой Тяу и ставившее целью ведение вооруженной антиимпериалистической борьбы за национальную независимость [79а, 70]; общество «Вьетнам Куанг Фук хой» (1912—1924), явившееся преемником «Вьетнам Зуи Тан» и ставившее целью изгнание французских колонизаторов и провозглашение демократической республики [79а, 95]; общество «Там там са» (1924—1925), созданное Ле Ван Фаном (Ле Хонг Шоном) вместе с Ле Хонг Фонгом и Фан Хонг Тхаем,— патриотическая организация, члены которой стремились при помощи террора добиться национальной независимости.

Нгуен Тхи Минь Кхай, Ле Хонг Фонг, Хо Тунг Мау, Фан Данг Дыу и др.

В этих провинциях до 1930 г. отмечались многочисленные выступления как против колонизаторов, так и против местных феодалов. Достаточно сказать, что с 1900 по 1929 г. только в шести уездах провинции Нгеан (Хынгнгуен, Намдан, Аньшон, Зиентяу, Нгилок и Иентхань) произошло 117 выступлений крестьян [126, 50]. В феврале 1924 г. рабочие спичечной фабрики Бентхюи объявили забастовку. Через год рабочие этой же фабрики вновь выступили с требованием установить постоянный выходной день.

В 1925 г. в Шанхае был арестован Фан Бой Тяу. Позднее его перевезли во Вьетнам и приговорили к смертной казни. Весть об этом разнеслась по всей стране. Учащиеся, служащие и рабочие организовывали демонстрации, бойкотировали учебные заведения, распространяли листовки и плакаты, требуя помилования Фан Бой Тяу. Под давлением общественного мнения президент Французской республики вынужден был подписать указ о помиловании Фан Бой Тяу, который был освобожден 24 декабря 1925 г. и доставлен в Хюэ на постоянное жительство без права выезда [4].

В марте 1926 г., в связи со смертью выдающегося национального патриота Фан Тю Чиня (1872—1926), рабочие железнодорожного депо, спичечной фабрики, лесопильных заводов и электростанции бросили работу и собрались у пагоды Зиек в г. Вине на траурную церемонию. В этой церемонии, которая вылилась в манифестацию, приняли также участие преподаватели и учащиеся средней школы г. Виня. Траурные митинги произошли во многих деревнях провинции, а именно в Намшоне (уезд Аньшон), Волиете (уезд Тханьтыонг) и др.

В 1927—1928 гг. революционное движение в Вине и Бентхюи продолжало развиваться. После своего создания мелкобуржуазная партия «Тан Вьет» [5] развернула

---

[4] Фан Бой Тяу безвыездно прожил в Хюэ под наблюдением полиции 15 лет и умер 29 октября 1940 г.

[5] Эта организация, созданная в 1925 г., первоначально называлась «Хой Фук Вьетнам». В 1926 г. она была переименована в «Хынгнам», а в 1928 г. стала называться «Тан Вьет кать мень данг» (Революционная партия нового Вьетнама) — сокращенно «Тан Вьет».

работу среди рабочих г. Виня. Последние стали более четко формулировать свои требования: увеличение зарплаты, сокращение рабочего дня, снижение цен на рис, оказание помощи участникам Кантонской коммуны и т. д.

Помимо партии «Тан Вьет» в провинции Нгеан начали действовать ячейки Товарищества вьетнамской революционной молодежи, функционеры которого распространяли среди населения революционные листовки, журналы и газеты: «Тап ти конг шан» («Коммунист»), «Буа лием» («Серп и молот»), «Боншевить» («Большевик»), «Ко до» («Красное знамя») и произведения классиков марксизма-ленинизма. Марксистская литература оказала большое влияние на формирование революционного мировоззрения населения Нге-Тиня, и в первую очередь учащейся молодежи и интеллигенции, все более активно включавшихся в революционную борьбу трудящихся города и деревни.

До создания Коммунистической партии революционное движение здесь развивалось разрозненно, неорганизованно. После создания единой Коммунистической партии Вьетнама революционные выступления в указанных провинциях стали более организованными и целенаправленными. Заметно укрепилась партийная работа. Значительно усилились первичные организации на предприятиях, в селах и учебных заведениях. Активизировалась деятельность массовых организаций: Красного рабочего союза, Красного крестьянского союза, Антиимпериалистического союза, Союза женщин, Союза молодежи. ЦК принял решение направить в г. Винь Нгуен Фонг Шака (псевдоним Тхинь) для руководства партийной организацией Центрального Вьетнама. 20 февраля 1930 г. был создан Нгеанский провинциальный комитет партии, в который вошли Ле Мао (псевдоним Кат), Ле Вьет Тхуат, Нгуен Фук, Нгуен Ван Лык, Шыу (псевдоним Донг). Ле Мао был избран секретарем комитета, Вьет Тхуат нес непосредственную ответственность перед партийным комитетом провинции за революционную работу среди рабочих железнодорожного депо г. Виня, а Нгуен Фук отвечал за работу на промышленных предприятиях Бентхюи и Виня. Было также создано пять партийных ячеек на промышленных предприятиях и три ячейки в деревнях (Локда, Иензунг и Дуктхинь — уезд Хынгнгу-

ен). За деятельность этих трех сельских ячеек нес ответственность Хоанг Чонг Чи.

Вокруг этих первичных партийных организаций концентрировался актив из массовых организаций. На заводах и фабриках создавались профсоюзные организации, спортивные общества, а в деревнях — союзы взаимопомощи. На первых порах революционные выступления имели место в таких городах, как Винь, Бентхюи и др. Их организатором неизменно выступали профсоюзы, входившие в «Тонг конг хой Винь» (Виньскую федерацию труда). С марта по апрель 1930 г. было зарегистрировано пять манифестаций в уездах Намдан и Аньшон. Отмечались и крестьянские выступления против местных чиновников и старост, в ходе которых выдвигалось требование перераспределения общинных земель. Основные требования рабочих и крестьян в рассматриваемый период имели главным образом экономический характер. Формы крестьянской борьбы были еще примитивными. Коммунистические ячейки на селе делали только первые попытки организовать и направить по правильному пути крестьянское движение.

Рабочие городов Винь и Бентхюи поддерживали тесную связь с крестьянами, рыбаками и ремесленниками, жившими в окрестных селах. Многие рабочие сами были выходцами из этих сел. Благодаря этому крестьяне постоянно поддерживали рабочие демонстрации и нередко участвовали в них. Особенно это проявилось во время подъема революционного движения в мае 1930 г.

Таким образом, с момента образования Коммунистической партии Вьетнама (февраль 1930 г.) и до майских манифестаций 1930 г. в провинциях Нгеан и Хатинь происходили многочисленные выступления рабочих и крестьян, выдвигавших главным образом экономические требования. Формы борьбы сводились к распространению листовок, организации забастовок и манифестаций.

Будучи по своему характеру в основном разрозненной и неорганизованной, эта борьба тем не менее оказала положительное воздействие на последующий ход революционного движения в этих провинциях.

Глава II

ПОДЪЕМ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО И АНТИФЕОДАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Первомайские демонстрации 1930 г.—начало подъема революционного движения 1930—1931 гг.

В 1930 г. во Вьетнаме по инициативе компартии впервые был широко отмечен День международной солидарности трудящихся 1 Мая. Подготовка к празднованию Первомая велась повсеместно. Повсюду вывешивались красные флаги с изображением серпа и молота [135, 7.V.1930], распространялись многочисленные политические листовки. Так, 30 апреля 1930 г. в южновьетнамских городах Ансыу, Фукам и Баовинь коммунистами были распространены листовки, призывавшие рабочих, крестьян, солдат и учащихся принять участие в первомайских манифестациях. В одной из прокламаций компартии, выпущенной в конце апреля и обращенной к рабочим, крестьянам, солдатам и учащимся, говорилось: «Братья и сестры! Приближается день 1 Мая. Мы должны организовать демонстрации и выступить под лозунгами борьбы против снижения заработной платы рабочим и плохого обращения с рабочими, против увеличения налогов с крестьян, против расстрелов революционеров и разрушения деревень, против отправки вьетнамских солдат в другие колонии и введения колониальных войск в нашу страну, чтобы убивать нас» [131, 1930, VIII—IX].

С 22 апреля по 3 мая во всех районах страны (Тонкин, Аннам и Кохинхина) были распространены листовки, в которых излагались самые различные требования. В Аннаме и Тонкине эти листовки были подписаны Коммунистической партией, а в Кохинхине и Камбод-

же — Всеобщим профсоюзом рабочих («Синдикат женераль д'иуврие»).

1 мая во многих городах и селах страны трудящиеся вышли на улицы. В Ханое и Хайфоне, Намдине и Тхайбине, Вине, Хюэ, Биньдине, Дананге, Бьенхоа, Каолане и других городах были проведены первомайские манифестации под лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой империалистов!», «Долой феодальный императорский двор!», «Поддержка СССР!» и т. д. [94, 42]. На митингах и демонстрациях трудящиеся выдвигали конкретные требования политического и экономического характера. Примечательно, что и в протекторатах Тонкин и Аннам и в колонии Кохинхина первомайские выступления рабочих и крестьян переросли в столкновения с полицией, в ходе которых было много жертв. Так, в провинции Тхайбинь (Тонкин) тысячи крестьян под руководством коммунистов организовали первомайскую манифестацию, в ходе которой в результате столкновения с колониальной полицией было убито и ранено 117 человек [92, 91].

По случаю 1 Мая объявили забастовку железнодорожные рабочие Зиана, шахтеры Камфа и Хонгая [135, 7.V.1930], рабочие электростанции Тёлона (Кохинхина). В Сайгоне были вывешены транспаранты следующего содержания: «Пролетарии и угнетенные народы, объединяйтесь!», «Долой французский империализм! Требуйте 8-часовой рабочий день!», «Землю — земледельцам, заводы — рабочим!» [142, 1.V.1930]. Полиция провела облавы в Тёлоне, Виньлонге, Сайгоне и Зядине, в результате которых свыше 300 человек было арестовано.

Рабочее движение оказало непосредственное влияние на крестьянство. Еще в конце апреля в Каолане (провинция Садек) были обнаружены листовки, призывавшие население выступить с требованиями отсрочки взимания подушного налога и отмены арестов из-за отсутствия удостоверений личности. 2 мая несколько тысяч крестьян уезда Тьомои (провинция Лонгсуен) организовали манифестацию с требованием отсрочить на два месяца сбор подушного налога. 3 мая в поддержку этого требования выступили 1500 крестьян уезда Каолан. Собравшись у поста Каолан, крестьяне направились к резиденции местной администрации и блокировали ее, заставив власти вступить в переговоры. Под влиянием

первомайских манифестаций рабочих крестьяне семи провинций Кохинхины (Зядинь, Тёлон, Виньлонг, Садек, Бенче, Тхузаумот, Митхо) 5 мая поднялись на борьбу, выдвинув свои требования. Власти силой оружия подавили это выступление. В столкновениях с колониальными войсками имелось много убитых, раненых и арестованных. Однако, опасаясь дальнейших выступлений, колонизаторы были вынуждены пойти на уступки, и через несколько дней губернатор Кохинхины подписал приказ об отсрочке на два месяца уплаты подушного налога [135, 14.V.1930].

Как уже отмечалось, в период подъема национально-освободительного движения колониальная администрация Индокитая составляла регулярные обзоры событий. В обзоре за май и первую половину июня 1930 г. говорилось следующее: «В мае усилилась коммунистическая пропаганда в Кохинхине и особенно в провинциях Садек, Кантхо, Лонгсуен, Виньлонг, Тёлон и Зядинь, где имели место многочисленные манифестации. В большинстве упомянутых провинций вела работу коммунистическая партия» [47, 21].

Первомайские выступления рабочих и крестьян, послужившие началом подъема революционного движения 1930—1931 гг., наиболее ярко проявились в двух провинциях Аннама: Нгеане и Хатине, население которых, как уже говорилось, всегда играло значительную роль в национально-освободительном движении.

27 апреля 1930 г. партийный комитет провинции Нгеан принял на своем заседании решение призвать население провинции отпраздновать международный день трудящихся — Первое мая. Во время заседания комитета стало известно о начале забастовки рабочих в г. Намдинь, и рабочие Бентхюи решили выступить в знак солидарности с намдиньскими рабочими. На фабрике в Бентхюи и в окрестных деревнях коммунисты развернули широкую разъяснительную работу о необходимости выступления с требованиями ликвидировать подушный налог, уменьшить поземельный налог и сократить различные поборы (рыночные сборы, сбор, взимаемый при переправе через реки, и др.). Указанные требования были поддержаны трудящимися окрестных городов и деревень.

29 апреля рабочие железнодорожного депо г. Винь

распространили листовки и вывесили красные флаги в различных районах города. Красные флаги были вывешены также на здании колониальной администрации (нья шы) провинции Нгеан, на цитадели, в которой находились войска колонизаторов, в казармах. Политические листовки распространялись среди солдат колониальных и императорских войск, на рынках и наиболее многолюдных площадях и улицах города. В распространении листовок принимали активное участие рабочие и крестьяне. В одной из листовок компартии, излагавшей экономические и политические требования трудящихся, говорилось: «Братья и сестры! Выступайте в поддержку следующих требований: установление восьмичасового рабочего дня, увеличение зарплаты, право на проведение демонстраций, борьба против империализма в защиту угнетенных народов».

30 апреля на спичечной фабрике, на лесопильных заводах, в железнодорожном депо и на других предприятиях Бентхюи и Виня были организованы тайные собрания, на которых обсуждался порядок празднования Первого мая. В обзоре колониальной администрации Индокитая за май — июнь 1930 г. отмечалось следующее: «По данным колониальной полиции, коммунисты решили провести значительные мероприятия в день 1 мая. Кроме распространения листовок в день 1 мая предполагалось проведение митингов, манифестаций с коммунистическими лозунгами. Одновременно с этим была организована раздача оружия отрядам на случай вооруженного нападения полиции на мирных демонстрантов» [47, 17]. Далее в обзоре указывалось, что, «несмотря на принятые колониальными властями меры, коммунистам удалось организовать мирные демонстрации в день 1 мая во многих городах и селах» [там же].

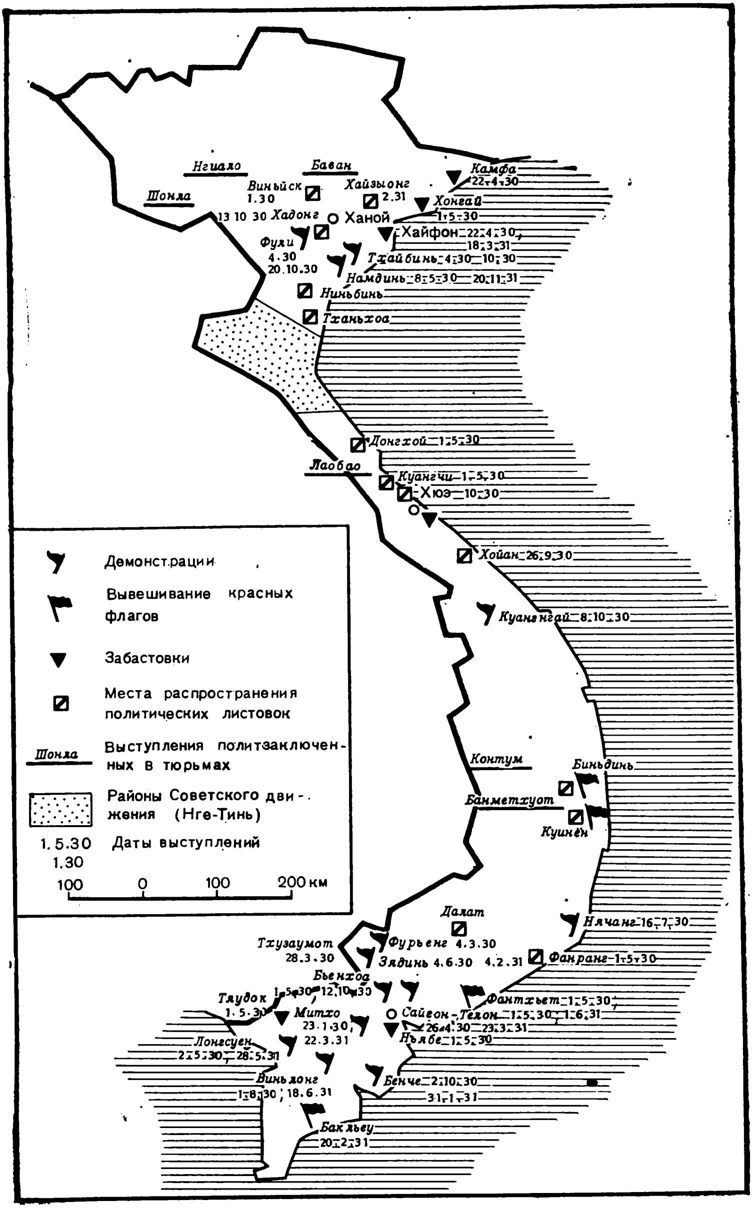
В день Первого мая свыше 1200 рабочих спичечной фабрики и лесопильных заводов Бентхюи, к которым присоединились железнодорожники депо Чыонтхи в г. Вине, а также 1500 крестьян уездов Хынгнгуен и Нгилок вышли на демонстрацию [63, 8]. Колонна демонстрантов растянулась более чем на километр. Они шли с красными знаменами с изображением серпа и молота, несли транспаранты, на которых были начертаны лозунги: «Увеличить зарплату рабочим!», «Сократить рабочий день!», «Уменьшить налоги с крестьян!», «Запретить

побои рабочих!», «Издать трудовое законодательство!» У Бентхюи демонстрантов встретили колониальные войска. Начальник Виньского гарнизона Пти выстрелил в одного из активистов и убил его. Это послужило сигналом к расстрелу мирной манифестации, в результате которого было убито 7 и ранено 18 человек. 100 человек были арестованы [85, 20].

В обзоре колониальной администрации за май — июнь о выступлениях в Бентхюи и Вине говорилось следующее: «В ночь на 30 апреля многочисленная группа из Нгисуан (провинция Хатинь) на границе с Винем пересекла реку и направилась в деревню Иензунг. 1 мая резидент в Вине был предупрежден о готовящейся манифестации. Резидент направил отряд полицейских в Бентхюи, часть которого разместилась на территории завода лесопромышленной компании, а другая направилась навстречу манифестации. В результате столкновения были убиты 5 человек, 15 человек ранены и 98 человек арестованы» [47, 18].

Первомайская демонстрация была организована также партийным комитетом уезда Тханьтыонг (провинция Нгеан) и партийной ячейкой села Ханьлам. В демонстрации приняли участие более 3 тыс. человек из уезда Тханьтыонг и 500 человек из уезда Канлок (провинция Хатинь). Манифестанты, которыми руководил Нгуен Тхе Лам, окружили кофейную плантацию «Ки Виен» в Иеншоне и потребовали от ее владельца возвратить земли, захваченные у крестьян, открыть дорогу для проезда в лес, прекратить аресты проезжающих по этой дороге крестьян и захват у них буйволов [86, 23]. Однако владельцу плантации удалось бежать. Тогда демонстранты подожгли его дом. В деревнях Ханьлам, Катнган и др. произошли собрания и манифестации, на которых крестьяне обсуждали, как бороться за свои права дальше.

В документах колониальной администрации отмечалось, что «на северо-западе провинции Нгеан уезда Тханьтыонг, в деревнях Ханьлам, Иенлак 1 мая крестьяне сожгли концессию „Виен Ки“ (так во французских документах именуется плантация „Ки Виен“. — *С. М.*), на руинах которой они водрузили красное знамя с серпом и молотом, после чего организовали митинг на рынке Торанг» [47, 19].

Революционное движение во Вьетнаме в 1930—1931 гг.

На следующий день, 2 мая 1930 г., колониальные власти арестовали нотаблей деревни Ханьлам, которые выступали в защиту крестьян. Особенно большим авторитетом пользовался у населения старший нотабль этих двух деревень — бывший стрелковый сержант по имени Нгуен Ван Кунг, который в 1915—1920 гг. находился во Франции. Крестьяне потребовали освобождения нотаблей, и власти были вынуждены удовлетворить это требование. Однако в тот же вечер уже упоминавшийся нами начальник гарнизона г. Виня Пти установил в Ханьламе военный пост из 11 легионеров и 50 туземных солдат и приказал произвести аресты среди населения. 3 мая крестьяне Ханьлам окружили общинный дом и потребовали освободить арестованных; при этом они выкрикивали лозунги «Долой „Ки Виен"!», «Возвратить отобранные у крестьян земли!». По собравшимся был открыт огонь, и в результате было убито 18 и ранено 20 человек. В знак солидарности с крестьянами 100 учащихся уезда Тханьтыонг объявили забастовку.

О дальнейших событиях в обзоре колониальной администрации сказано: «3 мая свыше 100 полицейских и 30 солдат колониальной пехоты были направлены в уезд Тханьтыонг для подавления выступлений крестьян. 4 мая нотабли этих двух деревень (Ханьлам и Иенлак. — *С. М.*) организовали оборону численностью 500 человек, дабы воспрепятствовать аресту крестьян» [47, 18]. Колониальные власти намеревались снова арестовать нотаблей, но крестьяне организовали их охрану. 5 мая 1930 г. колониальные войска вновь открыли огонь по крестьянам. 16 человек было убито и 15 человек ранено. Были арестованы 9 нотаблей и 10 крестьян, которых доставили в Винь, где они предстали перед судом мандаринов.

Таким образом, празднование Первого мая в провинциях Нгеан и Хатинь, как и в ряде других районов Вьетнама, вылилось в организацию забастовок и манифестаций под экономическими и политическими лозунгами (повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, уменьшение налогов, возвращение отнятых земель и прекращение репрессий и террора). Среди многочисленных выступлений следует отметить разгром плантации «Ки Виен», который стал началом массового народного движения против империалистов и их прислужников —

феодалов, чиновников, старост, членов контрреволюционной партии Ли Нян («Рассудок и человечность»). Почти во всех волостях и уездах упомянутых провинций отмечались усиление и быстрый рост партийных организаций, ведших большую и активную работу по вовлечению населения в освободительную борьбу. Особое внимание коммунистов в это время было обращено на массовые организации: крестьянские союзы, отряды самообороны, бригады взаимопомощи по совместной обработке земли и сбора урожая и т. д.

После первомайских манифестаций борьба рабочих и крестьян Вьетнама под руководством коммунистов продолжалась, принимая, особенно в Аннаме, все более конкретные формы. В письме Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) Крестьянскому Интернационалу от 5 ноября 1930 г. отмечалось:

«Из-за больших трудностей со связью я до сих пор не мог сообщить Вам относительно крестьянского движения в Индокитае и Советов в Нгеане и Хатине. Указанное движение возникло и развивалось... следующим образом: 1 мая движение началось в виде небольших демонстраций и в настоящее время продолжает быстро развиваться» [63, 51] [1].

Май 1930 г. был отмечен дальнейшей активизацией выступлений рабочего класса. 10 мая 1930 г. 500 рабочих спичечной фабрики Бентхюи организовали забастовку, в ходе которой потребовали ввести восьмичасовой рабочий день, соблюдать охрану труда, улучшить условия работы и прекратить террор. В поддержку борьбы рабочих спичечной фабрики выступили крестьяне окрестных деревень. С этой целью 10 мая в деревне Иензынгха был организован митинг солидарности с рабочими. Забастовка рабочих длилась 20 дней, после чего хозяин фабрики решил частично удовлетворить требования рабочих: построить столовую, баню, остеклить окна и двери фабрики, увеличить число вентиляторов. Другие, более существенные требования рабочих (установление восьмичасового рабочего дня, соблюдение охраны труда и др.) остались неразрешенными. Но и этот частичный успех поднял моральный дух рабочих,

[1] Подлинник этого документа написан на французском языке; наш перевод сделан с вьетнамского текста, который опубликован в сборнике документов [63].

которые почувствовали бо́льшую уверенность, осознали силу коллективной борьбы.

В знак солидарности с рабочими спичечной фабрики 13 мая объявили забастовку рабочие лесопилен и грузчики порта Бентхюи. Таким образом, забастовочное движение охватило всех рабочих Бентхюи. Подпольная газета компартии «Лао кхо» писала об этой борьбе: «Всеобщая забастовка рабочих Бентхюи открыла широкую полосу революционного движения» [93, 90].

Под влиянием рабочего движения усилилась борьба крестьян провинций Нгеан и Хатинь против колонизаторов и феодалов. 24 мая более 1500 крестьян уезда Аньшон собрались перед зданием уездной администрации и потребовали аннулировать подушный налог, отменить рыночные сборы и налоги на переправу через реки, оказать помощь пострадавшим от репрессий властей во время революционных выступлений в начале мая. Собравшиеся выразили свой протест против вербовки солдат в колониальную армию и против террора колониальных властей. Чиновник местной уездной администрации Нгуен Суан Чи принял требования крестьян и поставил под ними свою подпись.

В мае происходили революционные выступления и в других районах страны. Так, 13 мая 1500 крестьян деревень Танзыонг и Лонгхыонг (провинция Садек) организовали манифестацию с транспарантами, на которых были начертаны требования крестьян: сокращение подушного налога и чрезвычайных налогов, освобождение арестованных во время событий начала мая в Тьомои и Каолане [47, 21]. Печатный орган реформаторской части вьетнамской буржуазии «Эко аннамит» 15 мая 1930 г. сообщал, что в провинции Садек (Каолань, Тьомои и Танзыонг) отмечались крупные выступления. Из официальных сообщений следует, что «манифестанты потребовали отменить особые внеочередные налоги и отсрочить на 2—3 месяца подушный налог» [46, 12]. Особые и чрезвычайные налоги были введены в двух наиболее бедных кантонах (уездах) провинции Садек, расположенных в засушливой долине, и были предназначены для строительства моста. По данным, приведенным колониальным советником Нгуен Тан Дыоком, чрезвычайные (дополнительные) налоги начислялись в сумме одного пиастра на каждого человека,

внесенного в список [142, 17.V.1930]. Упомянутая газета даже осмелилась отметить, что «туземцы не пользуются свободой собраний, слова, печати, не имеют избранных представителей, не пользуются преимуществами свободных граждан свободного государства» [46, 12]. Другая буржуазная газета, «Чунг лап», считала, что борьба крестьян была необходима и принесла им победу. Эта газета писала 9 мая 1930 г.: «Теперь мы спросим себя: если бы тысячи налогоплательщиков Каолана не отправились к колониальным властям просить об отсрочке налога на более поздний срок, то добились бы они отсрочки платежа? Нет, и тысячу раз — нет!». Та же газета отмечала 31 мая, что «вопрос о подушном налоге — причина непрерывного брожения в массах» [46, 15].

В тот же день, 13 мая, 300 рабочих, занятых на строительстве дороги в Кантхо, объявили забастовку, потребовав повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. На протяжении всего мая в Кохинхине отмечались выступления рабочих и крестьян. Иногда они выступали сообща. 28 мая в Тьомои (провинция Лонгсуен) более 1 тыс. крестьян организовали демонстрацию и потребовали улучшения своего положения [135, 7.VI.1930]. Начальник службы охраны Кохинхины, узнав об этом, в тот же день направил в Тьомои отряд полиции в сопровождении специального комиссара и трех инспекторов. По дороге в Тьомои полицейские встретились с колонной манифестантов, вооруженных кольями и бамбуковыми копьями. В результате происшедшего столкновения были убитые и раненые. Полиция силой разогнала манифестантов. На следующее утро, 29 мая, 3 тыс. крестьян [2] из Тхайлоя направились в Омон (провинция Кантхо). Идущие во главе колонны несли красные знамена с изображением серпа и молота и революционные лозунги. По пути манифестанты организовали митинги на рынках Тхондонг и Тхойлай. Требования манифестантов сводились к следующему: освобождение арестованных в Садеке и Тьомои; отмена рыночного налога, реквизиция излишков риса у богатых и распределение их среди голодающих крестьян.

[2] По данным газеты «Опиньон», события произошли не 29, а 28 мая и численность демонстрантов составляла 1 тыс., а не 3 тыс. человек [142, 30.V.1930].

Губернатор провинции Кантхо с помощью отряда полицейских разогнал мирных демонстрантов [47, 23].

Революционное движение в мае 1930 г. было настолько сильным, что генерал-губернатор Индокитая Паскье был вынужден выехать в охваченные волнением районы. В своем обращении к населению Паскье напомнил нотаблям об их обязанностях и роли во вьетнамском обществе. Паскье обвинил деревенских чиновников в том, что они, зная о народных волнениях в мае, не предупредили об этом колониальные власти. Он сообщил, что лица, укрывающие революционеров, будут наказаны самым строгим образом, а за проявление лояльности к властям будет выплачиваться вознаграждение [142, 20.VI.1930]. Одновременно с этими угрозами и предупреждениями были усилены полицейские отряды в Сайгоне, Тёлоне, Зядине, Хокмоне и в других местах.

Колониальные власти жестоко расправились с участниками мирных манифестаций — рабочими, крестьянами и учащимися. По всей стране производились аресты по малейшему подозрению в участии в революционном движении. Так, 9 мая были арестованы 24 участника манифестации в Каолане. 14 и 15 мая в деревне Танзыонг были арестованы 63 человека; 16 мая в провинции Садек были арестованы 13 человек. Только в одной Кохинхине на протяжении мая и в начале июня были арестованы 527 человек, из которых 200 были приговорены к тюремному заключению, 258 преданы уголовному суду, остальные еще находились под арестом [48, 13]. 27 мая комиссия по уголовным делам, заседавшая в Футхо, вынесла 85 приговоров, в том числе к смертной казни, каторге и тюремному заключению. 30 мая трибунал в Кантхо и 5 июня в Виньлонге приговорил участников манифестации к различным срокам тюремного заключения[3]. 4 июня в Хокмон (провинция Зядинь) были арестованы и преданы суду 49 человек.

По всей стране шли аресты, суды выносили бесчисленное количество приговоров к смертной казни, пожизненной каторге, различным срокам тюремного заключения. Тюрьмы были переполнены политзаключенными. Даже буржуазная пресса не могла не осудить зверств

---

[3] 30 мая 1930 г. был арестован один из руководителей коммунистического движения во Вьетнаме Нго За Ты (он же Нго Ши Кует, или Ты Хай) [47, 26].

колониальных властей и местной реакции и в ряде случаев сочувственно отзывалась о борьбе народа за свои права. Так, газета «Конг луан» 2 мая 1930 г., осуждая политику террора по отношению к манифестантам, писала: «Правительство, обеспокоенное положением в стране, арестовало и судило со всей строгостью немало коммунистических вожаков» [46, 18]. Газета объясняла эти зверства слабостью властей. «Репрессии против смутьянов, — писала газета ,,Конг луан" 3 мая, — не говорят о мудрости. Когда речь идет об управлении страной, о сохранении порядка, часто говорят: ,,Управлять — значит предвидеть". Если для успокоения народа правительство использует только репрессии, это означает то же, что делают, когда, стараясь потушить костер, подливают в него бензин. Увы! Администрация, которая пользуется жестокими репрессивными мерами, на самом деле карает себя, ибо волнения и угрозы будут непрестанными. Ждать 1 мая, чтобы арестовать так называемых коммунистов, — это не значит все ,,предвидеть"» [46, 18].

Другие газеты, опасаясь властей, лишь намеками выражали свое негативное отношение к репрессиям. Так, газета «Дуок Ня Нам» 14 июня 1930 г. писала: «Нашим друзьям на Востоке из Зядиня и Тёлона. Каждый раз, когда происходят волнения в Хокмоне, Дукхоа, Бенлуке 1 мая или 1 июня, мы получаем очень точные сведения о происходивших там событиях. Несмотря на наше огромное желание опубликовать их, мы не можем этого сделать. Вы прекрасно знаете почему, нет необходимости говорить вам об этом. Мы тщательно храним эти документы и часто перечитываем их, констатируя, что в них много печального, что может найти отзвук лишь в наших сердцах. Друзья, об этих событиях будет рассказано на страницах истории Вьетнама, потому что вы постараетесь собрать и сохранить их для будущих историков» [46, 44]. Несколько ранее, 23 мая 1930 г., эта газета выражала недовольство политикой колониального правительства по отношению к органам прессы. «Оно, — говорилось в одной из статей, — не старается узнать мысли аннамитского народа, оно не считается с его мнением. Поэтому-то оно и учредило бюро цензуры» [46, 21]. Далее в статье говорилось, что «препятствовать свободе печати — это неправильный метод,

к которому прибегает правительство. Если бы пресса могла свободно выражать свое мнение, то правительство знало бы правду. Быть может, не было бы собраний и манифестаций, организованных для того, чтобы добиться отсрочки платежа налогов». В заключение делался вывод: «Именно потому, что правительство мешает выражению мнения, происходят различные выступления, а длительные недовольства всегда кончаются насильственным путем. Будем надеяться, что события, происшедшие в аннамитском обществе, послужат уроком для людей, находящихся у власти» [там же].

Майские выступления рабочих и крестьян рассматривались некоторыми буржуазными газетами как результат глубокого кризиса колониальной системы во Вьетнаме. Так, газета «Трибюн эндошинуаз» 2 мая 1930 г. писала: «Эти события не являются скоропреходящим выступлением. Это — глубокий кризис, который проник своими корнями в душу туземного населения. Это кризис политического режима, кризис органического статута, о котором мы постоянно предостерегаем Францию, несмотря на притворный оптимизм официальных колониальных властей» [46, 3].

Как явствует из сказанного, первомайские манифестации рабочих и крестьян сыграли большую роль в развитии освободительной борьбы. В ходе их трудовой народ Вьетнама впервые открыто вышел на улицы, чтобы продемонстрировать свою солидарность с трудящимися других стран. Анализ движения этого периода свидетельствует о переходе рабочих и крестьян к более высоким средствам политической и экономической борьбы, что, несомненно, было в немалой степени следствием влияния коммунистов, зачастую являвшихся организаторами манифестаций. Так, первомайскими демонстрациями в Чунгки руководили коммунисты Нгуен Фонг Шак, Нгуен Дык Кань и Ле Вьет Тхуат [82, 37]. Подобным же образом обстояло дело и в других местах. Даже генерал-губернатор Паскье вынужден был признать руководящую роль коммунистов в революционном движении. «Начиная с марта 1930 г., — отмечал он в своем выступлении в Правительственном совете Индокитая 28 октября 1930 г., — компартия захватила в свои руки всю пропаганду» [109, 1931, № 5, 20].

В дни майских манифестаций рабочие шли впереди,

вели за собой крестьянство и другие демократические слои населения вьетнамского общества, в частности учащихся и служащих [92, 111]. Рабочее движение в Бентхюи послужило началом подъема общего революционного движения, которое вылилось в повсеместные забастовки рабочих и манифестации крестьян [153, 5.IX.1930]. Следует подчеркнуть, что крестьянское движение развертывалось под непосредственным руководством коммунистов. Об этом свидетельствует, в частности, коммунистическая газета «Ко до», в которой отмечалось, что «первомайский праздник прошел под знаменем коммунистической партии» [146, 17.VI.1930]. Особенно горячо поддерживали рабочий класс и его передовой коммунистический отряд батраки и бедняки. Коммунисты повсеместно руководили крестьянским движением, и это позволяет утверждать, что идеология рабочего класса оказывала в это время большое влияние на различные слои крестьянства.

Что касается форм и методов пропаганды, то в рассматриваемый период коммунистическая партия придавала большое значение распространению политических листовок. Последние писались кратко, понятно и доходчиво, с учетом конкретных местных условий и требований рабочих, крестьян и учащихся. Содержание листовок выражало интересы широких народных масс. Кроме того, в них освещались события, происшедшие 1 мая в Бентхюи, Тхайбине и в различных провинциях Кохинхины, благодаря чему население было хорошо информировано о развитии революционного движения. Писать и распространять листовки было нелегко, особенно если учесть тяжелейшие колониальные условия страны. Архивные материалы колониальной администрации Индокитая свидетельствуют о большой работе коммунистов по распространению политической литературы, которая велась по всей стране. В архивном деле, именуемом «Антифранцузские ассоциации и коммунистическая пропаганда в Индокитае», читаем: «В мае (1930 г. — *С. М.*) в Аннаме в большом количестве начали распространяться листовки: 4 мая — в Вине, 8 мая — в Ханое, 10 мая — в Хюе, 12 мая — в Дананге и Файфо» [47, 11]. В этих листовках рассказывалось о репрессиях, чинимых в Бентхюи и Тхайбине, и содержался призыв принять участие в манифестациях протеста.

Многочисленные листовки были распространены в том же месяце и в Кохинхине, где произошло много манифестаций рабочих и крестьян. 13 и 16 мая листовки были обнаружены в Каолане, 17 мая — в Садеке. Листовка на куок нгы (куок нгы — латинизированный вьетнамский алфавит), подписанная Временным комитетом компартии Кохинхины, была распространена 30 мая в Сайгоне — Тёлоне. Она призывала народ продолжать борьбу против империалистов и мандаринов (куанов), требуя от колониального правительства Кохинхины проведения ряда реформ (уменьшение или отмена налогов). Большое число экземпляров этой листовки было обнаружено на территории Тёлонской гидроэнергетической компании.

Коммунисты Тонкина также распространяли листовки, содержавшие призыв выразить решительный протест против арестов революционеров, требовать повышения заработной платы рабочих и снизить налоги. 20 мая такие листовки были обнаружены в Хайфоне, Намдине и других местах [47, 13].

Большая пропагандистская работа велась коммунистами и среди учащихся. В мае во многих школах страны были обнаружены листовки, призывавшие учеников протестовать против плохого обращения, против формальностей, выражавшихся в заполнении многочисленных документов при приеме в учебные заведения и при сдаче экзаменов. В листовках содержался также призыв требовать свободы собраний, печати, чтения литературы. 12 мая листовки с подобными требованиями на куок нгы были обнаружены в школе Марко Феррандо в Зядине; 16 мая в женской гимназии в Говане (провинция Зядинь) была обнаружена листовка, озаглавленная «Студенческая искра» [47, 14].

Помимо листовок, являвшихся одним из главных средств пропаганды, коммунисты издавали подпольные газеты, игравшие важную роль в деле установления связи между партией и широкими народными массами. В рассматриваемый период ЦК компартии издавал газеты «Буа лиен», «Тиен лен» («Вперед»), «Чань дау» («Борьба»), «Боншевить», «До» («Красный») [4], «Ла ко

---

[4] Газета «До» в конце апреля 1930 г. перестала издаваться [47, 15].

конг шан» («Коммунистическое знамя»), «Ко до». Заграничное бюро ЦК издавало газету «Во шан» («Пролетарий»), теоретические журналы «Конг шан» («Коммунист»), «Тап ти до» («Красный журнал»), и «Эдюкасьон» («Воспитание»). Помимо отмеченных печатных органов комитеты Тонкина, Аннама и Кохинхины, а также провинциальные и городские комитеты КПИК издавали местные газеты, названия которых в ряде случаев совпадали с названием центральных органов. В Кохинхине, например, издавались «Лиен хиеп» («Единство»), «Ко во шан» («Пролетарское знамя»), «Конг нонг» («Рабочий и крестьянин»), «Зяй фонг» («Освобождение»), «Тиен лен», «Лао кхо» («Обездоленный»), «Чань дау»; в Тонкине — «Зан нгео» («Бедняк»), «Донг лонг» («Солидарность»), «Ко до»; в Лаосе — «Тыонг тюнг» («Пример для всех»); в Аннаме — «Ко до», «Нгеан до» («Красный Нгеан»), «Тап ти кать манг» («Революционный журнал»), «Ко во шан», «Сонг кать манг» («Революционная волна»), «Нгыой Лао кхо» («Обездоленный»), «Тиен лен», «Быок той» («Шаг вперед»), «Сить синь» («Красный учащийся»).

Профсоюзные организации Тонкина, Аннама и Кохинхины, а также профсоюзы отдельных промышленных предприятий издавали помимо этого многочисленные местные подпольные газеты. Среди них можно отметить «Лао донг» («Труд»), «Зяй фонг», «Донг лонг» — издания профсоюзной организации Хайфона; «Зан нгео» — орган профсоюзов сельскохозяйственных рабочих уезда Хоандык (провинция Хадонг); «Симоонг» («Цемент») — орган профсоюзов хайфонского цементного завода; «Сегонг» («Вагонетка») — орган профсоюзов шахтеров Хонгая; «Тхомо» («Шахтер») — орган шахтеров; «Дыонг зай» («Рельсы») — орган железнодорожников; «Лиен хиеп» — орган ассоциации учащихся Кохинхины [5]. Федерация коммунистической молодежи издавала «Тап ти тхань ниен» («Журнал молодежи»); в Лаосе издавалась газета «Молодежь» [47, 15].

Коммунистическая пресса активно пропагандировала на своих страницах идеи партии, помогала рабочим, крестьянам и интеллигенции до конца понять программу и политику коммунистов, призывала трудовой народ

[5] Подробнее об этом см. [73а].

вести борьбу за свои экономические и политические права. Коммунистическая подпольная газета «Ко до», обращаясь к народу, писала: «Довольно бесполезных стонов и жалоб! От стонов пересохло в горле, от жалоб болит голова, а империалисты не обращают на них никакого внимания. Только борьба спасет нас» [146, 17.VI.1930].

Компартия придавала большое значение распространению политической литературы. В посвященной этому вопросу статье, напечатанной в августовском номере 1930 г. журнала «Тап ти до», говорилось, что в период белого террора работа по распространению политической литературы должна вестись в абсолютно конспиративных условиях; связные должны соблюдать осторожность, ибо если кто-либо из них будет пойман, то будут раскрыты партийные организации. На многих заводах и фабриках имелись лица, ответственные за распространение политической литературы. При уездных и провинциальных комитетах были созданы комиссии, которые занимались организацией распространения политической литературы. Комиссии регулировали количество распространяемой литературы, изучали формы и способы распространения газет, листовок и книг, созывали собрания уполномоченных по распространению литературы для обмена опытом работы. Журнал «Тап ти до» писал: «Не уметь распространять политическую литературу, это значит не уметь заниматься пропагандой идей партии, значит не уметь быть подлинным революционером».

Оказывая глубокое воздействие на массы, устная и письменная пропаганда вьетнамских коммунистов поднимала народ на революционную борьбу. Политические лозунги и призывы коммунистов с энтузиазмом подхватывались трудящимися, находили положительный отзвук во всех уголках страны. Разъясняя широким народным массам необходимость политической борьбы за свои права, разоблачая коварство и лицемерие колонизаторов и феодалов, информируя об опыте борьбы трудового народа в различных провинциях, вдохновляя массы на новые успехи, коммунистическая пресса сыграла важную роль в период подъема революционного движения 1930—1931 гг.

Рабочее и крестьянское движение в июне—июле 1930 г.

В начале июня революционное движение продолжало нарастать. Во всех уездах происходили непрерывные манифестации. Начальники уездов были вынуждены либо бежать, либо принимать требования манифестантов, обещая выполнить их. По-прежнему распространялись листовки. 15 июня они появились в Куангнаме, Сайгоне, 18 июня — на западе Кохинхины, 24 июня — в Дананге, Вине, Файфо, 2 июля — в Хюэ, 10 и 11 июля — в Хадонге, Сайгоне и Тёлоне. В листовках рассказывалось об успехах строительства социализма в СССР, о развитии национально-освободительного движения в колониях и полуколониях. Коммунисты призывали пролетариат и крестьянство не прислушиваться к контрпропаганде, ведущейся империалистами, а продолжать борьбу с колонизаторами и феодалами, бойкотировать такие реакционные и соглашательские газеты, как «Трибюн эндошинуаз» и «Дуок Ня Нам» [48, 5]. В листовках, распространяемых коммунистами в конце июня в Каолане (провинция Садек), партия обращалась к местному населению с призывом сплотиться под красными знаменами в борьбе с колонизаторами, куанами и реакционными нотаблями. Листовки, распространенные 10 и 11 июля в Сайгоне и Тёлоне, призывали бойкотировать празднование национального французского праздника 14 июля [48, 6].

1 июня 2 тыс. крестьян собрались в уездном центре Тханьтыонг для вручения чи хуену (начальнику уезда) требований об отсрочке уплаты и сокращении налогов, освобождении арестованных и возмещении убытков семьям, пострадавшим от репрессий властей во время первомайских событий. Манифестанты разошлись лишь после того, как начальник уезда обещал передать их требования высшим властям [47, 20].

2 июня 1930 г. рабочие спичечной фабрики в Бентхюи забастовали вторично, потребовав увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, свободы демонстраций и собраний. Забастовка длилась 40 дней. В конце концов рабочие добились повышения заработной платы на 30%. Одновременно объявили забастовку рабочие железнодорожного депо г. Виня и продолжали

борьбу рабочие лесопилен в Бентхюи. В Вине вели борьбу за свои права и улучшение материального положения рикши, распространявшие в городе политические листовки. Борьбой рикш руководил коммунист Фук. Среди рабочих Виня пропагандистскую работу вела известная революционерка коммунистка Нгуен Тхи Минь Кхай, пламенные выступления которой пользовались большой популярностью.

Вести о том, что рабочие сумели добиться успехов в своей работе, проникали в крестьянскую среду, способствовали дальнейшему развитию крестьянского движения в провинциях Нгеан и Хатинь, его единству с движением пролетариата. Этому содействовала политика компартии, которая во время забастовки рабочих Бентхюи и Виня направила в села многих коммунистов и беспартийных активистов для организации на местах крестьянского движения. Действительно, в знак солидарности с борьбой рабочих поднялись на борьбу и крестьяне многих уездов: Нгилок, Аньшон, Намдан, Куиньлыу. Крестьяне собирали деньги, рис, овощи для бастующих рабочих Виня и Бентхюи, доставляли бастующим и членам их семей продовольствие. Вскоре крестьяне перешли и к более активным действиям.

8 июня 500 крестьян из деревни Дангса и Тхыонгса (уезд Нгилок) собрались перед зданием уездной администрации. Заявив о своей поддержке борьбы рабочих Бентхюи, крестьяне одновременно потребовали приостановить выплату долгов и продлить срок уплаты земельного налога. Уездный чиновник Тон Тхат Хоан принял представителей манифестантов и обещал передать их требования властям.

11 июня в Долыонге (провинция Нгеан) тысяча крестьян организовала манифестацию с требованием отмены налогов [142, 12.VI.1930]. 20 июня в Фудыке (уезд Куиньлыу) 600 рабочих и крестьян окружили приемный пункт по сдаче соли и потребовали от администрации прекращения телесных наказаний рабочих соляных шахт, повышения цен на сдаваемую соль, запрещения обысков домов рабочих соляных шахт. Начальник приемного пункта был вынужден принять требования крестьян и рабочих соляных шахт уезда Куиньлыу.

Революционные выступления происходили в июне не только в провинциях Нгеан и Хатинь, но и на юге

Вьетнама, в Кохинхине. Так, 2 июня в Чавине 500 крестьян потребовали распределить земли помещиков и феодалов среди безземельных крестьян и уменьшить налоги. В тот же день в Виньлонге состоялась манифестация, участники которой выдвинули такие же требования. Полиция разогнала крестьян, арестовав свыше 100 из них. 3 июня в Бахоме (провинция Тёлон) 600 демонстрантов с красными транспарантами, вооруженные копьями, напали на отряд службы колониальной охраны и полиции. В результате столкновения были убитые и раненые. 4 июня 2 тыс. манифестантов с транспарантами, вооруженные ножами, окружили школу в Хакмоне (провинция Зядинь) и захватили ее. В результате стычки с полицией два человека были убиты и пятеро ранены. В тот же день в Дыкхоа и Бахоме (провинция Тёлон) 2 тыс. крестьян выступили с требованием произвести распределение земель и сократить арендную плату [135, 14.VI.1930]. В ночь на 5 июня в Дыкхоа население напало на полицейский участок. Во время завязавшейся перестрелки были убиты 4 человека и ранены 6 человек [47, 24]. В тот же день в Бенлуке (провинция Тёлон) 1500 крестьян предприняли попытку организовать манифестацию, но были разогнаны вооруженной полицией [там же].

Основные требования манифестантов Кохинхины, судя по сообщению газеты «Эко аннамит» от 13 июня 1930 г., сводились к следующему: отсрочка уплаты и сокращение подушного налога; равенство всех вьетнамцев при взимании подушного налога; наказание чиновников за злоупотребления при взимании налогов; изменение состава и компетенции Совета нотаблей и провинциального совета; предоставление финансовой автономии деревням; установление восьмичасового рабочего дня; запрещение экспорта падди (неочищенного риса); раздел земель между безземельными крестьянами [46, 35].

Требования рабочих и крестьян были рассмотрены колониальной администрацией Кохинхины, и 5 июня 1930 г. она обещала сократить налоги и прекратить дополнительные поборы. В то же время представители администрации заявили, будто зачинщиками выступлений являются не местные жители, а тонкинцы, «обманывающие население». В связи с этим колониальные

власти предупредили о мерах наказания, которые будут приняты в отношении лиц, укрывающих «зачинщиков смуты». В заявлении колониальной администрации Кохинхины говорилось: «Каждый, кто предоставляет им (зачинщикам. — *С. М.*) убежище, становится их соучастником. Эти лица будут преследоваться и наказываться по всей строгости закона» [47, 24]. Тем самым власти хотели разжечь вражду между кохинхинцами и тонкинцами, т. е. между северянами и южанами. По этому поводу вьетнамская газета «Чунг лап» писала 25 июня 1930 г., что газета «Курьер Сайгонье» «подняла вопрос об изгнании тонкинцев с территории Кохинхины». Та же газета указывала, что «Курьер Сайгонье» «посеяла ненависть среди нас, аннамитов» [46, 49].

Анализируя ход революционного движения в мае—июне 1930 г., коммунистическая пресса предостерегала рабочих и крестьян от неправильных действий, которые могли бы привести к различным ошибкам, в частности к соглашательству с капиталистами. Так, газета «Ко до» в одном из своих номеров писала: «Недавно в буржуазной газете „Чунг Лап“ было опубликовано письмо рабочих кирпичного завода Малам, содержавшее просьбу к инспектору труда ходатайствовать перед хозяином завода относительно выплаты рабочим зарплаты, которую они не получали в течение нескольких месяцев». Газета разъясняла рабочим, что капиталисты и помещики никогда не будут заботиться об улучшении жизни трудового народа и поэтому у них не надо просить, а надо требовать. «Бесполезно, — говорилось в статье, — публиковать письмо в газете капиталистов и просить прислужника капиталистов заставить хозяина заплатить вам. Инспектор труда назначен империалистами, чтобы обманывать нас, чтобы мы поверили, будто он нас защищает, и отказались от борьбы». «Наш главный и единственный путь,— писала в заключение газета,— это путь борьбы, путь забастовок» [146, 17.V.1930].

Со второй половины июня и почти до конца июля наблюдался временный спад революционного движения. Выступления рабочих и крестьян, правда, продолжались, но по своим масштабам были менее значительными, чем в мае и начале июня. В обзоре колониальной администрации Индокитая за вторую половину июня — июль 1930 г. говорилось о том, что «революционное дви-

жение частично стихло в результате репрессий». В обзоре отмечалось, что «власти приняли широкие меры против деятельности Коммунистической партии: аресты, произведенные после крестьянских выступлений в Кохинхине, Хайфоне, шахтерском районе Хонгае, а также меры, принятые по надзору, сделали почти невозможными связь и перемещение коммунистических пропагандистов. Тем не менее волнения продолжаются в провинциях Нгеан и Садек». В том же обзоре событий высказывалось предположение, что «Коминтерн боялся начать преждевременные революционные действия в колониях» [48, 1].

6 июля 1930 г. 400 рабочих спичечной фабрики лесопромышленной компании в Бентхюи объявили забастовку, которая продолжалась до 19 июля. Начиная с 6 июля прокатилась волна забастовок рабочих и служащих железнодорожных мастерских и депо Чыонгтхи (Винь), в ходе которых свыше 15 профсоюзных активистов подверглись арестам [48, 11]. Отмечались и выступления крестьян. Так, 12 июля крестьяне организовали манифестацию с красными флагами в уезде Куиньлыу, вручив свои требования начальнику уезда. 16 июля в Южном Аннаме 700 крестьян с красными флагами приняли участие в митинге, на котором вручили свои требования начальнику уезда Тандинь. По данным колониальной администрации, в Индокитае были созданы отделения Крестинтерна (Крестьянского Интернационала), руководившие революционным движением крестьян. По сведениям полиции, число ячеек Крестинтерна доходило до 80 [48, 4].

В июле 1930 г. в провинции Хатинь состоялась партийная конференция. На ней был избран новый состав провинциального партийного комитета в составе: Тхиен Дай Зиен (секретарь)[6], Тяу (Ким Дон), Чан Хынг, Ле Тим (Бить), Во Куе (Лыонг), Нгуен Бинь, Буй Тхи. Всего в партийной организации провинции Хатинь было 376 коммунистов. Крестьянские союзы объединяли 200 человек, женские союзы — 48, молодежные союзы — 132 человека [59а, 3].

В том же месяце партийная конференция была со-

---

[6] В сентябре 1930 г. Тхиен Дай Зиен был арестован и вместо него секретарем был избран Тиеу.

звана комитетом провинции Нгеан. Она проанализировала итоги революционной борьбы рабочих и крестьян и приняла ряд конкретных предложений по улучшению организационной работы. Был расширен состав провинциального комитета, в него были введены новые активисты (Шон, Льен и др.). Конференция утвердила создание новых партийных ячеек на заводах Виня и Бентхюи, а также в сельской местности, куда комитет Нгеана направил партийные кадры для руководства революционной борьбой крестьян. Численность членов партии в провинции Нгеан составляла в это время 907 человек [63, 52]. Коммунисты провинции стремились расширить и укрепить не только партийные ряды, но и местные массовые организации. Революционные газеты «Конг нонг бинь» («Рабочий, крестьянин и солдат»), «Лао нонг» («Трудящиеся»), «Тхань ниен» («Молодежь») и др. призывали к созданию таких организаций на основе союза рабочего класса и крестьянства. В результате по всей провинции Нгеан под руководством коммунистов начали создаваться общественно-политические организации (профсоюзы, крестьянский союз, союз женщин, союз молодежи, союз учащихся, отделение МОПР и др.). Особенно важным было создание отделений новых политических организаций в са (сельских общинах), так как это означало проникновение в крестьянское движение более высоких форм организации, вело к более активному включению крестьян в антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу.

Коммунисты постепенно завоевывали все больший авторитет в народных массах. Среди агитаторов-рабочих, направленных партией в деревню для организации крестьянского движения, было много активистов, уволенных с работы за участие в стачках и демонстрациях. Их появление в деревне способствовало распространению опыта революционной борьбы и укреплению союза рабочего класса с крестьянством.

Таким образом, если майские выступления знаменовали собой начало подъема революционного движения, а в начале июня наблюдался дальнейший его рост, то во второй половине июня и в июле в результате репрессий колониальных властей произошел частичный спад революционной борьбы. В августе же многочисленные политические манифестации трудящихся постепенно пе-

растают в широкое народное движение, характеризующееся совместными выступлениями рабочих и крестьян, которые в ряде мест выливаются в вооруженную борьбу.

Августовские манифестации и их перерастание в массовое революционное движение

В конце июля 1930 г. в Тонкине, Аннаме, Кохинхине и Камбодже компартией были распространены листовки, призывавшие народ выступить против империализма и надвигающейся войны. Большое количество политических листовок подобного содержания было распространено в Намдине, Виньиене, Хонгае, Камфа, Хайфоне, Ханое, Фули (Тонкин); в Хюэ, Вине, Дананге, Фантхиете, Куангнгае, Донгхое (Аннам); в Сайгоне, Тёлоне, Кантхо, Садеке, Чавине, Лонгсуене (Кохинхина); в Пномпене, Кампоте, Кепе, Тукнеасе, Компонгтрахе (Камбоджа). Французская колониальная администрация в обзоре событий за август отмечала: «В августе активность большевистской агитации вновь возросла, так же как и количество сагитированных людей» [49, 10].

1 августа 1930 г., откликнувшись на призыв компартии, содержавшийся в листовках, трудящиеся Вьетнама провели крупные политические манифестации под лозунгами борьбы против империалистической войны и в поддержку СССР. Как и в майские дни, в первых рядах революционной борьбы шли рабочие и крестьяне провинций Нгеан и Хатинь. Нгеанский комитет компартии, в частности, дал указание провести 1 августа манифестации во всех уездах. Помимо лозунгов борьбы против империалистической войны, в поддержку СССР, китайской революции и национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах комитет также предложил выступить с требованиями установления восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты, уменьшения налогов с крестьян, освобождения арестованных революционеров и оказания помощи семьям пострадавших от репрессий властей во время революционных выступлений [85, 26].

1 августа рабочие Виня и Бентхюи не вышли на работу. В Долыонге в тот же день 500 крестьян провели

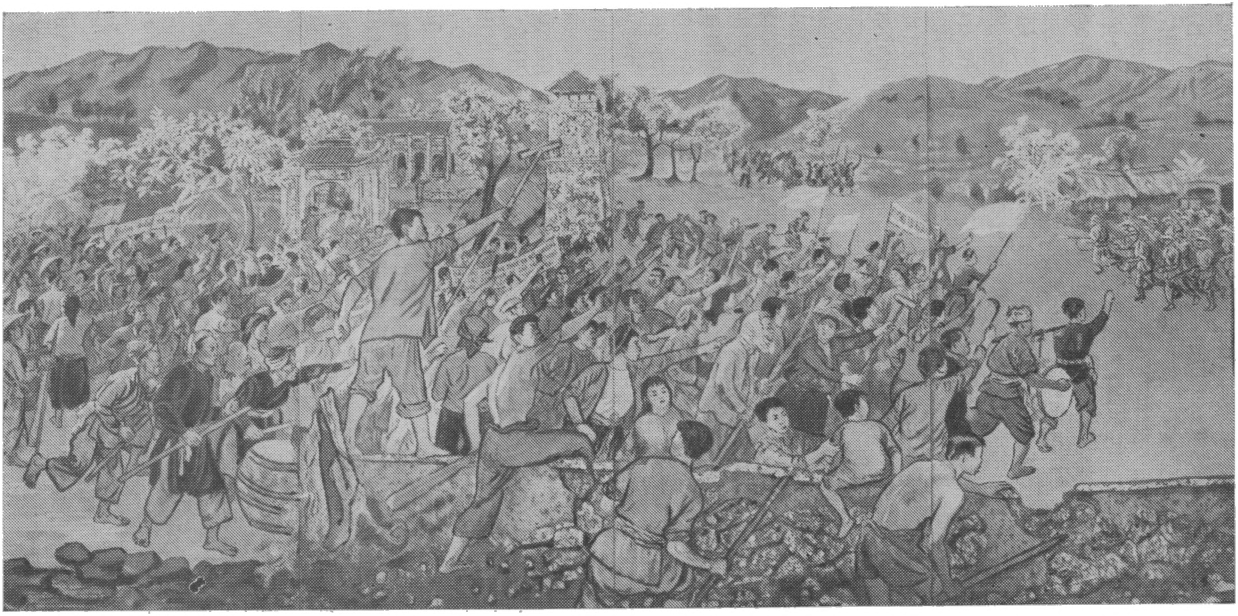
манифестацию, для разгона которой колониальные власти вызвали авиацию. В Канлоке (провинция Хатинь) манифестанты потребовали освободить заключенных и напали на полицию. Произошло столкновение, в результате которого были убитые и раненые, многие манифестанты подверглись арестам.

Демонстрации и забастовки 1 августа стали сигналом к новому подъему революционного движения в провинциях Нгеан и Хатинь. 6 августа 20 тыс. крестьян уезда Намдан (провинция Нгеан) приняли участие в мощной манифестации, во время которой они окружили уездный центр, разрушили склады с рисовой водкой, вывели из строя телефон и телеграф. Испуганный начальник уезда Ле Кхак Тыонг согласился принять требования крестьян.

На следующий день, 7 августа, около 1 тыс. крестьян уезда Канлок (провинция Хатинь) организовали политическую манифестацию, в ходе которой они выразили протест против империалистической войны и потребовали снижения налогов. Начальник уезда был вынужден поставить свою подпись под требованиями манифестантов. В этот же день состоялась многочисленная демонстрация в уезде Аньшон, которая была рассеяна вызванными администрацией самолетами.

Крупные выступления отмечались и в уезде Тханьтыонг. Здесь 12 августа свыше 10 тыс. жителей деревень Волиет, Биткхао, Катнган, Дайдонг и Суанлам организовали манифестацию под лозунгами: «Ликвидировать подушный налог и различные сборы», «Освободить политических заключенных, увеличить зарплату рабочим, установить восьмичасовой рабочий день». Колониальная полиция открыла огонь по демонстрантам, шедшим к уездному центру, убив и ранив несколько человек. Однако колонна продолжала свой марш. Полиция и уездные чиновники были вынуждены бежать. Демонстранты освободили политзаключенных, сожгли дом начальника уезда Фан Си Банга и уничтожили уездный архив. В тот же день были организованы похороны погибших. На следующий день, 13 августа, крестьяне упомянутых деревень Волиет, Биткхао и др. начали жечь дома сельских феодалов и чиновников и отобрали у деревенских старост печати и регистры.

20 августа объявили забастовку рабочие лесопильни

Хюинь Ван Тхуан, Нгуен Ван Ти, Нгуен Дык Нунг, Фам Ван Дон, Чан Динь Тхо. Народное восстание в Нге-Тине в 1930 г. Лаковая живопись.

5*

компании «Сосьете форестьер» [49, 19]. С 23 августа по 1 сентября прошла всеобщая забастовка рабочих Виня. В эти же дни крестьяне провинций Нгеан и Хатинь организовали серию выступлений в знак солидарности с рабочими Бентхюи и Виня. 30 августа 2 тыс. манифестантов, вооруженных тесаками и копьями, ворвались в уездный центр Намдан и заставили начальника уезда поставить свою подпись под их требованиями. Затем манифестанты напали на тюрьму и освободили политических заключенных. Вслед за этим вооруженные отряды направились в села, где ими была установлена революционная власть. Крестьяне уездов Нгилок, Намдан и Хынгнгуен также провели многотысячную манифестацию [135, 10.IX.1930].

В августе происходили революционные выступления и в других провинциях Индокитая. Массовые манифестации имели место в Кохинхине в провинциях Зядинь, Тёлон, Чавинь, Садек. 1 августа 400 рабочих нефтяной компании «Франко-азиатик» в Нябе (около Сайгона) объявили недельную забастовку. На такой же срок объявили забастовку 700 рабочих спирто-водочного завода «Фонтэн» (в Тёлоне) [49, 9]. Утром 1 августа 1930 г. на спирто-водочном заводе в Биньтае (провинция Чавинь) было вывешено красное знамя с изображением серпа и молота. Затем состоялся митинг, на котором были выдвинуты требования об увеличении на 20% заработной платы, установлении восьмичасового рабочего дня, оплате дней по болезни, прекращении грубого обращения с рабочими, предупреждении за 15 дней об увольнении с работы, увеличении оплаты за работу в праздничные и выходные дни и др. Полиция разогнала участников митинга, при этом были жертвы. Подпольная коммунистическая газета «Ко до» писала 4 августа: «Рабочие не были хорошо подготовлены и организованы, профсоюзы не были еще достаточно сильными, остро ощущался недостаток в подготовленных кадрах». Несмотря на это, газета призывала: «Братья! Рабочие и кули Биньтая! Не теряйте надежды, наберитесь мужества и опыта. Потерпев поражение на этот раз, подготовимся к другим боям!».

22 августа в провинциях Зядинь, Тёлон и Садек были организованы политические манифестации, митинги и демонстрации по случаю годовщины смерти Сакко и

Ванцетти [49, 11]. 23 августа произошли многочисленные выступления крестьян в деревнях провинций Зядинь и Тёлон. В эти же дни произошли выступления в Каолане (провинция Садек), в Тьомои (провинция Лонгсуен), в провинциальных центрах Бенче и Митхо. 26 августа Колониальный совет Кохинхины, напуганный ростом революционных выступлений, дополнительно ассигновал 30 тыс. пиастров на увеличение штата полиции. Газета «Опиньон» с тревогой писала о распространении в Сайгоне пропагандистских листовок, одна из которых была напечатана на страницах этой газеты. В листовке, в частности, говорилось: «С каждым днем, подобно буре, нарастает возмущение народных масс Индокитая. Рабочие осознали свои классовые интересы и хотят бороться. Крестьяне также понимают необходимость объединения под знаменем коммунизма и борьбы за землю. Борьба против капитализма становится все более интенсивной. Коммунистические лозунги все больше увлекают за собой массы». Листовка заканчивалась следующими словами: «Рабочие и крестьяне! Создавайте клубы, общества, союзы, ведите борьбу против колонизаторов под лозунгами: „Земля — крестьянам! За восьмичасовой рабочий день"» [142, 30.VIII.1930].

Хотя выступления рабочих и крестьян происходили повсеместно как на Юге, так и на Севере, центром революционного движения по-прежнему оставались провинции Нгеан и Хатинь. Из приведенных выше сообщений нетрудно сделать вывод, что на протяжении всего августа положение в провинции Нгеан продолжало оставаться напряженным. Повсюду происходили митинги, демонстрации и выступления крестьян под руководством первичных коммунистических ячеек. Трудовой народ, задавленный жестокой эксплуатацией и тяжелыми поборами, искал выхода из сложившегося положения в борьбе против своего политического бесправия, за улучшение экономического положения. Революционный дух народных масс был настолько высок, что они были готовы в любое время вступить в борьбу с французскими колонизаторами и их пособниками — местными реакционерами.

Необходимо отметить, что колониальные власти были застигнуты врасплох августовскими выступлениями народных масс и не смогли предпринять против них ка-

ких-либо серьезных мер. Именно этим объясняется тот факт, что в ряде мест власти пошли на определенные уступки и частичное удовлетворение требований манифестантов. Представители администрации принимали руководителей народа, вели с ними переговоры, обещали снизить налоги, повысить зарплату рабочим, не прибегать к телесным наказаниям и в ряде случаев даже освобождали политзаключенных [86, 29]. Политика колониальных властей в рассматриваемый период сводилась к заигрыванию с революционными массами путем незначительных уступок им. Вместе с тем власти усиленно готовили армию, полицию, колониальный аппарат и королевскую администрацию для подавления народных выступлений.

Революционное движение в указанный период отличалось прежде всего переходом от сравнительно простых ко все более сложным формам борьбы, а также своим массовым характером. Характерной чертой революционного движения указанного периода была и совместная борьба рабочих и крестьян. Как уже отмечалось, крестьяне в знак солидарности с рабочими организовали многочисленные манифестации и оказывали материальную помощь бастующим, собирая денежные средства и продовольствие. Со своей стороны, рабочий класс Вьетнама стремился установить тесную связь с трудовым крестьянством для создания прочного рабоче-крестьянского союза. Как отмечал Ле Зуан, «чем теснее связь между крестьянством и рабочим классом, тем прочнее гарантии руководящей роли рабочего класса, ибо борьба между рабочим классом и буржуазией за руководство революцией в нашей стране заключалась главным образом в привлечении на свою сторону крестьянства. Класс, которому удастся привлечь на свою сторону трудовое крестьянство, удовлетворить его требования и чаяния, завоюет право на руководство революцией» [43, 54].

Совместная борьба и взаимная помощь рабочих и крестьян проявлялись в различных формах. В дни манифестаций рабочие и крестьяне выступали вместе под лозунгами, выражавшими их общие интересы. Крестьяне выдвигали лозунги установления восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты, отмены телесных наказаний. Рабочие-забастовщики включали в число своих

требований сокращение налогов и возвращение крестьянам отнятых у них земель. Все это способствовало сплочению рабочих и крестьян в совместной борьбе против общих врагов. Большая заслуга в том, что эта борьба стала совместной, принадлежала компартии, сумевшей в сравнительно короткий срок развернуть серьезную работу по созданию союза рабочего класса с крестьянством.

Характерной чертой крестьянского движения в рассматриваемый период можно считать также то, что борьба крестьян той или иной деревни или уезда согласовывалась с борьбой соседних сел или уездов. Коммунистические ячейки делали все возможное для координирования крестьянского движения, для направления его по правильному пути, в результате чего, разрозненное и слабо организованное в мае—июне, оно уже в августе приняло более организованный и массовый характер.

Формы борьбы рабочих и крестьян в основном были мирными: забастовки, манифестации, митинги. Лишь местами крестьянские выступления переросли в вооруженную борьбу с колонизаторами и местными феодалами. Во время манифестаций рабочие и крестьяне неоднократно выдвигали не только экономические требования, но и политические лозунги, такие, как: «Долой французский империализм!», «Поддержка Советского Союза!», «Солидарность с китайской революцией и борьбой колониальных народов!».

Характеристика революционного движения 1930—1931 гг. была бы неполной, если бы мы обошли молчанием такой важный вопрос, как отношение к нему различных классов и политических партий Вьетнама. Как и следовало ожидать, феодалы, компрадоры, крупные землевладельцы, чиновники колониальной администрации отнеслись к революционной борьбе рабочих и крестьян враждебно и вместе с колонизаторами активно участвовали в ее подавлении. К этому реакционному лагерю в рассматриваемый период принадлежала и соглашательская часть национальной буржуазии, интересы которой выражали в Кохинхине Конституционная партия во главе с Буй Куанг Тиеу и Нгуен Фан Лонгом, в Аннаме — Фам Куинь и его сторонники, в Тонкине — группа Нгуен Ван Виня. Все упомянутые группы

были поборниками сотрудничества с метрополией, и их критика французского колониального режима сводилась к требованию реформ в интересах своего класса. Конечно, эти группы отличались одна от другой, однако в данной работе мы не ставим своей задачей проанализировать их отличительные черты, а хотим только показать их отношение к революционному движению рабочих и крестьян.

Общая политика соглашательской либеральной части вьетнамской буржуазии сводилась к борьбе против руководимого компартией революционного движения и вместе с тем к использованию страха колонизаторов перед этим движением в своих интересах. Представители Конституционной партии, в частности, всячески добивались того, чтобы колониальные власти считались с ними как «с лучшей частью аннамитского общества». Печатный орган Конституционной партии газета «Трибюн эндошинуаз» писала 23 июня 1930 г.: «Лучшая часть аннамитов считает, что господствующий в стране политический и социальный режим не соответствует степени ее развития, что аннамитская мысль подавляется, что наших свобод не существует и т. д.». В статье предлагалось, чтобы по всем этим вопросам колониальные власти вели переговоры с вьетнамской элитой. «Не кажется ли, — прямо писала газета, — что было бы более логичным найти общий язык с влиятельными представителями аннамитов?» [46, 30].

25 июня 1930 г. та же газета еще более ясно писала о требованиях Конституционной партии колониальным властям. «Мы приняли меры, — отмечалось в газете, — против бесплодных действий, чтобы остановить напрасные убийства и предупредить борьбу классов, которую стараются вызвать коммунисты. Добиваясь нашего участия, чтобы воспрепятствовать движению, правительство заявило нам, что оно готово вместе с нами и с наиболее благосклонно настроенными лицами рассмотреть законные пожелания населения, которые были бы сформулированы при нашем участии после того, как будет восстановлен порядок» [там же].

Призывая колониальную администрацию к проведению либеральных реформ, руководители Конституционной партии вместе с тем неоднократно заверяли в своем враждебном отношении к выступлениям рабочих и кре-

стьян, руководимым Коммунистической партией. В частности, один из лидеров этой партии, Буй Куанг Тиеу, выступил на страницах газеты «Трибюн эндошинуаз» с серией статей, в которых изложил точку зрения аннамитских советников колониальной администрации, представляющих интересы крупных землевладельцев и либеральной буржуазии. В статье, опубликованной 16 июня 1930 г., Буй Куанг Тиеу писал: «Аннамитские колониальные советники отмежевываются от коммунистов и будут продолжать эту политику при всяком удобном случае». Тиеу пытался доказать, что коммунисты не могут представлять вьетнамский народ, ибо, по его мнению, не существует никакой связи между требованиями коммунистов и народа в целом, поскольку стремления вьетнамцев носят национальный характер, тогда как требования коммунистов отнюдь не отражают интересов нации. «Во всяком случае, — писал автор, — требования аннамитов не имеют никакой связи с коммунистическими требованиями, которые выражены в манифестах, распространенных в последнее время в большом количестве среди кохинхинского населения. Но в них выражаются и требования уменьшения налогов, слишком тяжелых, особенно в неурожайные годы, пересмотра налоговой системы, прекращения злоупотреблений со стороны администрации. В них также содержатся требования о разделе урожаев и доходов имущих классов, о ниспровержении существующего социального строя, без указания, чем можно было бы его заменить. Мы не знаем, изложена ли в этих требованиях программа коммунизма, но если она такова, то мы думаем, что хорошо осведомленные, принадлежащие к различным классам аннамиты без колебания отвергнут ее» [46, 25—26].

Другой лидер Конституционной партии, Нгуен Фан Лонг, также неоднократно выступал в печати с нападками на коммунистов. 18 июня 1930 г. на страницах той же «Трибюн эндошинуаз» он пытался доказать, что коммунисты использовали народное недовольство во время манифестаций для выдвижения требований экономического и политического характера. «К народным жалобам, — писал Нгуен Фан Лонг, — они (коммунисты. — *С. М.*) добавили требования чисто коммунистического характера, такие, как раздел между бедными урожая и земель, отнятых у богатых». Нгуен Фан

Лонг обвинял коммунистов в том, что «они развязывают классовую борьбу, стараясь натравить бедняков на богачей, будят у обездоленных чувство зависти». В заключение автор недвусмысленно выражал свои опасения в связи с революционным подъемом в мае и начале июня. «Речь шла не о правительстве, которое было достаточно сильным, чтобы подавить вооруженный мятеж, а тем более безоружных мятежников. Именно имущие классы находились под угрозой, так как мятежники сознательно или нет, повинуясь призывам коммунистов, выступали против своих зажиточных или богатых соотечественников, нападая на них и грабя их. Именно аннамитское общество, вся страна в целом находились в опасности, так как инициаторы движения подрывали саму основу всей социальной организации, обрушиваясь на право частной собственности» [46, 27—28].

Как видно из приведенных выдержек, Нгуен Фан Лонга и его соратников по Конституционной партии больше всего беспокоило то обстоятельство, что революционное движение под руководством коммунистов было направлено против основы основ эксплуататорского общества — против права частной собственности. Успех революционного движения наносил смертельный удар не только по колонизаторам, но и по крупным землевладельцам и верхушке буржуазии, представителями которых были Буй Куанг Тиеу и Нгуен Фан Лонг. Боясь революционного подъема, соглашательская буржуазия, с одной стороны, шла на сговор с империализмом, а с другой — стремилась побудить колониальные власти к уступкам.

Когда под давлением народных масс губернатор Кохинхины был вынужден учредить так называемую Комиссию по проведению реформ, газеты Конституционной партии встретили эту акцию серией хвалебных статей. На деле, однако, комиссия не собиралась проводить какие бы то ни было реформы. Фактически речь шла лишь об изменении условий взимания подушного налога, а именно: отмене недоимок по подушному налогу за предыдущие годы, аннулировании дополнительных налоговых списков, отмене штрафов за неуплату подушного налога вьетнамцами, которые служили в колониальной администрации [46, 54]. На эти незначительные уступки, которые никоим образом нельзя назвать

реформами, лидер конституционалистов Буй Куанг Тиеу откликнулся с восторгом. «Эти реформы, — писал он в газете „Трибюн эндошинуаз“ 2 июня 1930 г., — представляют ряд отрадных мероприятий и будут с благодарностью встречены вьетнамским народом» [46, 52].

Заискивая перед колониальными властями, руководители Конституционной партии нередко выступали инициаторами применения жестоких мер к участникам революционного движения. Примечательно, что до 1930 г. эта партия не только не придавала большого значения коммунистическому движению, но даже отрицала его наличие во Вьетнаме. Во время подъема революционного движения в мае 1930 г., когда народные массы под руководством коммунистов повсеместно организовывали политические манифестации и забастовки, лидеры Конституционной партии воочию убедились в популярности и авторитете коммунистов среди народа. С этого времени они начали резко выступать против коммунистического движения, страшась его растущего влияния в массах. Так, орган конституционалистов газета «Эко аннамит» испуганно спрашивала 28 мая 1930 г.: «Чем занята полиция? Все время появляются листовки. Мы удивлены тем, что никто из распространителей подобных писаний не только не был арестован полицией, но даже не был побеспокоен» [46, 13]. А в июне 1930 г. лидеры Конституционной партии обратились к губернатору Кохинхины Краутхаймеру с просьбой принять против манифестантов более суровые меры вплоть до применения слезоточивых газов [142, 17.VI.1930].

Конституционная партия и вновь созданная партия Ли Нян не только активно выступали против Коммунистической партии, но и всячески пытались опорочить ее и ее идеи. Так, в июне 1930 г. партией Ли Нян была распространена клеветническая листовка, направленная против СССР и компартии Вьетнама. Коммунисты на клевету ответили листовкой, которая была выпущена 27 июня 1930 г. и широко распространена среди населения Сайгона. В ней говорилось: «Нгуен Фан Лонг, Буй Куанг Тиеу и К° — партия Ли Нян — защищают интересы крупных капиталистов и помещиков. Зная, что после свержения колонизаторов они не смогут продолжать свою угнетательскую и грабительскую политику под охраной империалистов, они стали их цепными пса-

ми и клевещут на нас. Они обращаются к колонизаторам с просьбой подавлять нас при помощи самых жестоких мер. Они просят применять вооруженную силу, даже удушливые газы против участников демонстрации. Более того, они пытаются ввести народ в заблуждение... Если мы хотим отвоевать свои права, то для этого есть лишь один путь — путь борьбы. Только Коммунистическая партия может повести вас по этому пути».

Вслед за этой листовкой последовал еще более решительный отпор прислужникам колонизаторов: по призыву коммунистов трудящиеся Сайгона в июле организовали демонстрацию протеста перед зданием газеты партии Ли Нян «Дуок Ня Нам» [135, 23.VII.1930].

Не в силах опровергнуть бесспорные факты, национальная буржуазия признавала, что борьба вьетнамского народа против колониальных властей и феодалов вызвана его тяжелым положением. Она не выступала открыто против манифестаций рабочих и крестьян, но критиковала деятельность коммунистов, пытаясь доказать, что они используют в своих интересах народное недовольство и тяжелое положение рабочих и крестьян. Особенно ожесточенно партии и группировки, выражавшие интересы национальной буржуазии, выступили против раздела земли, захвата риса у богатых и других мероприятий, которые они называли следствием «коммунистической пропаганды». Так, один из печатных органов национальной буржуазии, газета «Чунг лап», отмечала 6 июня 1930 г., что «требования манифестантов Каолана в большинстве своем обоснованны (эти требования сводились к снижению арендной платы и подушного налога. — *С. М.*), тогда как требования демонстрантов Виньлонга о разделе риса и рисовых плантаций богачей являются чисто коммунистическими. Это плохо, никто этого не одобрит» [46, 47]. Газета «Эко аннамит» 11 июня 1930 г. обращала внимание своих читателей на постоянный рост цен на предметы первой необходимости и товары широкого потребления, более всего используемые сельскими жителями, и особенно бедняками. Взяв в качестве примера определенный промежуток времени, газета указывала, что дневной заработок сельскохозяйственного труженика не изменился и продолжал составлять 50 сантимов, «что представляет собой весьма низкую зарплату для семьи, состоящей в

среднем из четырех человек, в то время как стоимость жизни постоянно возрастает» [46, 49]. Эта же газета 8 мая 1930 г. писала о глубоком недовольстве широких народных масс, находящем выражение в выступлениях против властей. «В Тонкине и Аннаме и особенно в Нгеане менее чем за неделю в результате столкновений населения с властями было убито 25 человек и около 40 человек ранено». Газета отмечала, что причинами столкновений являются «не только отсутствие свобод, но в первую очередь голод и слишком высокие цены на продукты первой необходимости. Голодный желудок — плохой советчик. „У голодного желудка нет ушей“, — гласит... народная мудрость. Голод толкает на преступления» [46, 9]. Обращаясь к тому же вопросу через 20 дней, 27 мая 1930 г., «Эко аннамит» заключала: «Какими бы ни были эти причины, неоспоримо одно: всеобщее недовольство аннамитов. Повсеместно от севера до юга раздаются многочисленные взрывы, на глазах правительства происходят безрассудные и кровопролитные репрессии, требования туземцев не удовлетворяются, а самих туземцев устрашают силой, не стремясь разрешить проблему тихо и спокойно. Разбуженные, наконец, дыханием свободы и гуманности, которые потрясли мир, аннамиты размышляют, сравнивают, критикуют, сами овладевают знаниями и своими правами, считают себя достойными участия в управлении государством и лучшего обращения» [46, 10]. Последняя фраза приведенной статьи содержит явный намек на то, что вьетнамская элита рассчитывает на получение бóльших свобод и более широкого участия в эксплуатации трудового народа.

Некоторые газеты, выражавшие интересы средней и мелкой буржуазии, сочувственно относились к требованиям рабочих и крестьян, выступали против репрессий и зверств колонизаторов. Более того, они приветствовали борьбу трудящихся за свои права и признавали необходимым развивать их классовое сознание. Так, газета «Конг луан» отмечала 6 мая 1930 г.: «Познав несправедливость, пролетариат ведет борьбу. Заставить пролетариат пролить кровь — это значит заставить его приобрести еще больше энергии и сознательности, поскольку вмешательство силы служит для него испытанием и приобретением опыта» [46, 19].

* * *

Переходя к общей характеристике событий, изложенных в данной главе, следует прежде всего отметить, что еще до майских манифестаций в стране произошли такие крупные выступления трудящихся, как Иенбайское восстание (февраль 1930 г.), четырехтысячная забастовка рабочих каучуковых плантаций в Фурьенге (февраль 1930 г.), четырехтысячная забастовка рабочих текстильного комбината в Намдине (март 1930 г.), забастовка рабочих спичечной фабрики и лесопильного завода в Бентхюи (апрель 1930 г.). После празднования 1 Мая отмечается новый, более мощный подъем антиимпериалистического и антифеодального движения как на промышленных предприятиях в городах (Ханой, Хайфон, Намдинь, Хонгай, Камфа, Винь, Бентхюи, Сайгон — Тёлон), так и в сельских районах провинций Тхайбинь, Ханам (Тонкин); Нгеан, Хатинь, Куангнгай (Аннам); Зядинь, Тёлон, Виньлонг, Садек, Бенче, Лонгсуен, Кантхо, Чавинь, Тхузаумот, Митхо (Кохинхина). По всей стране прокатились стачки рабочих, политические манифестации, митинги и вооруженные столкновения рабочих и крестьян с колониальными властями, забастовки учащихся и мелких торговцев, вылившиеся в широкое народное антиимпериалистическое и антифеодальное движение, кульминационным пунктом которого явилось создание Советов в провинциях Нгеан и Хатинь.

Для того чтобы яснее представить себе размах революционного движения во Вьетнаме в 1930 г., необходимо указать, что если с апреля 1929 по май 1930 г. было официально зарегистрировано 38 забастовок [101, 159] и ряд незначительных крестьянских выступлений [7], то в 1930 г. было официально зафиксировано 98 забастовок рабочих и 400 крупных крестьянских выступлений, а в 1931 г., когда движение пошло на убыль, имели место 31 забастовка рабочих и 135 крестьянских выступлений [82, 36]. Несмотря на отсутствие точных статистических данных о количестве рабочих и крестьянских выступлений, совершенно очевидно, что их число

---

[7] До 1930 г. рабочее движение было гораздо сильнее, чем крестьянское; последнее, как правило, носило местный характер.

значительно превосходило приведенные нами данные. Известно, что многочисленные мелкие забастовки и выступления не регистрировались администрацией.

Рабочее движение 1930 г. характеризовалось более высокой степенью сознательности и организованности, большей решительностью и смелостью по сравнению с движением прошлых лет. Оно носило активный боевой характер, причем в ряде мест оно переросло в вооруженную борьбу, как, например, стачки рабочих Бентхюи, железнодорожных рабочих Виня, выступления крестьян уезда Намдан (провинция Нгеан). Некоторые забастовки продолжались месяцами; к их числу относятся забастовки кули на плантациях в Фурьенге и Заутиенге и стачка текстильщиков Намдиня. Действительно, если забастовка кули Фурьенга в 1927 г. длилась всего несколько дней, то в 1930 г. она продолжалась несколько месяцев; будучи стихийной в 1927 г., эта забастовка в 1930 г. была уже хорошо организована и проходила под руководством коммунистов. С апреля по июль 1930 г. непрерывно происходили забастовки рабочих в Бентхюи, которые продолжались до 20 и даже до 40 дней [93, 100].

Забастовки рабочих и крестьянские выступления 1930 г. отличались и тем, что в большинстве случаев они носили ярко выраженный политический характер. Из 98 стачек 1930 г. 63 переросли в политические выступления; из 400 крестьянских выступлений 310 носили политический характер [79, 29]. Так, выступления рабочих текстильной фабрики Намдиня, рабочих спичечной фабрики Бентхюи, кули Фурьенга на первых порах имели экономический характер, но по мере своего развития они все более приобретали политическую направленность. Участники забастовочного движения все чаще протестовали против белого террора империалистов и феодалов, выступали в поддержку СССР. Будучи бесправными во всех сферах общественно-политической жизни, рабочие требовали свободы собраний, организаций, забастовок, манифестаций. Таким образом, забастовочное движение в колониальном Вьетнаме, как и во многих других колониальных и зависимых странах, на первых порах развивалось под экономическими лозунгами и лишь постепенно перерастало в политическую борьбу. При этом следует иметь в виду, что всякая за-

бастовка в условиях колониального режима в определенном смысле имеет политическое значение, особенно если она возглавляется Коммунистической партией. Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан отмечал по этому поводу: «Прежде, при колониальном господстве капиталистов, всякая борьба рабочего класса, даже если при этом выдвигались лишь экономические требования, часто превращалась в политическую борьбу, ибо колониальный режим всегда жестоко подавлял всякие попытки проведения любых реформ» [43, 53].

Руководя рабочим движением, компартия вела борьбу за внесение в него социалистического сознания. Лозунги бастующих в 1930 г. содержали как экономические, так и политические требования. Бастующие рабочие железнодорожного депо Зиана, например, еще в апреле 1930 г. обратились к рабочим, крестьянам и солдатам с призывом объединиться с пролетариатом всего мира в общей борьбе против империализма и феодализма [93, 104]. В период майских забастовок рабочие спичечной фабрики Бентхюи систематически выдвигали наряду с экономическими также и политические требования, настаивая на возмещении убытков семьям пострадавших в дни Иенбайского восстания и выступая за независимость страны.

Благодаря пропаганде коммунистов рабочие стали лучше понимать свои классовые интересы, глубже осознавать необходимость упорной борьбы с империализмом и феодализмом для своего освобождения от эксплуатации и завоевания национальной независимости. Даже тайная колониальная полиция была вынуждена признать, что коммунисты добились больших успехов в работе с массами. Об этом, в частности, свидетельствовал в своей работе «Коммунистическая партия Индокитая» комиссар полиции Бийе. «К чести Коммунистической партии, — писал Бийе, — ее тактика успешно проводилась в жизнь. Манифестации следовали одна за другой, они происходили повсеместно и отличались своей организованностью и массовостью. В течение трех месяцев революционное движение расширилось настолько, что охватило всю Кохинхину, достигло Тонкина и сильно давало о себе знать в Северном Аннаме» [100, 19, 26].

Как уже говорилось, рабочее движение 1930 г. от-

личалось своей организованностью. До середины 1929 г. оно, как правило, было стихийным. Члены первых политических организаций Вьетнама, таких, как «Вьетнам тхань ниен кать манг донг ти хой» и частично «Тан Вьет кать мень данг», воспринявшие марксистско-ленинскую идеологию, начали агитацию среди рабочих в 1926—1928 гг. В результате этого с 1929 г. стихийное рабочее движение постепенно уступает место организованному. С этого же времени рабочее движение стало носить независимый характер. Но окончательно оно проявило себя как организованное движение в масштабе всей страны лишь после объединения 3 февраля 1930 г. трех коммунистических организаций в единую марксистскую партию нового типа.

После создания компартии организованность рабочего движения нашла свое проявление почти во всех основных забастовках, которые происходили под руководством коммунистов (забастовка кули в Фурьенге под руководством коммунистической ячейки, забастовка текстильщиков Намдиня под руководством Тонкинского комитета компартии, забастовка рабочих Бентхюи под руководством Аннамского комитета, забастовка рабочих судоремонтного завода в Нябе и железнодорожного депо Зиан и Биньтай под руководством Сайгонского горкома партии и др.). Конечно, это отнюдь не означает того, что в стране в это время не было стихийных выступлений рабочих. В данном случае мы говорим только о крупных забастовках, которые, как правило, происходили организованно и под руководством коммунистов. Организованность забастовок проявилась и в том, что профсоюзные организации на промышленных предприятиях явились непосредственными организаторами таких забастовок. Именно профсоюзы создавали забастовочные комитеты, или комитеты борьбы, отстаивали права бастующих, создавали вооруженные отряды самозащиты, занимались сбором средств для оказания материальной помощи бастующим рабочим и их семьям. Все эти организации с полным основанием могут рассматриваться как органы мобилизации масс на борьбу, ибо на данном этапе они выполняли функции органов борьбы и восстания. Это дает право утверждать, что рабочее движение в 1930 г. уже вступило в более организованную стадию и находилось на более высоком

6 Зак. 254

уровне своего развития, нежели в годы, предшествовавшие образованию Коммунистической партии.

Все вышесказанное дает основание характеризовать период с мая по август 1930 г. как начало подъема и дальнейшего роста революционного движения. С сентября борьба вьетнамских трудящихся вступила в новый период своего развития, характеризовавшийся образованием во многих сельских общинах (са) провинций Нгеан и Хатинь органов народной власти — Советов, что послужило кульминационной точкой подъема антиимпериалистического и антифеодального движения.

Глава III

ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТОВ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИЯХ НГЕАН И ХАТИНЬ

Сентябрьские выступления трудящихся и образование Советов в сельских общинах

Усилившись в конце августа 1930 г., революционное движение во Вьетнаме в начале сентября вступило в новый этап своего развития, характерными чертами которого были переход к вооруженным методам борьбы и образование Советов. Центром революционного движения по-прежнему были провинции Нгеан и Хатинь, где в это время особенно возросло влияние коммунистов. В материалах французской колониальной охранки, озаглавленных «Антифранцузские ассоциации и коммунистическая пропаганда в Индокитае», за август и первую половину сентября 1930 г. отмечается, что «причиной роста в провинциях Нгеан и Хатинь числа симпатизирующих компартии следует считать то, что этот район имеет давние революционные традиции, что это место является колыбелью таких известных революционеров, как Фан Бой Тяу, Нгуен Ай Куок, Хонг Сон, Хо Тунг Мау, Ле Хонг Фонг и др. Более того, земельный голод и рельеф местности тоже представляют собой благоприятное поле деятельности для революционеров, находящих в окрестных лесах надежное убежище» [49, 14]. Разумеется, колониальные власти умалчивали о главной причине подъема революционного движения — тяжелом положении, в котором находились рабочие и крестьяне этих провинций.

1 сентября 20 тыс. крестьян уезда Тханьтыонг организовали манифестацию в поддержку своих требований об отмене или сокращении налогов, освобождении политических заключенных и т. д. Под удары барабанов

колонна манифестантов под красными флагами направилась к уездному центру. Когда манифестанты подошли к реке Ка и стали переправляться на другой берег, где находился уездный центр, главный куан и командующий вооруженными силами уезда отдали приказ открыть огонь. Несмотря на жертвы, крестьяне форсировали реку и вошли в уездный центр, где открыли двери тюрьмы и выпустили на свободу политических заключенных, сожгли административные здания и архив [135, 10. IX.1930]. Затем они направились к военному посту в Тханькуа, начальник которого бежал. А многие солдаты-вьетнамцы перешли на сторону крестьян.

На следующий день состоялись похороны погибших. Манифестанты сожгли дома начальников са Волиет и Битьхао и конфисковали печати всех деревенских старост. Вся власть в сельских общинах уезда Тханьтыонг перешла таким образом в руки революционных сил. В са Волиет этого уезда был организован крестьянский Совет — первый Совет в Индокитае.

2 сентября 500 рабочих спичечной фабрики Бентхюи вновь объявили забастовку. Рабочие потребовали повышения зарплаты, сокращения рабочего дня, раздачи рабочим мыла, строительства душевых, установки в цехах вентиляторов и др. [86, 40]. Забастовка продолжалась 10 дней. Коммунисты, которые уже не раз обращались к народу с призывом оказать поддержку забастовкам рабочих, выступили и сейчас. В обращении ЦК компартии к рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, солдатам, эксплуатируемым и угнетенным народам Индокитая говорилось:

«Братья и сестры из Бентхюи более четырех месяцев борются с капиталистами. Рабочие Бентхюи защищают свои жизненные интересы. Капиталисты увольняют рабочих, а те, которые остаются, подвергаются эксплуатации и издевательствам. Рабочие вынуждены вести борьбу против такого отношения. Империалисты, куаны и капиталисты образуют блок против рабочих, которых арестовывают и бросают в тюрьмы, увольняют с работы. Компартия призывает организовывать митинги протеста, оказывать сопротивление террору и бесправию, стремиться не допускать штрейкбрехерства» [1].

[1] Точную дату воззвания ЦК КПИК нам не удалось установить. По-видимому, оно относится к сентябрю 1930 г.

4 сентября в борьбу вступили 20 тыс. крестьян уезда Аньшон, организовавшие манифестацию в поддержку выступления крестьян уезда Тханьтыонг. Колонна манифестантов под лозунгами «Отменить подушный налог», «Перераспределить общинные земли», «Освободить политзаключенных», «Поддержать борьбу рабочих Виня и Бентхюи» направилась к центру уезда Аньшон. По дороге мирная демонстрация подверглась нападению самолетов колониальной авиации. По сообщению вьетнамской газеты «Тхань нге тинь тан ван», в районе Долыонга 7 сентября самолеты сбросили на манифестантов 16 бомб и обстреляли их из пулеметов, в результате чего 15 человек были убиты и многие ранены [93, 119].

5 сентября в уезде Зиентяу была организована манифестация, в которой приняли участие 10 тыс. человек. Манифестанты потребовали конфискации земель крупных помещиков и раздела их между безземельными крестьянами, выступили в поддержку требований рабочих об установлении восьмичасового рабочего дня. В местечке Иенли демонстранты были остановлены войсками и уездными чиновниками. По демонстрантам был открыт огонь, несколько человек было убито и ранено.

7 сентября в Канлоке (провинция Хатинь) 3 тыс. манифестантов вывели из строя дороги, разгромили административное здание уездного центра Канлок, сожгли документы и освободили политзаключенных [126, 51]. На следующий день в Канлоке состоялся митинг, после которого участвовавшие в нем 800 человек направились к центру провинции Хатинь, где были разогнаны полицией [135, 11.X.1930]. В тот же день около 1 тыс. крестьян напали на военный пост Долыонг. Здесь завязалась ожесточенная борьба, и только при помощи авиации колониальным властям удалось разогнать крестьян [50, 17].

9 сентября в провинции Хатинь произошло несколько столкновений революционных сил с колониальными властями. Группа манифестантов численностью в 300 человек напала на резиденцию начальника уезда Камсуен, в то время как другая группа направилась к центру уезда Киань. Манифестанты разрушили и подожгли канцелярию главы уезда, винную лавку и несколько домов колониальных чиновников [50, 18].

10 сентября в уезде Нгилок к выступлению крестьян

присоединились рыбаки деревень Дангса, Танхоп, Шонглок, Фыонгкыонг, Коданг, Кобай, Фуклой, а также местные католики из Чангкань и Чакво. Демонстранты скандировали лозунги: «Ликвидировать подушный налог», «Улучшить положение рыбаков», «Отменить телесные наказания». В Шонглоке, где манифестанты встретились, они разбили склады, сожгли отделение Индокитайского банка, вывели из строя портовое освещение и заставили начальника порта принять свои требования [85, 29].

Необходимо заметить, что во всех указанных выше выступлениях активную роль играли женщины. 8 сентября была даже организована специальная женская демонстрация на окраине провинциального центра Хатинь [108, 24].

Многочисленные выступления рабочих и крестьян, происходившие в начале сентября 1930 г. в провинциях Нгеан и Хатинь (уезды Киань, Камсуен, Канлок, Тханьтыонг, Аньшон, Намдан и др.), к сожалению, не поддаются подсчету из-за отсутствия точных данных. Но уже тот факт, что сообщения о революционных выступлениях не сходили со страниц колониальной прессы, свидетельствует о широких масштабах революционной борьбы.

Надо сказать, что реакционная пресса, напуганная размахом революционного движения, выступала с открытым призывом расправиться с народными массами. «Положение с каждым днем становится все тревожнее, — писала в сентябре 1930 г. газета „Опиньон“, — и отсюда вывод: „бить надо, бить!“ Их было 8 тыс. вчера, их будет 20 тыс. завтра, если мы не покажем, что умеем быть безжалостными» [110, 1931, № 15, 16].

Кульминационным пунктом крестьянского движения стали события в Хынгнгуене (провинция Нгеан) 12 сентября 1930 г. Свыше 20 тыс. крестьян уезда Хынгнгуен и присоединившиеся к ним крестьяне уезда Намдан приняли решение выступить в знак солидарности с выступлениями крестьян других уездов и забастовками рабочих городов Винь и Бентхюи, а также в знак протеста против политики террора, проводимой колониальными властями.

Колонна демонстрантов, растянувшаяся более чем на километр, направилась к провинциальному центру —

г. Виню. Демонстранты, собиравшиеся вручить главе провинции свои требования, имели свой организационный комитет во главе с коммунистом Шыу (революционный псевдоним Донг) — членом провинциального партийного комитета. Во главе колонны несли красное знамя, по бокам колонны шли охранявшие ее отряды самозащиты. По дороге манифестанты останавливались у деревень Тхонгланг, Хоангкан и Тхайлао, разъясняли крестьянам свои требования и предлагали присоединиться к колонне. Крестьяне большими группами присоединялись к демонстрантам, колонна становилась все длиннее и вскоре растянулась более чем на 4 *км*, а численность манифестантов достигла 30 тыс. [108, 25].

Еще в начале выступления, когда демонстрация находилась у железнодорожной станции Иенсуан, начальник станции направил в Винь резиденту провинции Нгеан депешу с просьбой срочно выслать войска. По дороге к Виню демонстранты встретились с колониальными войсками, прибывшими по железной дороге. Солдаты пытались разогнать демонстрантов, однако это не удалось. Тогда на помощь войскам была вызвана авиация. 12 сентября 1930 г. в 12 часов дня около деревни Тхайлао 5 самолетов подвергли демонстрантов бомбардировке и пулеметному обстрелу. Кроме авиации колонизаторы перебросили в этот район на автомашинах части Иностранного легиона и другие подразделения колониальных войск. Силой оружия властям удалось разогнать многотысячную демонстрацию, причем 174 демонстранта погибли и несколько сот были ранены [86, 46].

На следующий день, когда крестьяне деревень Тхонгланг и Тхайлао собрались на похороны убитых, самолеты колониальной авиации вновь совершили налет на крестьян, в результате которого было убито 43 человека. Всего за 12 и 13 сентября было убито 217 участников крестьянских выступлений [2].

Похороны погибших, на которые собралось свыше 20 тыс. человек, прошли под лозунгами «Пожертвовать жизнью ради достижения свободы!», «Бессмертен дух 12 сентября!». Газета «Нгеан до» выпустила несколько

---

[2] По некоторым данным, в Хынгнгуене погиб 171 человек, в Тханьтыонге 1 сентября было убито 103 человека, а всего в семи манифестациях начала сентября было убито 393 человека. Многие деревни были полностью уничтожены [85, 32].

Памятник жертвам бомбардировки 12 сентября 1930 г. Деревня Тхайлао

специальных номеров в связи с расправой, учиненной колонизаторами над участниками массовой демонстрации в Хынгнгуене 12 сентября [92, 65]. Коммунисты организовали посещение семей погибших, вели разъяснительную работу и оказывали помощь семьям погибших и раненым крестьянам. 12 сентября вошло в историю национально-освободительного движения вьетнамского народа как день памяти жертв, павших за свободу и независимость Родины. С этого времени день 12 сентября ежегодно отмечается во Вьетнаме как дата начала движения за создание Советов в провинциях Нгеан и Хатинь.

Хотя описанные выше политические выступления трудящихся провинций Нгеан и Хатинь еще не переросли в вооруженную борьбу, они уже не были полностью мирными. Демонстрации часто охранялись отрядами самозащиты, которым в ряде случаев, в зависи-

мости от конкретных условий, приходилось применять оружие. Это оружие, впрочем, было весьма примитивным: бамбуковые колья, ножи, кинжалы и т. п. Отряды самозащиты охраняли манифестантов во время шествия, предупреждали о нападении колониальных войск. При вступлении манифестантов в уездные центры вооруженный отряд выводил из строя телефонную связь, дорогу и уничтожал военные посты. Манифестанты разрушали тюрьмы, освобождали политических заключенных, жгли документы и архивы. Временами манифестанты сжигали уездные административные учреждения, дома начальников уездов и куанов. В некоторых уездах были уничтожены здания французских компаний по продаже спиртных напитков и опиума.

После событий 12 сентября революционное движение в Нге-Тине усилилось и начало перерастать в вооруженную борьбу за свержение власти колонизаторов и феодалов.

13 сентября крестьяне перерезали телефонные линии и напали на уездную администрацию в Намдане (провинция Нгеан) и Хыонгшоне (провинция Хатинь). В Хыонгшоне была также перерезана железная дорога и разрушено здание французской концессии «Ферре». 16 сентября прошла манифестация в Дыктхо (провинция Хатинь) [50, 17]. В тот же день несколько тысяч крестьян Тхыонгса (уезд Нгилок), собравшись в местечке Ванлок, направились к дому чиновника До Тоана, чтобы потребовать у него отмены чрезмерно высокого рыночного налога. 19 сентября 300 манифестантов прошли по уезду Хыонгшон (провинция Хатинь), сжигая дома крупных куанов и перерезая линии связи. Лишь при помощи авиации властям удалось разогнать демонстрантов. В ходе столкновений имелись жертвы. 22 сентября 2 тыс. крестьян Хыонгшона напали на военный пост, перерезали линию телефонной связи и разгромили административное здание уездного центра [142, 24.IX.1930].

23 сентября в провинции Хатинь произошло столкновение между 2 тыс. демонстрантов и полицией, которая уничтожила большое число домов в деревне Хуенлонг. 28 сентября 10 тыс. крестьян уезда Намдан собрались на митинг, который затем вылился в демонстрацию. К последней присоединились многие крестьяне окрест-

ных сел. Демонстранты разрушали дороги и мосты, связывавшие уезд с Винем. Колонизаторы направили на подавление манифестации войска, во время столкновения с которыми было убито 22 и ранено 17 человек [86, 45].

В сельских районах революционное движение приобрело большой размах и охватило различные слои населения. Так, 2 тыс. крестьян Нгокшона (уезд Тханьтыонг) собрались в местечке Золанг, заявили начальнику военного поста Нгокшон протест против жестокого обращения и в знак солидарности с рабочими Бентхюи и Виня выдвинули свои требования. Несколько тысяч крестьян Иенфука (уезд Аньшон) приняли участие в борьбе за справедливое распределение общинных земель между безземельными крестьянами. Во время демонстраций и митингов произошли столкновения с колониальными войсками, в ходе которых имелись жертвы. Манифестации протеста прошли в Фулыонге, Иенсуане, Винькуете, Дайдонге, Бикхао, Куангса, Катнгане,Волиете, Тхыонгса, Фудиене, Куасоте. В конце сентября во многих уездах (Хынгнгуен, Тханьтыонг, Намдан и др.) и в городах Винь и Бентхюи [135, 27.IX.1930] борьба крестьян с колониальными властями вылилась в крупные вооруженные столкновения, во время которых имелось много жертв с обеих сторон.

Всего с 30 августа по конец сентября в 10 уездах провинций Нгеан и Хатинь произошли 34 манифестации, причем 16 из этих манифестаций имели вооруженный характер [63, 11].

Помимо рабочих и крестьян в борьбу против колониальных властей и местных реакционеров активно включились учащиеся. В сентябре учащиеся Виньской средней школы «Куок Хок Винь» совместно с учащимися местной школы первой ступени создали Красный союз учащихся (Синь хой до). Инициаторами создания союза были коммунисты. Члены Красного союза учащихся занимались распространением политических листовок, издавали газету «Сить синь» («Красные учащиеся»), призывавшую к борьбе против империалистов в поддержку рабочих и крестьян.

30 сентября 1930 г. в знак солидарности с борьбой рабочих и крестьян провинции Нгеан учащиеся той же средней школы прекратили учебу, протестуя против ко-

лониальной системы обучения. Большое влияние на учащихся оказала жестокая расправа колонизаторов над мирной манифестацией в уезде Хынгнгуен. Полиция начала аресты учащихся, школа была закрыта, а ее здание было превращено в казарму солдат Иностранного легиона.

Колониальные власти в рассматриваемый период уже не могли остановить революционное движение рабочих и крестьян, вылившееся в ряде мест в народное восстание. Рабочие, крестьяне и учащиеся захватывали уездные центры, сжигали архивы и государственные здания, выводили из строя почту и телеграф. Во многих местах устанавливалась народная власть.

После кровавых событий 12 сентября в Хынгнгуене Нгеанский комитет компартии призвал рабочих, крестьян и служащих организовать повсеместный отпор террору. Во многих уездах состоялись митинги и собрания, на которых трудящиеся выражали протест и негодование по поводу зверств в Хынгнгуене. Народ поднимался на борьбу против колониальных властей и местных реакционеров. Уездные куаны, старосты и нотабли сельских общин бежали, оставляя целые уезды без руководства. Создалась благоприятная обстановка для установления революционной власти на местах. Формой этой власти стали Советы.

Первые вьетнамские Советы возникли стихийно в период подъема антиимпериалистического и антифеодального движения и стали центром революционной борьбы, вокруг которого сплачивались все прогрессивные силы страны.

Известно, что Советы, возникшие впервые в России как форма мобилизации масс на вооруженное восстание и как зачаточная организация новой революционной власти, не были чисто русским явлением, а имели интернациональный характер. «Февральская и Октябрьская революции 1917 года, — писал В. И. Ленин, — довели Советы до всестороннего развития в национальном масштабе, затем до их победы в пролетарском, социалистическом перевороте. И менее чем через два года обнаружился интернациональный характер Советов, распространение этой формы борьбы и организации на всемирное рабочее движение, историческое призвание Советов быть могильщиком, наследником, преемни-

ком буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще» [32, 75].

Особенно большую роль Советы могли сыграть в колониальных и зависимых странах, которые, используя советскую форму власти и опираясь на поддержку пролетариата передовых стран, получали возможность перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Опыт советского Востока служил в этом вопросе примером для других восточных стран. Известно, что в среднеазиатских советских республиках почти не было промышленного пролетариата, там господствовали еще докапиталистические отношения и поэтому там не могло «быть и речи о чисто пролетарском движении» [33, 244]. Русский рабочий класс взял на себя роль руководителя в этих республиках, преодолев все трудности, на практике доказал, что можно пробудить в массах стремление к самостоятельной политической деятельности и там, где почти нет пролетариата. В связи с этим В. И. Ленин указывал, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. «Идея советской организации, — писал В. И. Ленин, — проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям» [33, 244—245].

Опыт трех русских революций, в ходе которых создавались Советы, опыт строительства Советской власти после Великого Октября и решения Коминтерна по национальному и колониальному вопросам стали достоянием сотен миллионов угнетенных масс народов Востока, которые пробудились к активной политической жизни. В. И. Ленин отмечал в докладе на II конгрессе Коминтерна, что «понимание роли и значения Советов распространилось теперь и на страны Востока. Начало советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов» [33, 234].

Дебаты в комиссии на II конгрессе Коммунистического Интернационала, в которых принимали участие несколько представителей колониальных стран, показали, как отмечал в своем выступлении на заседании конгресса В. И. Ленин, что «в тезисах Коммунистического Интернационала необходимо указать на то, что крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, явля-

ются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями, и что безусловным долгом коммунистических партий и тех элементов, которые готовы создать коммунистические партии, является пропаганда идеи крестьянских Советов, Советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях; и там, где только позволяют условия, они должны немедленно же делать попытки к созданию Советов трудящегося народа» [33, 245].

В. И. Ленин тесно связывал борьбу всех угнетенных империализмом народов за свою независимость с борьбой пролетариев в каждой стране против своей буржуазии и международного империализма. «Гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах, — отмечал В. И. Ленин в докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 г.,— начинает соединяться с национальной войной против международного империализма... То же будет и на Востоке» [30, 327]. «Народы Востока, — продолжал В. И. Ленин, — просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества» [30, 328]. В связи с этим В. И. Ленин поставил перед коммунистами Востока задачу: «Вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма... Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но

она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока» [30, 328—329].

Вождь международного пролетариата призывал к созданию во всех колониях и отсталых странах революционных кадров и партийных организаций для создания Советов с учетом местных условий. Задача этих Советов заключалась в том, чтобы пробудить революционную активность масс, независимо от их уровня, распространить среди них коммунистическое учение на понятном для них языке и слить их борьбу с борьбой международного пролетариата против империализма.

В выступлениях В. И. Ленина на II конгрессе Коммунистического Интернационала подчеркивалось, что всем трудящимся массам, и особенно наиболее отдаленным народам Востока, близка идея Советов и что «эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя и что работа коммунистической партии в этом направлении должна начаться немедленно во всем мире» [33, 246].

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и постановлениями Коминтерна, вьетнамские коммунисты придавали большое значение созданию Советов как органа революционной власти восставшего народа. Это нашло отражение в программных документах компартии. В политических тезисах КПИК, принятых на первом пленуме ЦК КПИК в октябре 1930 г., говорилось: «Только при наличии Советов рабочих и крестьян будет существовать очень мощное орудие свержения империализма, феодализма и предоставления земли тем, кто ее обрабатывает, предоставления пролетариату законодательства, гарантирующего его права» [64, 80].

Характерной чертой революционного движения во Вьетнаме, руководимого компартией, было стремление использовать пример победоносной Октябрьской революции. Компартия воспитывала массы в духе любви к

СССР — первой стране победившего социализма, призывала следовать по пути, открытому Великим Октябрем. Орган компартии газета «Чань дау» писала по этому поводу следующее: «Сейчас во всем мире только Октябрьская революция победила... Советская Россия всемерно помогает рабочим и крестьянам всего мира, как и угнетенным народам колоний, чтобы они совершили революцию, свергли мировую буржуазию и мировой империализм. Вы должны знать, что нужно следовать примеру русских братьев и сестер, чтобы совершить революцию и стать хозяевами своей страны так же, как русские рабочие и крестьяне являются хозяевами Советской России» [160, 1.XI.1930].

Таким образом, создание первых Советов во Вьетнаме явилось закономерным итогом развития классовой борьбы рабочих и крестьян и результатом влияния таких событий международного революционного движения за Советскую власть, как борьба за Советы в России, провозглашение Советской власти в Венгрии и Германии и т. д. Большое революционизирующее влияние на подъем антиимпериалистического и антифеодального движения и создание Советов во Вьетнаме в 1930—1931 гг. оказали также события в Китае: революция 1925—1928 гг., Кантонская коммуна и Советы, возникшие в 1928—1930 гг. во многих провинциях Китая: Гуандуне, Цзянси, Гуанси, Хунани, Хубэе, Хэнани, Сычуани, Аньхуне и др.

Ранее уже говорилось о том, что первый вьетнамский Совет образовался в начале сентября в са Волиет уезда Тханьтыонг провинции Нгеан [108, 26]. После событий 12 сентября Советы были установлены и во многих других сельских общинах. Волостное начальство, деревенские старосты, представлявшие местную администрацию, в страхе перед революционным движением масс либо бежали, либо сдали все документы представителям народной власти. В результате старая администрация на селе почти полностью перестала существовать. В такой обстановке исполком компартии Чунгки принял решение о руководстве революционным движением, призвав партийные организации возглавить движение по захвату власти и созданию нового управления в сельских общинах. На основании указания комитета Чунгки Нгеанский провинциальный комитет КПИК ра-

зослал всем уездным и сельским партийным организациям следующие директивы:

1. Возложить ответственность по захвату власти на крестьянские Союзы под руководством коммунистических ячеек. Создавать в са вооруженные группы самозащиты.

2. Ликвидировать все налоги, установленные колонизаторами и местными феодалами (подушный, рыночный, на соль, на речную переправу и др.).

3. Конфисковать общинные земли, в свое время незаконно захваченные у крестьян реакционными старостами и нотаблями, и справедливо разделить их между крестьянами. Уменьшить арендную плату за землю и приостановить оплату долгов.

4. Отобрать у реакционных нотаблей и старост имущество, ранее принадлежавшее сельской общине и незаконно ими присвоенное.

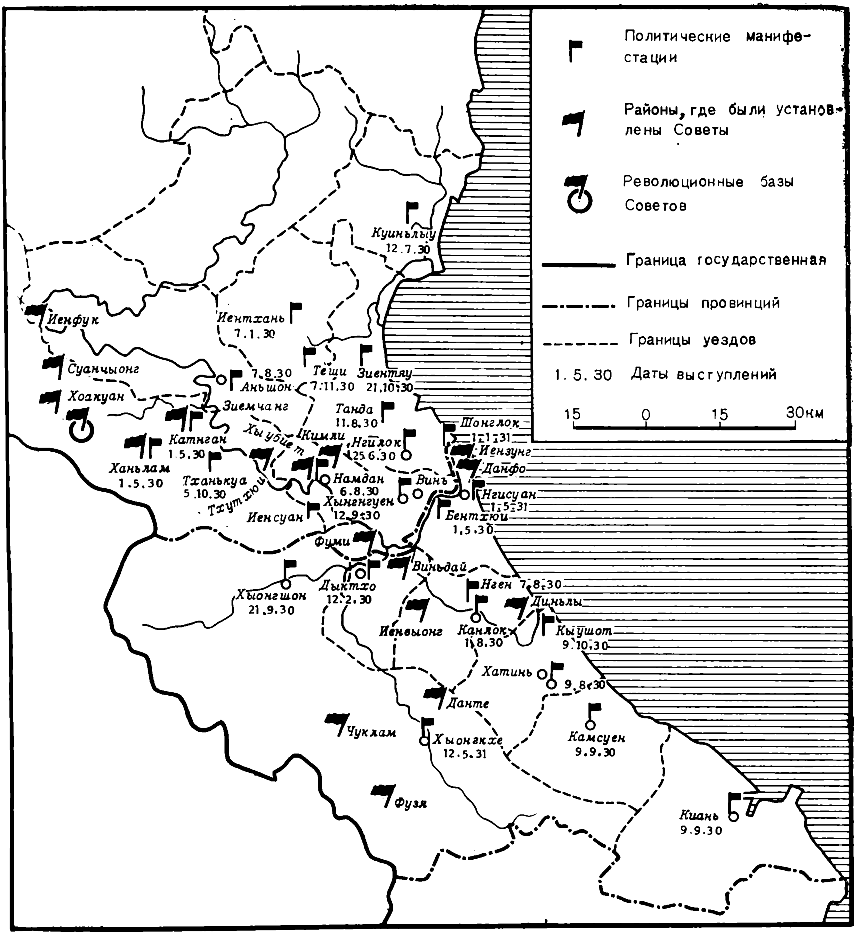
5. Отобрать рис у богатых и раздать его голодающим крестьянам.

6. Открыть бесплатные школы по обучению родному языку.

7. Вести борьбу против старых, реакционных и отживших предрассудков, обычаев и обрядов [85, 34]. Это фактически была революционная программа-минимум, которую Советы должны были провести в жизнь.

Партийный комитет провинции Нгеан мобилизовал активных рабочих — членов КПИК и направил их в села, где была установлена народная власть. В частности, Ле Вьет Тхуат — член провинциального комитета Нгеана — был направлен в уезд Тханьтыонг, где в са Волиет был создан первый Совет по руководству революционным движением.

После событий 12 сентября революционное движение в провинции Нгеан, которое до этого протекало преимущественно в форме мирных манифестаций, митингов, демонстраций или рабочих забастовок, переросло в вооруженную борьбу за свержение власти колонизаторов и феодалов. Исполнительные комитеты волостных крестьянских союзов, работавшие под руководством партийных ячеек, превратились в органы самоуправления и стали решать различные хозяйственные, политические, культурные, социальные и прочие вопросы. Они же взяли на себя функцию поддержания порядка на селе. Та-

Революционное движение в провинциях Нгеан и Хатинь в 1930—1931 гг.

ким образом, волостные крестьянские комитеты, по существу, превратились в народные органы революционной власти по типу Советов.

Советы были установлены во многих са уездов Тханьтыонг, Намдан, Хынгнгуен, Нгилок, Аньшон, Хыонгмон (провинция Нгеан), Канлок, Тхатьха, Дыктхо, Хыонгкхе, Хыонгшон, Камсуен (провинция Хатинь) (см. карту «Революционное движение в провинциях Нгеан и Хатинь в 1930—1931 гг.»).

В провинции Нгеан Советы были установлены в са Иенфук, Катнган, Хоакуан, Волиет, Куангха, Суанчыонг, Суанзыонг, Тханьтхуи, Кимлиен, Хыулиет, Тхайлао, Донгты, Дыктхинь, Шонглок, Данфо, Иензыонг, Фукти и др.; в провинции Хатинь — в са Хыонгшон, Дыкиен, Виньдай, Тхайиен, Диньли, Баса, Лайтхать, Тиенлои, Фувиет, Данте, Донгло, Фукам, Фуза, Фуфонг и др. Всего в двух провинциях Советы были установлены в 116 са. В провинции Нгеан они были созданы в 74 са, в том числе в уезде Намдан в 31 са, в Тханьтыонге в 10 са, в Аньшоне в 10 са. В провинции Хатинь Советы были установлены в 42 са: в Канлоке — 18, в Тхатьха — 1, в Дыктхо — 13, в Хыонгкхе — 8, в Хыонгшоне — 1, в Камсуене — 1. Помимо этого революционным движением были охвачены еще 57 са, в которых Советы не были установлены, в том числе 13 в провинции Нгеан и 44 в провинции Хатинь [120, 6].

Приведенные в таблицах 1 и 2 цифровые данные свидетельствуют, что всего в 1930—1931 гг. в Нгеане было 1337 выступлений рабочих и крестьян, а в Хатине — 76. Общее число выступлений составило 1413, из них только в 460 (число выступлений, в которых известно количество участников) участвовали 337 120 человек. Следует отметить, что в Хатине в действительности было не 76, а 378 выступлений, однако в статистике сравнительно мелкие выступления не были учтены [126,, 54].

После того как ЦК компартии стало известно о массовом стихийном возникновении Советов, он с особым вниманием отнесся к событиям в Нге-Тине и выработал по этому вопросу соответствующие директивы. В сентябре 1930 г. ЦК обратился со специальным письмом к исполкому Чунгки, в котором отмечалось следующее:

Таблица 1

*Выступления трудящихся Нге-Тиня в 1930 г.**

	Число выступлений				Число выступлений, в которых известно количество участников	Число участников	Охват уездов, волостей и деревень		
	Нгеан	Хатинь	Всего в Нге-Тине	В том числе рабочих выступлений			Уезды	Волости	Деревни
Январь	4	—	4	—	—	...	—	—	4
Февраль	1	—	1	—	—	...	—	—	1
Март	5	—	5	4	3	170	—	—	5
Апрель	18	—	18	7	3	900	—	2	16
Май	20	—	20	4	9	5 720	3	2	15
Июнь	25	—	25	4	12	19 780	6	3	16
Июль	21	—	21	5	5	1 800	—	1	20
Август	28	3	31	6	18	11 580	4	4	23
Сентябрь	146	14	160	9	82	124 250	13	26	121
Октябрь	146	2	148	1	42	22 740	—	18	130
Ноябрь	84	5	89	—	40	16 495	2	5	82
Декабрь	94	6	100	3	38	34 837	2	10	88
Итого	592	30	622	43	252	238 272			

* [126, 54].

Таблица 2

Выступления рабочих и крестьян Нге-Тиня в 1931 г.*

	Число выступлений				Число выступлений, в которых известно количество участников	Число участников	Охват уездов, волостей и деревень		
	Нгеан	Хатинь	Всего в Нге-Тине	В том числе рабочих выступлений			Уезды	Волости	Деревни
Январь	78	8	86	2	22	9 090	—	6	80
Февраль	119	1	120	1	18	13 500	2	6	112
Март	115	3	118	1	22	7 985	—	8	110
Апрель	197	11	208	2	55	32 490	—	9	199
Май	129	10	139	—	36	22 015	1	9	129
Июнь	44	5	49	1	17	8 150	—	3	46
Июль	30	5	35	—	12	1 468	—	1	34
Август	20	2	22	—	15	1 150	—	—	22
Сентябрь	4	—	4	1	—	...	—	—	4
Октябрь	5	1	6	—	11	3 000	—	—	6
Ноябрь	4	—	4	—	—	...	—	—	4
Итого	745	46	791	8	208	98 848			

* [126, 54].

«В настоящее время в Тханьтыонге и Намдане исполком выступил за вооруженное восстание (создание Советов, распределение земли и т. д.). Данное решение не совсем правильно учитывает обстановку, ибо степень подготовки партии и народных масс в стране еще не высокая, еще не совершилось вооруженное восстание, разрозненные вооруженные выступления произошли весьма преждевременно и в ряде местностей носили путчистский характер. *Но поскольку дела обстоят именно так* (курсив мой. — *С. М.*), сейчас необходимо принять некоторые меры, чтобы сохранить влияние партии и Советов в народных массах, с тем чтобы в случае поражения значение Советов глубоко вошло в сознание масс и членов партии и чтобы были сохранены крестьянские союзы» [63, 52].

Далее в письме говорилось о необходимости разъяснительной работы там, где Советы были созданы для того, чтобы бедняки, батраки и середняки поддержали их как свою власть. В письме также указывалось на необходимость сохранения партийного руководства крестьянскими союзами в целях укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Однако, отмечалось в письме, «все дела в деревне должны осуществляться от имени Советов, а не от имени партии или Крестьянского союза» [63, 52].

ЦК компартии предупредил исполком Чунгки о том, что при наступлении противника не следует оказывать открытого вооруженного сопротивления, Советы надлежит временно распустить, с тем чтобы с уходом вражеских сил вновь восстановить их. Это необходимо для того, чтобы сохранить революционные силы, избежать излишних жертв и не выдать врагу активных революционных кадров. «Отряды самозащиты, — говорилось в письме, — должны постоянно обучаться военному делу и изыскивать все способы для захвата вражеского оружия» [63, 52]. Вопрос о Крестьянском союзе, указывалось далее в письме ЦК, в настоящее время представляется чрезвычайно сложным, его переход на нелегальное положение наносит большой ущерб, поэтому уже сейчас необходимо создать нелегальный исполнительный комитет, сконцентрировав внутри него надежные силы Крестьянского союза, после чего объяснить на массовых собраниях, что, поскольку Советы уже созданы, нет

необходимости иметь Крестьянский союз, и поэтому объявить о его роспуске. Вместе с этим в письме ЦК указывалось на необходимость создания внутри Крестьянского союза профсоюза батраков (Ко нонг конг хой), который отнюдь не должен являться профсоюзом батраков и бедняков. «Батрак, — отмечалось в письме, — это пролетарий, тогда как бедняк еще не является пролетарием, и это нельзя смешивать... Руководство Крестьянским союзом должно быть передано профсоюзу батраков».

ЦК предлагал комитету Чунгки создать нелегальные уездные комитеты (хюен бо) и подготовить кадровых работников для подпольной работы в первичных организациях, тогда как существующие комитеты должны продолжать легальную работу. Подпольные комитеты, подчеркивалось в письме, обязаны поддерживать постоянную связь с легальными комитетами.

Как видно из приведенного документа, ЦК компартии с самого начала дал комитету Чунгки указание, как надо действовать, чтобы в случае подавления Советов не нанести урон революционным кадрам. Одновременно ЦК обратился к народу со специальной листовкой, в которой содержался призыв помочь Красному Нге-Тиню в борьбе против империализма и его пособников. В воззвании говорилось:

«Братья и сестры! Угроза для дела и жизни наших братьев и сестер в Нгеане налицо. Малейшее колебание, малейшая оплошность с нашей стороны в настоящий момент означает помощь империалистам в деле расправы с нашими братьями и сестрами, означает наше самоубийство.

Нет, мы не допустим этого!

Дадим отпор лжи и обману врагов, разоблачим палачей, поднимем голос протеста, организуем демонстрации, стачки. Усилим борьбу! Только таким путем мы выполним свой долг, остановим руку палача. Рабочие, крестьяне, солдаты и все угнетенные, объединяйтесь! Руки прочь от рабочих и крестьян Нгеана!»

В обстановке, когда во многих сельских общинах провинций Нгеан и Хатинь была установлена народная власть, когда рабочий класс и крестьянство Вьетнама стояли на пороге ожесточенных революционных битв, от Коммунистической партии требовалось четко и ясно

сформулировать свою политическую программу и довести ее до сознания широких народных масс. Решить эту задачу должен был первый пленум ЦК, созванный в октябре 1930 г.

Первый пленум ЦК КПИК (октябрь 1930 г.) и его историческое значение

В работе первого пленума ЦК компартии Вьетнама, собравшегося в октябре 1930 г. в Гонконге, помимо членов ЦК приняли участие Хо Ши Мин (под псевдонимом Ли Тхюи), Чан Фу и Нго Дык Чи. Двое последних прибыли из Москвы по окончании учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), а Хо Ши Мин участвовал в работе пленума как представитель Восточного бюро Коминтерна [86, 57].

Пленум ЦК принял устав партии, вынес решение о переименовании КПВ в КПИК, утвердил уставы массовых организаций (профсоюзов, крестьянских союзов, Антиимпериалистического союза, Союза женщин, Союза молодежи и др.). Пленум принял также специальное решение о развертывании молодежного движения и призвал местные организации партии серьезно заняться созданием комсомольских организаций и воспитанием молодежи в духе марксизма-ленинизма [79б, 269]. Главным пунктом работы пленума было принятие и обсуждение программного документа «Политические тезисы о буржуазно-демократической революции», с докладом о которых выступил Чан Фу [3]. Политические тезисы были составлены с учетом недостатков всех предшествующих программных документов марксистских групп и коммунистических организаций Индокитая. При составлении этого документа был использован опыт мирового

[3] Чан Фу, уроженец провинции Куангнгай, был членом Революционной партии нового Вьетнама, а затем членом Товарищества вьетнамской революционной молодежи, состоял слушателем КУТВ. На первом пленуме Чан Фу был избран генеральным секретарем компартии. В марте 1931 г. участвовал в работе второго пленума, после чего был арестован и заключен в тюрьму. Умер в тюремной больнице в сентябре 1931 г. [95, 42].

Чан Фу — генеральный секретарь ЦК КПИК с октября 1930 по март 1931 г.

коммунистического движения, в том числе решения конгрессов Коминтерна, а также учтены конкретные условия Вьетнама [4].

Первый раздел тезисов был посвящен вопросам международного положения и задачам вьетнамской революции. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции и первой мировой войны, отмечалось в тезисах, международная обстановка прошла три периода развития. В первый период (1917—1923) капиталистическое хозяйство переживало кризис, пролетариат многих европейских стран поднялся на борьбу за захват власти. Революции в Финляндии, Германии, Венг-

[4] В работе над книгой «Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930 гг.)» автор использовал копию этого документа, изданного литографским способом и хранящегося в архиве Музея революции Вьетнама [55а, док. 8]. В 1961 г. тезисы были изданы в ДРВ [64]. Ввиду некоторого расхождения указанных текстов автор придерживается в данной работе официальной публикации 1961 г.

рии и революционные бои во многих других странах капитала явились попытками рабочего класса этих стран идти по пути русского пролетариата. Народы колониальных и зависимых стран также поднялись на борьбу за независимость и тем самым положили начало кризису колониальной системы империализма. Пролетариат России разгромил иностранных интервентов, подавил контрреволюцию и установил прочную диктатуру пролетариата. В этот же период сложилось мировое коммунистическое движение и была создана международная пролетарская организация — Коммунистический Интернационал.

Во второй период (1924—1928) империалисты смогли добиться временной стабилизации мировой капиталистической системы и развернули широкое наступление на трудящихся метрополий и колоний. Однако наряду с этим происходило укрепление позиций Советского Союза, строившего основы социализма. Экономика СССР крепла, способствуя распространению коммунистического влияния во всем мире. Стабилизация капитализма оказалась непрочной, о чем, в частности, свидетельствовал подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах (Сирия, Марокко, Индокитай, Китай и др.).

Третий, современный период, отмечалось в тезисах, имеет следующие особенности: временная стабилизация капитализма не может более сохраняться и сменилась кризисом, капитализм вновь вынужден вести ожесточенную борьбу за рынки, которая неизбежно приведет к будущей империалистической войне. СССР, превзойдя довоенный уровень своего экономического развития, победоносно строит социализм, что вызывает яростную злобу в стане империалистов, мечтающих об уничтожении Советского Союза — оплота мировой революции. Пролетариат капиталистических стран (Германии, Франции, Польши и др.) ведет крупные классовые бои. В колониях (Китай, Индия) развернулось мощное революционное национально-освободительное движение. «В третий период, — указывалось в тезисах, — пролетарская революция и революция в колониальных странах достигает настолько высокого уровня своего развития, что в ряде стран создаются реальные предпосылки для захвата власти в ближайшем будущем».

Первый раздел тезисов заканчивался констатацией того факта, что «в настоящее время революционные силы Индокитая вовлекаются в ожесточенную борьбу против империализма. В свою очередь, широкое революционное движение, которое ведется во всех странах, оказывает огромное влияние на борьбу в Индокитае, способствуя быстрому распространению индокитайской революции. Поэтому мировая революция и революция в Индокитае тесно связаны между собой» [64, 79].

Во втором разделе тезисов («Особенности обстановки в Индокитае») анализировалась внутриполитическая обстановка в Индокитае и говорилось, что Индокитай является колонией французского империализма, тормозящего развитие производительных сил Индокитая. «Французский империализм, — указывалось в тезисах, — развивает в Индокитае лишь те отрасли промышленности, которые приносят ему значительно большую, чем в метрополии, прибыль. Разработка сырья в Индокитае отнюдь не преследует цель независимого развития его экономики, а имеет своей целью освободить Францию от ее зависимости от других капиталистических стран» [64, 79].

На промышленных предприятиях, плантациях, рудниках, отмечалось в тезисах, капиталисты варварски эксплуатируют и притесняют рабочих, которые влачат жалкое существование. Рабочий день длится в среднем 11—12 часов. Рабочие подвергаются оскорблениям и телесным наказаниям. Во время болезни рабочих не лечат, а увольняют с работы. Рабочие лишены каких бы то ни было социальных прав. Большая часть индокитайских рабочих болеет тяжелыми болезнями (туберкулез, трахома, тропическая малярия и т. д.), которые ведут к высокой смертности. Тяжелое материальное положение рабочих и крестьян толкает их на борьбу против империалистов и феодалов. События 1930 г. свидетельствуют о том, что классовая борьба в Индокитае день ото дня усиливалась и наиболее существенной особенностью революционного движения в Индокитае является то, что «борьба рабочих и крестьян носит уже ярко выраженный независимый характер, а не подвержена влиянию национализма, как прежде» [64, 79]. В эпоху империализма и пролетарской революции, после победы Великой Октябрьской социалистической революции вьет-

намская революция, говорилось в тезисах, стала составной частью мировой пролетарской революции.

В третьем разделе тезисов («Характер и задачи Индокитайской революции») отмечалось, что в Индокитае вначале должна произойти буржуазно-демократическая революция, которая не может решить вопросы социалистического строительства из-за слабости экономики и наличия сильных феодальных пережитков. Пролетариат еще недостаточно силен как класс. В силу указанных причин «в настоящий период революция имеет только аграрный и антиимпериалистический характер». «Буржуазно-демократическая революция,— говорилось в тезисах, — является подготовительным этапом для свершения социалистической революции. С победой буржуазно-демократической революции будет создано рабоче-крестьянское правительство, получит развитие национальная промышленность, укрепятся классовые организации пролетариата, возрастут его мощь и руководящая роль. В указанный период борьба будет более глубокой и широкой, способствуя перерастанию буржуазно-демократической революции в пролетарскую революцию» [64, 79].

В тезисах указывалось, что «Индокитай при поддержке и помощи стран победившей диктатуры пролетариата минует стадию капиталистического развития и непосредственно вступит на путь социализма» [64, 79]. Основными силами вьетнамской революции тезисы провозглашали рабочий класс, крестьянство и мелкую буржуазию. «Индокитайский пролетариат,— указывалось в тезисах, — в своем подавляющем большинстве вышедший из числа крестьян или ремесленников, еще очень молод и еще окончательно не освободился от узости своих идеологических взглядов, феодальных устоев и малограмотности, что препятствует развитию его классовой сознательности. Тем не менее этот класс является концентрированным классом и постепенно пополняется. Подвергаясь жесточайшей колониальной эксплуатации и угнетению, он быстро разрушит указанное препятствие и поднимется на антиимпериалистическую борьбу. В силу указанных причин пролетариат становится наиболее мощной движущей силой революции в Индокитае, а также руководящей силой борьбы крестьян и трудовых масс, совершающих революцию» [64, 82].

В тезисах отмечалось, что в рассматриваемый период крестьяне составляли подавляющую часть индокитайского населения (свыше 90%), представляя мощную движущую силу революции, основной задачей которой являлось разрешение аграрного вопроса. Пролетариат только в том случае может добиться права руководства революцией, если он находится в союзе с крестьянскими массами и ведет борьбу за защиту повседневных прав крестьян и за полное осуществление аграрной революции. Однако, как известно, крестьянство неоднородно по своему составу. «Чем быстрее и глубже происходит классовая дифференциация в деревне, тем скорее кулаки оказываются в лагере контрреволюции. Союзниками пролетариата являются середняки и бедняки» [64, 82].

Говоря о вьетнамской буржуазии, тезисы подчеркивали, что она неоднородна и что в ней имеются соглашательское и революционное крыло. Либерально настроенная буржуазия, отмечалось в документе, выступает за реформы и за франко-вьетнамское сотрудничество. Эта часть вьетнамской буржуазии стремится добиваться от французских властей более широких возможностей в эксплуатации трудового народа. Сторонники реформ выражают интересы крупной национальной торгово-промышленной буржуазии и либерально настроенных землевладельцев. Они «использовали революционное движение для того, чтобы выпросить для себя у империалистов особые права, и одновременно для того, чтобы обмануть массы», — говорилось в тезисах [64, 82]. Интересы этой части буржуазии отражали Конституционная партия во главе с Буй Куанг Тиеу в Кохинхине, журнал «Нам фонг» во главе с Фам Куинем — в Аннаме, газета «Аннам нуво» во главе с Нгуен Ван Винем — в Тонкине.

Последовательной антиимпериалистической силой на первом этапе революции тезисы называли революционное крыло вьетнамской буржуазии, интересы которого представляли партия Куок зан и группа Нгуен Ан Ниня, не поддерживавшие доктрину франко-вьетнамского сотрудничества и ведшие борьбу против колонизаторов, за национальную независимость.

Исходя из такого деления буржуазии, коммунисты призывали дифференцированно подходить к ней, строго

учитывать характер каждой из ее групп. КПИК учила неустанно разоблачать деятельность первой группы — соглашательской буржуазии, вскрывать и разоблачать национал-реформистский характер этой части буржуазии, основная цель которой сводилась к тому, чтобы отвлечь массы от революционной борьбы. «Если партия,— говорилось в тезисах,— не поведет борьбу за освобождение масс от влияния национал-реформизма, он станет серьезной помехой на пути революции. Партия должна прямо сказать массам о том, что национал-реформисты ищут примирения с империализмом, что они постоянно предают интересы революции и народа» [64, 89].

Выступая против соглашателей и реформистов, КПИК поддерживала прогрессивные силы и прогрессивные политические организации в национальной буржуазии в их борьбе против реакционных феодалов и империалистов. Это была правильная тактическая линия, исходившая из задач национально-освободительной борьбы. Вместе с тем в тезисах указывалось, что, хотя упомянутые прогрессивные организации буржуазии стоят на позициях национальной революции, в будущем они также скатятся на позиции национал-реформизма, ибо все эти партии тесно связаны с помещиками и буржуазией. Хотя этими партиями руководит мелкобуржуазная интеллигенция, стоящая на позициях национальной революции, конечная цель этих партий сводится к капиталистическому развитию Индокитая. «При свершении антиимпериалистической революции все они выступят против империализма и будут отстаивать интересы национальной буржуазии. По мере дальнейшего развития революции, когда назреет необходимость в решении главных вопросов, и в первую очередь вопроса об аграрной революции и диктатуре рабочих и крестьян, все указанные партии покинут революцию и начнут проповедовать реформы и сотрудничать с империализмом» [64, 87]. Учитывая это, КПИК призывала постоянно бороться с национал-реформистами в рабочем движении, чтобы завоевать на свою сторону массы, используя при этом все возможные формы борьбы — как легальные, так и нелегальные.

Большим достоинством тезисов следует считать содержавшееся в них положение о том, что утверждение

диктатуры рабочих и крестьян обязывает пролетариат стать руководителем широких народных масс, в первую очередь масс крестьянских. Так *впервые в истории Вьетнама на повестку дня был поставлен вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством.* Партия правильно учитывала своеобразие колониального и полуфеодального Вьетнама, отмечая, что без многомиллионной армии крестьян невозможно одержать победу. Необходимо указать, что КПИК была единственной политической организацией страны, уже в первые дни своей деятельности четко и ясно сформулировавшей программу по аграрно-крестьянскому вопросу.

В заключительной части тезисов говорилось о международных связях рабочего класса. «Пролетариат Индокитая должен всемерно укреплять связь с мировым пролетариатом, в первую очередь с пролетариатом Франции, в целях создания единого фронта пролетариата метрополии и колонии для укрепления революционной борьбы. В антиимпериалистической борьбе революционные массы Индокитая должны крепить связь с революционными массами колониальных, полуколониальных стран, и прежде всего Китая и Индии» [64, 89].

В уставе крестьянских союзов, утвержденном октябрьским пленумом ЦК, указывалось, что эти союзы призваны объединить всех середняков и бедняков деревни, тесно сплотить их с пролетариатом в борьбе против эксплуатации, защищать интересы крестьян, осуществить аграрную реформу и распределить землю между тружениками села [56, 15]. В крестьянские союзы принимались бедняки и середняки независимо от пола, национальности и вероисповедания. Внутри крестьянских союзов создавались профсоюзы сельскохозяйственных рабочих, основная задача которых заключалась в объединении крестьян для борьбы против колонизаторов и вьетнамских феодалов, за аграрную революцию. Крестьянские союзы должны были заниматься организацией комитетов пропаганды и борьбы спортивных обществ и обществ взаимопомощи, привлекать население к активной политической деятельности, поддерживать связь с рабочими организациями ближайших промышленных предприятий, созывать собрания и митинги. Прием в члены союза производился открытым голосованием.

Коммунистическая партия Индокитая придавала большое значение работе среди молодежи, которая составляла значительный процент рабочего класса и принимала активное участие в стачечном движении и в крестьянских выступлениях. Молодежь отличалась наименьшей религиозностью и приверженностью предрассудкам, она наиболее решительно выступала против всего старого, смело становилась в ряды борцов. Октябрьский пленум ЦК партии принял специальную резолюцию о развертывании молодежного движения, сыгравшую большую роль в деле развития молодежного коммунистического движения в Индокитае. В резолюции указывалось, что трудящаяся молодежь должна стать одним из революционных отрядов, на который Коммунистическая партия может опереться. Компартия призвала серьезно заняться созданием комсомольских организаций и воспитанием молодежи в духе марксизма-ленинизма. Не менее серьезное внимание КПИК уделяла работе среди учащейся молодежи. В школах создавались коммунистические и комсомольские ячейки, развернувшие широкую пропаганду среди преподавателей и учащихся. По инициативе Коммунистической партии были созданы союзы молодежи во всех трех частях Вьетнама, а также в Камбодже и Лаосе. Эти организации воспитали немало мужественных и самоотверженных борцов за дело национального освобождения от колониального ига.

Подводя итог сказанному в решениях октябрьского пленума, следует отметить, что принятые на нем Политические тезисы и другие важные документы сыграли большую роль в дальнейшем развитии освободительного движения во Вьетнаме. «Политические тезисы указали партии четкую линию в осуществлении вьетнамской революции. Они теоретически вооружили вьетнамских коммунистов в борьбе против различных мелкобуржуазных и буржуазно-националистических партий и групп. Политические тезисы оказали неоценимую помощь прогрессивным организациям Вьетнама в их борьбе против различных реакционных теорий, и в частности против теории Фам Куиня о „Совместном народно-монархическом государственном управлении" („Куан зан конг тьеу"), теории Нгуен Ван Виня „О непосредственном административном управлении" („Чик чи"), политиче-

ской программы Нго Динь Зьема „О возврате к соглашению 1884 г.“, а также национал-реформизма Ву Динь Зи» [64, 27].

В программном документе КПИК разоблачалась деятельность лидеров Конституционной партии и других организаций, стремившихся установить в стране конституционную монархию и провести реформы, выгодные помещикам, компрадорам и буржуазии. Программа осудила и тех, кто выступал только против колониализма, но не хотел вести борьбу против остатков феодализма. Программа четко показала вред, который наносит революционному движению национал-реформизм. В программе впервые было четко указано, что рабочий класс должен вести борьбу за привлечение на сторону революции крестьян и представителей мелкой буржуазии. КПИК добивалась изоляции врагов рабочего класса в этой борьбе. При этом она умело сочетала различные ее формы: политическую, экономическую и идеологическую, используя в зависимости от создавшейся конкретной обстановки вооруженные или мирные методы борьбы.

КПИК вела борьбу за расширение состава партии за счет рабочих и трудового крестьянства. Этому вопросу было уделено особое внимание на первом пленуме ЦК КПИК, принявшем решение о большевизации партии, укреплении ее рядов за счет представителей трудового народа. «Большевизация партии, — отмечал позднее журнал „Кайе дю большевизм“, — как это было решено на пленуме ЦК КПИК в октябре 1930 г., означает правильное применение принципов и тактики Коминтерна во всех областях, претворение в жизнь революционной теории Маркса и Ленина, ведение энергичной борьбы против всех оппортунистических тенденций в партии» [129, 1.II.1931].

Как уже отмечалось, октябрьский пленум КПИК проходил в дни, когда в провинциях Нгеан и Хатинь развернулось движение за создание Советов. Пленум призвал все партийные организации оказать помощь и поддержку революционному движению населения упомянутых провинций, обратился к народу с призывом оказать сопротивление белому террору и репрессиям империалистов и феодалов.

Дом, в котором в 1930—1931 гг. проходили заседания партийного комитета Центрального Вьетнама (Чунгки). Деревня Иензунг за старым зданием железнодорожного депо в Вине

Во время заседаний пленума были получены дополнительные материалы о революционных выступлениях рабочих и крестьян в провинциях Нгеан и Хатинь. Этот вопрос подвергся детальному обсуждению, в результате чего ЦК опубликовал «Письмо к товарищам», датированное октябрем 1930 г. В письме говорилось, что, «по докладу исполкома Чунгки, в нескольких са уездов Тханьтыонг и Намдан (провинция Нгеан) созданы крестьянские Советы, конфискована у помещиков земля, которая распределена между бедными крестьянами[5]; учреждены народные революционные трибуналы для предания суду чиновников и контрреволюционеров». Пленум отмечал, что вопрос о власти и аграрной революции был решен без применения оружия, *но само движение носило характер восстания. Поскольку народные*

[5] По данным опроса очевидцев, в указанный период был произведен раздел только общинных земель (жуонг конг). Земля же помещиков еще не была конфискована [63, 54].

Нгуен Фонг Шак (Тхинь), член ЦК КПИК, секретарь комитета Чунгки (Аннама) и руководитель Советов Нге-Тиня. Погиб 3 мая 1931 г. в Ханое

массы стихийно поднялись против поработителей, говорилось в письме, КПИК, естественно, вынуждена была взять на себя руководство этим движением, с тем чтобы направить его по правильному пути. В письме обращалось внимание на преждевременность захвата власти и установления Советов, поскольку в целом, в масштабе всей страны, революционная ситуация еще не сложилась. Степень политической сознательности пролетариата и крестьян и их революционная борьба были еще недостаточными. В рассматриваемый период ни рабочий класс, ни крестьянство, так же как и сама КПИК, еще не были подготовлены к захвату власти, в связи с чем разрозненные местные выступления партия считала преждевременными и в ряде случаев носившими путчистский характер. Тем не менее партия призвала народные массы поддержать Советы. Партия считала своей «первостепенной и повсеместной задачей всемерную защиту Красного Нгеана, расширение манифестаций и демонстраций, ведение борьбы с преступными действиями империализма». В «Письме к товарищам» указыва-

лось, что «партия обязана развернуть подготовку своих членов и народных масс к предстоящему всеобщему вооруженному восстанию, в связи с чем она должна использовать существующие условия (экономический кризис, осуществляемую империалистами политику жесточайших репрессий) для подъема масс на борьбу, повести народ на политическую борьбу, развернуть среди народа широкую пропаганду основных лозунгов буржуазно-демократической революции, однако не делать из этого вывод об осуществлении местных восстаний, восстаний преждевременных и неподготовленных; таковы обстоятельства, которые должны учитывать все руководство партии, с тем чтобы избежать путчизма и правильно руководить массами, и в первую очередь крестьянскими массами» [63, 54].

Сразу же после окончания пленума ЦК КПИК направил в г. Винь группу партийных работников для изучения обстановки и оказания помощи комитету Чунгки. Одновременно ЦК развернул пропаганду и агитацию среди населения, призывая рабочих, крестьян, солдат и всех патриотов объединиться вокруг партии для борьбы против колонизаторов и местной реакции в поддержку трудящихся провинций Нгеан и Хатинь.

Советы Нге-Тиня как орган революционной власти рабочих и крестьян. Характер советского движения

До последнего времени в исторической литературе было распространено мнение, что первые вьетнамские Советы просуществовали всего три-пять месяцев [86, 114]. Изученные нами документы и свидетельства участников этого движения говорят, что на самом деле Советы существовали с сентября 1930 по июнь 1931 г., т. е. около девяти месяцев [63, 13]. Кроме того, в первых документах о вьетнамских Советах упоминается только провинция Нгеан, в связи с чем в исторической литературе зачастую мы встречаем название «Нгеанские Советы». Но по мере изучения вопроса выяснилось, что Советы были установлены и в провинции Хатинь, в связи с чем в последних материалах они называются Советами Нге-Тиня, т. е. провинций Нгеан и Хатинь.

Деятельность Советов можно условно разделить на два периода: первый — с сентября по конец 1930 г. и второй — с конца 1930 по июнь 1931 г. В первый период происходило установление Советов в са провинции Нгеан и одновременно шла борьба революционных сил против белого террора. Во второй период новые Советы создавались главным образом в провинции Хатинь, а в провинции Нгеан велась борьба за сохранение Советов.

Советское движение характеризовалось широким созданием массовых организаций рабочих и крестьян (профсоюзов, крестьянских союзов, союзов молодежи, женщин и др.) и их привлечением к активному участию в хозяйственно-политической жизни села. Массовые организации сыграли важную роль в организации и поддержке Советов. Самыми активными массовыми организациями были красные профсоюзы (конг хой до) и красные крестьянские союзы (нонг хой до), созданные в пяти частях Индокитая: Тонкине, Аннаме, Кохинхине, Камбодже и Лаосе. Крестьянские союзы существовали в провинциях, уездах и са. Крестьянские союзы в са создавались под руководством первичных партийных организаций — ячеек (ти бо). Крестьяне, объединенные в союзы, на общем собрании избирали исполнительный комитет, который постоянно руководил союзом. Союзы имели свой устав, с содержанием которого крестьян знакомили агитаторы. Этот устав, как уже отмечалось, был утвержден октябрьским пленумом ЦК КПИК.

В период существования Советов значительно возросла численность как массовых организаций, так и КПИК. Многие рабочие и крестьяне в это время вступили в ряды компартии. В феврале 1930 г., в момент создания партии, в ней состояло 500 человек; в сентябре в компартии уже было 1600 членов, а в мае 1931 г. — 2400, в том числе в организациях Нгеана и Хатиня — 1283. Согласно новым данным, приведенным недавно в журнале «Изучение истории партии» («Нгиен кыу лить шы данг»), в 1930—1931 гг. в провинциях Нгеан и Хатинь было создано 340 низовых партийных организаций с общим числом членов партии 3313 [125, 33].

Соответственно возросла численность массовых организаций трудящихся. Так, в крестьянских союзах в октябре 1930 г. было 53 тыс. членов, а в марте 1931 г. —

64 тыс., из них только в провинции Нгеан около 32 тыс., а в Хатине — 2 тыс. [63, 35]. В других массовых организациях, находившихся под влиянием коммунистов, число членов было следующим: в красных рабочих профсоюзах — 511, в союзе женщин — 12 146, союзе молодежи — 4511, пионерской организации — 481, союзе учащихся — 65, союзе взаимопомощи — 3909, красных отрядах самообороны — 13 676 [125, 33]. Помимо упомянутых организаций в са создавались также кооперативы (хоп так са), кассы взаимопомощи (хой тыонг те), группы агитаторов (бан ван донг) и др.

Политико-воспитательная работа, которая велась партией в са, имела большое значение для активизации деятельности масс и привлечения их к участию в органах народной власти. В тех са, где были установлены Советы, отмечались особенно широкий размах массового движения и создание многочисленных политических организаций, а также большая революционная активность народных масс.

По мере укрепления в са крестьянских союзов и партийных ячеек население стало активнее смещать нотаблей (кимуков), место которых занимали представители народной власти. Сайгонская газета «Опиньон» писала 12 декабря 1930 г.: «В деревнях Чунгки созданы Советы, выполняющие функции власти» [63, 52]. Эта и многие другие газеты, издававшиеся в то время в Индокитае на французском и вьетнамском языках, печатали немало сообщений о рабочем и крестьянском движении за установление Советов. В обзоре событий колониальной администрации Индокитая за сентябрь и октябрь 1930 г. также отмечалось: «В некоторых общинах и даже кантонах повстанцы занялись перестройкой системы государственных учреждений. Они сместили нотаблей и установили большевистский режим: население избирает Советы, отменяются налоги, создается революционный трибунал» [50, 20].

Судьба деревенских старост (личыонгов) складывалась по-разному. Те старосты, которые были жестоки с крестьянами, как правило, бежали от народного гнева. Старосты, которые не притесняли населения и не оказывали сопротивления народной власти, остались на своих постах, но были фактически отстранены от дел (формально это обычно выражалось в том, что ста-

росты передавали деревенскую печать представителям революционной власти).

Конечно, Советы совершали немало ошибок, о чем речь будет идти в последующих главах. Но сила советского движения заключалась именно в том, что оно преодолевало все трудности и что по мере втягивания рабоче-крестьянских масс в революционную борьбу Советы постепенно совершенствовали и улучшали организационные формы своей деятельности.

Органами народной власти в са были са бо нонг, т. е. крестьянские комитеты са. Они избирались на общих собраниях населения са, созывавшихся под руководством и по инициативе партийных ячеек и крестьянских союзов. Выборы в деревенские крестьянские комитеты (тхонг бо нонг) были всеобщими, прямыми и производились открытым голосованием на общих собраниях. Норму представительства в деревенский крестьянский комитет устанавливало общее собрание села. Перед избранием каждая кандидатура обсуждалась на общем собрании. В комитеты избирались наиболее авторитетные лица, которые давали собранию обещание работать честно и добросовестно в интересах трудового народа. Депутаты были обязаны отчитываться перед избирателями.

Вооруженной силой са бо нонг были красные отряды самозащиты (дой ти ве до). Эти отряды, а также временные революционные суды (тоа ан кать манг лам тхой) выполняли функцию подавления реакционных сил. Са бо нонг были уполномочены использовать красные вооруженные отряды самозащиты для борьбы против контрреволюционных сил, против террора, для подавления сопротивления нотаблей и других реакционных сил в са, а также для организации народной власти. Местные вооруженные отряды, подчиненные са бо нонг, выполняли задачи охраны территории, на которой они были сформированы, и действовали только в границах своего са. Если противник занимал район, отряд рассредоточивался по деревням и при первой возможности вновь объединялся для выполнения распоряжения народной власти.

Вооруженные отряды создавались в основном из молодых рабочих и крестьян. В каждой деревне (тхонге) было создано два-три таких отряда самозащиты из

10—15 человек каждый. Во главе отряда стояли командир и его заместитель. В центре са, где сосредоточивались органы народной власти сельской общины, находился и главный командир всех деревенских отрядов самозащиты. Отряды самозащиты, вооруженные охотничьими винтовками и холодным оружием (копьями, ножами, бамбуковыми палками), проходили военную подготовку. По ночам отряд выставлял охрану вокруг деревни. Члены отряда самозащиты носили на левой руке белую повязку. Среди населения деревень производился сбор денег для закупки оружия отрядам самозащиты.

При са бо нонг имелись различные комиссии: финансовая, продовольственная, военная (руководившая отрядами самообороны) и др. Са бо нонг осуществляли законодательную и исполнительную власть. Членами са бо нонг могли быть сельскохозяйственные рабочие, бедняки, середняки и представители сельской интеллигенции. Таким образом, са бо нонг выполняли функцию органа управления политической и социально-экономической жизнью са.

Народная власть опиралась на помощь и поддержку широких слоев трудящихся, и прежде всего рабочих и крестьян. Большую помощь са бо нонг оказывали рабочие, которые вернулись в свои деревни из городов Винь и Бентхюи. КПИК обращала особое внимание на укрепление союза рабочего класса с крестьянством и с этой целью направляла рабочих-коммунистов на работу в села.

В. И. Ленин писал о Советах: «Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась... исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти... Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли» [15, 318—319]. Именно такой диктатурой большинства, революционной диктатурой рабочего класса и крестьянства, направленной против империализма и феодализма, были по своему классовому характеру са бо нонг. Эта диктатура выполняла задачи национально-демократической революции в условиях колониальной и полуфеодальной страны. Она была орудием подавления

по отношению к врагам вьетнамской революции и орудием осуществления демократии по отношению к народу. По форме са бо нонг являлись Советами, а по содержанию — властью рабочих и крестьян под руководством КПИК. Они фактически выполняли ту же самую роль, что Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в русской революции 1905—1907 гг. Руководствуясь указанными соображениями, КПИК и называла са бо нонг Советами [85, 11], а революционное движение в Нге-Тине — советским движением.

Установление Советов фактически определило в рассматриваемый период направление и содержание национально-освободительного движения вьетнамского народа. В программном документе компартии — Политических тезисах — вьетнамская революция характеризовалась как национально-демократическая. Основные задачи революции были определены в тезисах следующим образом: во-первых, ликвидация колониального режима французских империалистов и завоевание полной независимости, во-вторых, ликвидация остатков феодализма и проведение глубокой аграрной революции. Эти две основные задачи рассматривались в тесной связи, так как только с уничтожением колониального строя можно было ликвидировать власть феодалов и помещиков, осуществить аграрную революцию и только при ликвидации феодального строя было возможно уничтожение власти империализма. «Для осуществления этих двух задач, — отмечалось в тезисах, — требуется установление революционной диктатуры рабочих и крестьян в форме Советов» [64, 81].

В тезисах были также сформулированы основные лозунги буржуазно-демократической революции: ликвидация гнета французских империалистов, вьетнамских феодалов и помещиков, создание правительства рабочих и крестьян, конфискация всей земли, принадлежащей иностранцам, вьетнамским помещикам и церкви, и передача ее беднякам и середнякам (*право владения землей передавалось рабоче-крестьянскому правительству*), национализация всех крупных предприятий империалистов, отмена всех старых налогов и введение прогрессивного налога, установление восьмичасового рабочего дня и улучшение условий жизни рабочих и всего трудового народа, обеспечение равноправия женщин, пре-

доставление всем народам Индокитая права на самоопределение, создание рабоче-крестьянской армии, поддержка Советского Союза, объединение с мировым пролетариатом и поддержка революционного движения народов колоний и полуколоний.

Вьетнамские коммунисты понимали, что национально-демократическая революция должна быть подготовительным этапом к совершению социалистической революции. «С победой буржуазно-демократической революции,— говорилось в тезисах,— будет создано рабоче-крестьянское правительство, получит развитие национальная промышленность, укрепятся организации пролетариата, усилится руководящая роль пролетариата, возрастет классовая мощь пролетариата. В этот период борьба приобретет более глубокий и широкий характер и будет способствовать перерастанию революции в пролетарскую революцию» [64, 81].

Руководствуясь ленинским учением о Советах, вьетнамские коммунисты представляли себе соотношение демократического и социалистического этапов в деятельности Советов и руководящую роль в них компартии. Они знали, что предстоящая национально-демократическая революция приблизит пролетариат к социалистической революции, и прилагали все силы к тому, чтобы быстрее, полнее и решительнее осуществить демократический этап. Для этого коммунисты стремились вовлечь в революционную борьбу все революционные классы и прослойки вьетнамского общества. Вместе с тем они сознавали, что решающей силой революции является союз рабочего класса и крестьянства, от успешного осуществления которого в значительной степени зависит успех революции.

Советы Нге-Тиня, ставшие кульминационной точкой антиимпериалистической и антифеодальной борьбы вьетнамского народа в 1930—1931 гг., руководившие борьбой народных масс за осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, были органом вооруженного восстания и зародышем нового государственного строя. Они явились величайшим историческим завоеванием трудового народа Вьетнама. Большое значение имел вопрос о том, какой класс встанет во главе Советов и какая партия будет руководить ими. Если бы руководство Советами захватили оппор-

тунистические или мелкобуржуазные националистические партии, то они превратились бы в соглашательские органы и их роль была бы ограничена местным самоуправлением. Под руководством же Коммунистической партии Советы стали органами вооруженного восстания и революционной властью.

Итак, Советы Нге-Тиня были проявлением революционного творчества масс, достигшего небывалого размаха в период подъема антиимпериалистического и антифеодального движения 1930—1931 гг. Создание Советов явилось результатом широкого движения рабочих, крестьян, интеллигенции под руководством коммунистов, развернувших активную пропаганду идей марксизма-ленинизма. Представляя собой демократическую организацию масс, органы революционной власти, вьетнамские Советы подтвердили на практике мысль В. И. Ленина о том, что «эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы *власти*, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании» [15, 317].

Революционные преобразования и их характер

Одним из первых мероприятий Советов было предоставление трудовому народу политических и демократических прав: свободы собраний, демонстраций, слова, равенства мужчин и женщин. Все вопросы обсуждались на общем собрании населения деревень. В некоторых селах демократические права населения были юридически узаконены особыми декларациями (зыонг ыок) [63, 32]. Са бо нонг под руководством КПИК приступили к осуществлению программы-минимум в области экономических прав трудящихся. В районах, где были установлены Советы, крупные промышленные предприятия почти отсутствовали, а над существовавшими здесь кустарными мастерскими са бо

нонг установили свой контроль. Са бо нонг защищали интересы рабочих, заботились об охране труда, улучшении положения рабочих и учеников. Основную массу рабочих составляли ремесленники, сельскохозяйственные рабочие и кули. Указом, принятым новой властью, была сокращена продолжительность рабочего дня [86; 116]. Основными завоеваниями Советов в рабочем вопросе были: принятие декларации об установлении восьмичасового рабочего дня, введение еженедельного дня отдыха, ежегодных отпусков, отдыха в революционные праздники [6], защита женского и детского труда. Была определена зарплата батракам, работавшим на кулаков.

Новая власть ограничила эксплуатацию трудового народа на селе. Так, было объявлено о приостановке уплаты всех долгов ростовщикам и помещикам и уменьшении налогов. Помещикам было запрещено определять размер арендной платы за землю, отныне крестьяне сами пользовались правом определения арендной платы [85, 37—38]. Добиваясь от помещиков, ростовщиков и кулаков снижения высоких процентов с долгов и арендной платы за землю, Советы тем самым боролись за улучшение экономического и политического положения трудового народа и организацию производства на селе.

Одной из первоочередных задач новых органов власти было восстановление хозяйственной жизни в са. В соответствии с этим Советы проделали значительную работу по ремонту дорог, рытью оросительных каналов, возведению дамб и борьбе с засухой. Новая власть оказывала материальную помощь (деньгами, рисом) семьям погибших во время революционной борьбы. В ряде мест (например, в Фувиете, провинция Хатинь) Советы помогли крестьянам восстановить сожженные карателями дома.

Борясь с голодом, Советы добивались увеличения сельскохозяйственной продукции и для этого ремонтировали и совершенствовали ирригационные сооружения. Чтобы обеспечить эти работы рабочей силой, проводи-

---

[6] Народная власть впервые в истории Вьетнама ввела революционные праздники.

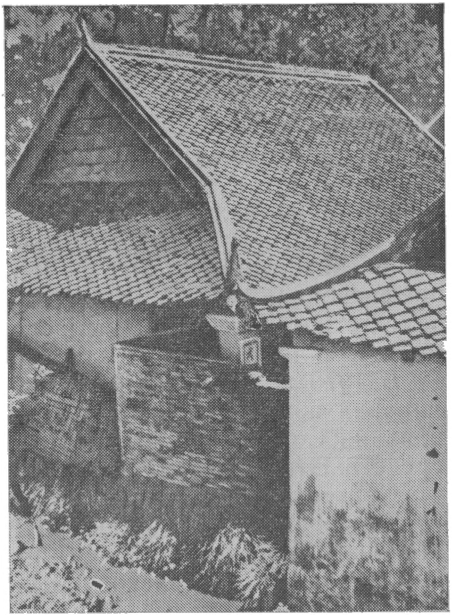
лась мобилизация местного населения и создавались группы взаимопомощи. Советы предложили зажиточным крестьянам и помещикам передать излишки риса голодающим крестьянам; в случае отказа крестьянские комитеты отбирали рис и сами распределяли его среди голодающих.

Наибольшее внимание Советы Нге-Тиня уделили аграрному вопросу, представлявшему одну из самых важных проблем революционного движения во Вьетнаме, и в частности в провинциях Нгеан и Хатинь. Вьетнамская революция в рассматриваемый период, как уже отмечалось, была одновременно направлена против империализма и феодализма. Она не могла завершиться победой без мобилизации на революционную борьбу многомиллионной массы крестьян, без решения задач аграрной, антифеодальной революции, без ликвидации полуфеодальных отношений в деревне. Следовательно, аграрный вопрос был составной частью вьетнамской революции, ее стержнем.

Советская форма вьетнамской революции, в результате которой в ряде са провинций Нгеан и Хатинь была установлена революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства под руководством КПИК, гарантировала революционное разрешение аграрного вопроса в интересах миллионных эксплуатируемых крестьянских масс.

Аграрные отношения во Вьетнаме имели полуфеодальный характер. Огромным бременем ложился на плечи крестьянства гнет помещиков, куанов и нотаблей. Большинство крестьян были либо вовсе безземельными, либо владели ничтожными наделами, которых совершенно не хватало для прокормления семьи. В провинциях Нгеан и Хатинь, где возникло движение за установление Советов, подавляющее большинство крестьян было полностью безземельными.

Создание Советов в сельских общинах означало для крестьян прежде всего ликвидацию всех кабальных договоров и налогов, справедливое перераспределение общинных земель и конфискацию помещичьей земли. Естественно, что одним из кардинальных вопросов, который встал перед Советами сразу же после их установления, был вопрос о конфискации помещичьей земли и разделе ее среди безземельных и малоземельных

Дом, в котором помещался исполнительный комитет Советов Нгеана. Деревня Зиентяу

крестьян, а также о перераспределении общинных земель среди членов общины.

До последнего времени аграрный вопрос в период Советов Нге-Тиня не получил должного и полного освещения в исторической литературе, и в частности в работах советских вьетнамистов. В общих работах по Вьетнаму одни авторы отмечают, что «был осуществлен раздел помещичьих земель» между крестьянами [82а, 109], другие считают, что Советы «перешли к захвату и разделу земли» [72, 200], но при этом не указывают, какой именно земли, и не приводят достоверных источников для доказательства своих положений. Следует отметить, что трудность решения этого вопроса объясняется прежде всего отсутствием достаточно надежных источников.

Изученные нами материалы свидетельствуют о том, что Советы Нге-Тиня конфисковали общинные земли, которые в свое время были незаконно отобраны у кре-

стьян нотаблями и куанами. Эти земли были возвращены общинам, в которых было осуществлено их справедливое перераспределение для поочередного пользования крестьянами. О масштабах конфискации свидетельствует таблица 3.

Таблица показывает, что из 116 са, где были установлены Советы, в 109 была произведена конфискация у помещиков захваченных ими ранее общинных земель и в 16 са, где не было Советов, были возвращены общине захваченные у нее земли. Всего в 125 са было конфисковано 6718,5 мау (1 мау=0,4 *га*) общинных земель, которые были распределены между безземельными и малоземельными крестьянами [120, 17].

В 1970 г. журнал «Изучение истории партии» опубликовал новые данные о проведенной во время существования Советов конфискации земель, риса и денежных средств. Эти данные приводятся в табл. 4.

При сравнении данных двух таблиц обнаруживается, что конфискация общинных земель в табл. 3 дается по общинам (са), а в табл. 4 — по деревням (ланги). Общая площадь конфискованных общинных земель, по табл. 3, составляет 6718,5 мау, а по табл. 4 — 6530 мау. Нам представляется, что данные табл. 4 являются более точными, чем данные табл. 3.

По данным, собранным в ДРВ после победы народной революции, в провинциях Нгеан и Хатинь за время борьбы 1930—1931 гг. было конфисковано риса у помещиков 53348,29 *ц*, общинного риса — 6950,79 *ц*; помещичьих денег — на сумму 211 369 куанов, общинных денег — на сумму 215 493 куана; общинных земель общей площадью — 5062,1 мау [126, 52].

Возникает вопрос: чем объяснить тот факт, что Советы в первую очередь обратили внимание на общинные земли? Вероятно, тем, что в провинциях Нгеан и Хатинь, как нигде, крестьяне были доведены до крайней нищеты, причем земельный вопрос в сельских общинах этих провинций стоял очень остро. Значительную же часть всех обрабатываемых земель составляли общинные поля. По данным французского ученого Ива Анри, в 1929—1930 гг. во Вьетнаме было 490 тыс. *га* общинных земель, из них в Тонкине — 235 тыс. *га*, или 21% общего количества посевных площадей, в Аннаме — 195 тыс. *га*, или 25%, и в Кохинхи-

Таблица 3

Размеры конфискации у помещиков захваченных ими общинных земель в провинциях Нгаен и Хатинь *

Уезд	Число общин, в которых была проведена конфискация, подтверждаемая документацией	Число общин, в которых были установлены Советы	Число общин, в которых были конфискованы у помещиков захваченные ими общинные земли	Число общин, в которых были Советы, но не были возвращены ранее захваченные общинные земли	Число общин, в которых не было Советов, но были возвращены захваченные земли	Общая площадь земель, возвращенных общинам, мау
Намдан	32	31	23	8	—	1323,4
Тханьтыонг	11	10	10	—	—	1450
Аньшон	11	10	8	2	—	681,4
Нгилок	21	13	14	3	1	301,2
Хынгнгуен	12	10	10	1	2	1197,5
Итого в провинции Нгеан	87	74	65	14	3	4953,5
Канлок	22	18	17	1	1	1027,3
Тхатьха	2	1	1	1	1	7,5
Дыктхо	23	13	9	1	1	407
Хыонгкхе	14	8	7	1	—	115
Хыонгшон	7	1	2	1	2	113,4
Камсуен	11	1	5	—	4	76
Нгисуан	7	—	3	—	4	
Итого в провинции Хатинь	86	42	44	5	13	1765
Нге-Тинь	173	116	109	19	16	6718,5

* [120, 17].

Таблица 4

Размеры конфискации земель, риса и денежных средств в провинциях Нгеан и Хатинь в период Советов *

Провинция, уезд	Общинные земли		Общинные денежные средства		Рис, ц
	Число деревень	Площадь, мау	Число деревень	Сумма, куаны	
Нгеан					
Тханьтыонг . . .	...	1480	...	24 155	1962
Аньшон	15	295	9	12 804	294
Намдан	67	1026	63	113 429	200
Нгилок	17	220	21	15 569	62
Зиентяу	11	96	13	2 220	139
Хынгнгуен	18	1108	17	11 770	200
Хатинь					
Канлок	22	887	22	6 227	2414
Тхатьха	19	389	13	1 187	941
Дыктхо	...	470	...	37 817	1613
Хыонгкхе	...	519	—	—	—
Камсуен	...	40	—	—	—
Итого. . .	169	6530	158	225 178	7825

* [124, 66].

не — 60 тыс. *га*, или 3% посевных площадей [104, 213]. Эти цифры свидетельствуют о том, что больше всего общинных земель находилось в Анниме, особенно в провинциях Нгеан и Хатинь. Так, в общине Хынгхоа (уезд Хынгнгуен) из общей посевной площади в 1500 мау 1200 мау составляли общинные земли (80%); в общине Хынгнян из 870 мау посевных площадей 400 мау занимали общинные земли (т. е. около 50%). Аналогичное положение отмечалось и в остальных уездах провинции Нгеан.

Деревенские чиновники, старосты и нотабли (куаны, личыонги и кимуки) обманным путем захватывали и присваивали общинные земли. Поэтому внутри сельской общины уже давно назревала борьба за справедливое использование общинных земель. Так, к 1930 г.

только в пяти уездах (Хынгнгуен, Тханьтыонг, Зиентяу, Аньшон, Куиньлыу) было зафиксировано 50 выступлений крестьян, требовавших возвращения общине захваченных у нее ранее земель [124, 67]. Понимая, что право собственности на общинные земли принадлежит не деревенской верхушке, а всей общине, крестьяне вели борьбу за свои законные права. Вот почему после установления в деревнях власти Советов крестьяне в первую очередь потребовали немедленного распределения общинных земель (в одной только провинции Нгеан с сентября 1930 по май 1931 г. было зафиксировано 70 выступлений с подобными требованиями). Удовлетворение этих справедливых требований крестьян стало первостепенной задачей Советов.

Следует иметь в виду, что в провинциях Нгеан и Хатинь было шире, чем в других частях Вьетнама, распространено мелкое землепользование. Если в Кохинхине мелкие землевладельцы составляли 33,68%, в Тонкине — 61,63, а в Аннаме в целом — 68,5%, то в провинции Нгеан их было 73,2%, тогда как крупные землевладельцы, владевшие более 100 мау, в Кохинхине составляли 1,04% населения, в Тонкине — 0,02, в Аннаме в целом — 0,008%, а в провинции Нгеан — всего лишь 0,007% [104, 145]. Большим было в Аннаме и число лиц, сдающих землю в аренду. Так, в Тонкине число землевладельцев, сдававших землю в аренду, равнялось 1,3% общего числа землевладельцев, сдававших землю, а в Аннаме — 10% (в провинции Нгеан — 8,1%, Хатине — 5,9%).

Французская колониальная статистика различала всего две категории землевладельцев — тех, кто непосредственно обрабатывал свою землю, и тех, кто сдавал ее в аренду. Однако в действительности в провинциях Нгеан и Хатинь имелись и другие категории землевладельцев. Крестьяне, владевшие очень маленькими земельными наделами, были вынуждены дополнительно брать землю и в аренду. В этом случае крестьяне выступали в качестве издольщиков (тадьен). Именно этот вид аренды способствовал разорению мелких землевладельцев и концентрации земель в руках помещиков. Так, в са Суан (ныне Намиен, уезд Намдан) на долю крестьян приходилось всего лишь 28,3% земель, в са Ламак (ныне Тханьхоа, уезд Тханьтыонг) — 24% и в са

Нгитхай (уезд Нгилок) — 10%. Разорению и обнищанию крестьян способствовали также неблагоприятные природные условия в указанных провинциях, где особенно часто бывали засухи и недороды [103, 256]. Мелкие землевладельцы постоянно терпели нужду и, для того чтобы прокормить семью, были вынуждены либо дополнительно арендовать землю у помещика, либо сдавать часть своей земли в аренду (издол) [120, 7]. Безземельные и малоземельные крестьяне вынуждены были идти в издольщики, подвергаясь жестокой эксплуатации. Так, в са Ламтхинь (ныне Намми, уезд Намдан) в составе трех деревень из 219 семей всего лишь 25 семей (11,4%) не являлись издольщиками. В са Тычи (уезд Намдан) такие семьи составляли 70%. Аналогичное положение наблюдалось во многих других уездах. Из приведенных данных явствует, что издольщина являлась самой распространенной формой феодальной эксплуатации в провинциях Нгеан и Хатинь [103, 147].

Примером эксплуатации, которой подвергались издольщики, может служить положение тадьенов в провинции Нгеан, где с одного гектара земли за два урожая ежегодно собиралось около 2450 *кг* неочищенного риса (падди). Одна половина урожая принадлежала владельцу земли, другая — тадьену. По ценам на рис в 1929 г. каждая из сторон получала за свою часть 67 пиастров. Землевладелец платил поземельный налог (2 пиастра), после чего у него оставалось 65 пиастров, тогда как тадьен был обязан внести 23 пиастра за семена и сельскохозяйственные орудия. После этого у тадьена оставалось 44 пиастра, в то время как прожиточный минимум крестьянина в рассматриваемый период составлял 48 пиастров [120, 8].

В случае неурожая или стихийного бедствия положение тадьена становилось еще более тяжелым. Часто случалось, что помещик окончательно закабалял тадьена или вообще отбирал у него земельный участок. При колонизаторах в провинциях Нгеан и Хатинь происходил интенсивный процесс концентрации земель в руках помещиков и соответственно разорение мелких земельных собственников. Под предлогом сбора средств на общественные нужды деревенские чиновники (куан виены) продавали общинные земли, деля деньги между

собой. Были такие са, в которых общинные земли были проданы целиком, как, например, са Нгихоа в уезде Нгилок. Обычно чиновники арендовали общинные земли, а затем сдавали их на кабальных условиях тадьенам. Именно поэтому во время Советов крестьянская беднота Нге-Тиня выдвинула требование о конфискации общинных земель не только у помещиков, но и у чиновников.

Захвату общинных земель деревенской верхушкой в провинциях Нгеан и Хатинь способствовало то, что эти земли, как правило, не выделялись отдельным семьям, а давались населению всей деревни в целом. Тот, кто желал их обрабатывать, должен был внести издольную плату. В результате в ряде са провинций Нгеан и Хатинь все общинные земли были захвачены частными лицами. Это являлось грубым нарушением вьетнамских традиций. Поэтому борьба крестьян Нге-Тиня за возврат общинных земель вытекала из складывавшихся у них веками представлений о справедливости и представлялась им естественным и законным делом.

В ряде мест для борьбы против куан виенов крестьяне создали общества, носившие названия «Союзы деревень», «Лагеря семей», «Деревни семей» и др. [120, 9]. Борьба протекала в различных формах: от избиения старост и чиновников, отличавшихся особой жестокостью, до нападения на французские войска и жандармерию. Однако основной формой борьбы было требование возвращения общинных земель через суд. Заявления в суд, в которых содержалось это требование, подавались накануне образования Советов крестьянами почти всех деревень Нге-Тиня. С установлением народной власти крестьяне связывали надежды на удовлетворение своих требований. Это безусловно содействовало победе Советов.

Требование крестьян о справедливом распределении общинных земель мобилизовало абсолютное большинство крестьян на борьбу за землю, независимость и свободу. Учитывая это, партийный комитет Чунгки в октябре 1930 г. разослал соответствующие директивы провинциальным комитетам. Руководствуясь этими директивами, провинциальный комитет Нгеана дал соответствующие указания уездам. Указание, полученное уездом Тханьтыонг, было следующим: «Экспроприировать об-

щинные земли, находящиеся в руках местных властей, помещиков, и раздать их беднякам. Снизить подати, ликвидировать долги» [120, 10]. И хотя в период Советов на повестке дня стоял вопрос и о конфискации помещичьей земли, на первый план был выдвинут вопрос об общинных землях. Это не было случайностью, а вытекало из программных документов КПИК.

С созданием в Индокитае коммунистических групп в середине 1929 г. впервые в истории Вьетнама был поднят аграрный вопрос. В июньском манифесте ЦК КПИК 1929 г. помимо лозунгов ликвидации капитализма и феодализма содержалась такая программа борьбы за землю: «экспроприация земель крупных помещиков, аристократов и миссионеров»; «право на землю принадлежит государству»; «земля распределяется между крестьянами» [120, 9]. В выработанной в феврале 1930 г. краткой политической программе КПВ отмечалось, что «все земли империалистов надлежит превратить в общественное достояние и передать беднякам — пахарям» [120, 9]. В программе указывалось, что «партия концентрирует широкие массы крестьян, готовится к аграрной революции, к свержению помещиков и феодалов», что она «обязана привлечь на свою сторону подавляющее большинство крестьян и должна, опираясь на бедняков, провести аграрную революцию с ликвидацией крупных помещиков и феодалов» [120, 9].

Из приведенных материалов видно, что Коммунистическая партия уже накануне революционного подъема 1930—1931 гг. определила стратегическое направление решения аграрного вопроса. Однако в конкретных указаниях по этому вопросу было немало ошибок. Так, вопрос о ликвидации класса помещиков и распределении помещичьей земли среди крестьянской бедноты не нашел исчерпывающего освещения в упомянутых партийных документах. Не был поднят вопрос и об экспроприации земли у всех помещиков. Более того, проводилось различие между крупными и прочими помещиками и, в частности, имелось специальное указание о конфискации земель только крупных помещиков, которым принадлежало более 100 мау, а таких помещиков, как отмечалось выше, в провинциях Нгеан и Хатинь было очень мало.

На октябрьском пленуме ЦК отмеченные установки

были признаны ошибочными и осуждены [120, 9]. Об этом, в частности, указывалось в письме ЦК исполкому Чунгки. «По вопросу о конфискации и разделе земель, — говорилось в письме, — исполком Чунгки придерживается мнения о том, что конфискации земель подлежит каждый, который владеет 100 мау земли и больше... Однако если конфисковать землю у тех, наделы которых превышают 100 мау, то конфискации подвергнутся всего лишь несколько помещиков, а крестьяне не получат сколько-нибудь значительного количества земли. Земли, принадлежащие указанным лицам, подлежат полной конфискации вне зависимости от их площади». «Раздел земли,— говорилось далее,— должен производиться Советами по числу трудоспособных в каждой семье бедняка, а не делиться поровну между дворами. Если после раздела останется излишек земли, его следует передать в управление Советов» [63, 52].

Руководствуясь письмом и решениями октябрьского пленума ЦК КПИК, Советы Нге-Тиня не ограничились решением вопроса об общинных землях и приступили к ликвидации частной помещичьей собственности на землю. Следует отметить, что в провинции Нгеан, где больше всего Советов было установлено в период с сентября по конец 1930 г., конфискация помещичьей земли почти не отмечалась. В провинции же Хатинь, где Советы в основном стали создаваться в конце 1930 г. и особенно в начале 1931 г. (т. е. после октябрьского пленума), конфискация помещичьей земли была осуществлена в 9 са и произошло распределение таких земель между крестьянами (табл. 5).

Как видно из таблицы, в 9 са провинции Хатинь была произведена конфискация помещичьей земли общей площадью 552,4 мау (в этих 9 са были конфискованы и розданы крестьянам также и общинные земли). В двух из этих девяти са Советов не было, однако конфискация имела место. Конфискация помещичьей земли произошла только в четырех уездах провинции Хатинь (Канлок, Дыктхо, Хыонгкхе и Нгисуан). При этом наиболее сильное движение за конфискацию помещичьих земель приходилось на уезды Дыктхо и Канлок, в которых отмечалось и наиболее сильное движение за создание Советов. В уезде Дыктхо конфискация частных земель у помещиков была произведена в че-

Таблица 5

Конфискация земель у помещиков в провинции Хатинь

Уезд	Число общин, в которых была конфискована помещичья земля	В том числе общин, в которых не было Советов	Площадь конфискованной земли, мау
Канлок	3	—	30,3
Дыктхо	4	—	402
Хыонгкхе	1	1	27
Нгисуан	1	1	14
Отобрано у тайного агента Луена . . .	—	—	35
Помещик Буй Хан добровольно передал землю	—	—	44
Итого . . .	9	2	552,3

тырех са, в уезде Канлок — в трех са, в уездах же Хыонгкхе и Нгисуан конфискация затронула только по одному са. В первую очередь конфискации подлежали земли тех помещиков, которые сотрудничали с колонизаторами или состояли у них на службе. Были и такие случаи, когда помещик добровольно уступал землю Советам. Так было в уезде Канлок, где помещик Буй Хан выделил Советам 44 мау. Отмечались также и такие случаи, когда народная власть конфисковала у тайного агента Луена 35 мау земли. Конфискованные помещичьи земли были распределены между крестьянами-бедняками. Так, в са Дыклам и Дыктхань (уезд Дыктхо) народная власть передала частные земли бригадам крестьянского союза для совместного пользования [7].

О том, почему конфискация помещичьих земель имела место только в провинции Хатинь, уже было сказано выше. Здесь хотелось бы добавить, что в уезде Канлок, являвшемся одним из центров революционно-

[7] В 1932 г., после спада революционного движения, эти земли были вновь отобраны у крестьян и переданы помещикам.

го движения в провинции Хатинь, борьба за Советы продолжалась до начала 1932 г., тогда как в Нгеане это движение уже к концу 1930 г. постепенно пошло на убыль. Кульминационная точка революционного движения в Нгеане приходится на октябрь 1930 г., тогда как в уезде Канлок (провинция Хатинь) — на март 1931 г. К этому времени прошло уже шесть месяцев с момента принятия на октябрьском пленуме ЦК КПИК программы КПИК (Политических тезисов). Надо полагать, что основные положения этой программы, в том числе и решения по аграрному вопросу, уже были доведены до сведения участников движения Нге-Тиня. Упомянутая программа гласила: «Конфисковать все земли, принадлежащие иностранным и местным помещикам и католической церкви, с передачей их беднякам и середнякам» [64, 78—89].

Еще одной особенностью революционного крестьянского движения в Хатине было то, что в этой провинции была быстро воспринята идея коллективного ведения хозяйства. Так, в са Фулок (уезд Канлок), в са Дыктхань (уезд Дыктхо) и других местах крестьяне под руководством Советов приступили к коллективной обработке земли. В Фулоке во время майской жатвы 1931 г. на полях тех, у кого рис уже созрел, собирались все односельчане и сообща собирали урожай. Владельцы буйволов давали их в общее пользование для сбора урожая и обработки земли. Весь рис собирался коллективно, а затем распределялся подушно между семьями. Такая коллективная обработка земли и сбор урожая отмечались не повсеместно, а только в уездах Канлок и Дыктхо, где имелось большое количество конфискованных помещичьих земель, распределенных затем среди крестьян. Политико-воспитательная работа среди крестьян стояла здесь выше, чем в других уездах, и коммунисты имели большое воздействие на массы. В этом была заслуга местной организации КПИК, которая сумела организовать и направить борьбу трудового народа за свои жизненно важные права.

Несмотря на то что общая площадь конфискованных у помещиков земель была сравнительно незначительной (8,2% изъятых в Нге-Тине общинных земель), конфискация была чрезвычайно важным фактом, свидетельствующим о характере народной власти. Ликвида-

ция частной собственности на землю во время Советов также свидетельствовала о подлинно революционном характере движения за Советы. Однако то, что Советы решили конфисковать помещичьи земли не до конца, а лишь частично, и не во всех уездах, говорило об ограниченности действий Советов.

Революционность советского движения четко проявилась также при решении вопроса об общинных землях. Если в период, предшествовавший образованию Советов, лозунг борьбы за возвращение общинных земель сводился только к требованию реформ в соответствии с издавна существовавшей системой общинных земель, то после создания Советов движение за возвращение общинных земель имело уже подлинно революционный характер. Это отчетливо проявилось в конкретных действиях Советов в отношении общинных земель.

Конфискация общинных земель в различных са и уездах имела свои особенности. Как известно, народная власть была установлена в обстановке, когда власть колонизаторов и вьетнамских феодалов в са распалась, а общинное начальство либо бежало в уездные центры, либо послушно следовало указаниям революционных сил, но собственной инициативы не проявляло. Лишь незначительная часть бывшей общинной верхушки принимала участие в революционном движении. Сложившаяся ситуация требовала от крестьянских союзов, которыми руководили сельские ячейки КПИК, взять на себя ответственность за управление общиной. Поскольку, однако, все документы (долговые обязательства, реестры и т. п.) по-прежнему находились в руках деревенских чиновников, необходимо было для конфискации общинных земель изъять эти документы. Изъятие проходило в различных са по-разному. В одних са Советы направляли кадрового работника к местным властям для изъятия реестров и прочих документов, чтобы затем объявить о конфискации общинных земель. В других са чиновников заставляли дать письменное обязательство о возвращении общинных земель крестьянам. Так, например, в са Намфук (уезд Намдан) руководители Советов созвали население на собрание, куда чиновники принесли все реестры и на глазах всех присутствующих сожгли их, провозгласив конфискацию общинных земель. В некоторых са созывались митинги

крестьян, участники которых затем организованно направлялись к домам чиновников и требовали от них возвратить захваченные земли общине. Напуганные чиновники, как правило, соглашались возвратить земли и в ряде мест (са Фукшон, уезд Аньшон) сами участвовали в их распределении среди крестьян. В некоторых са чиновники сами явились в Советы с просьбой принять у них общинную землю. Подобным образом было возвращено крестьянам 80 мау общинных земель. Там, где помещики и чиновники не хотели добровольно вернуть землю, Советы силой отбирали ее.

Необходимо отметить, что абсолютное большинство изъятых у деревенской верхушки общинных земель было отдано в индивидуальное пользование, в том числе семьям бедняков. Многие семьи в уездах Нгилок, Тханьтыонг и Аньшон, получившие таким образом общинную землю, пользовались ею вплоть до аграрной реформы в ДРВ в 1953 г. Были и такие са, в которых Советы наделили землей всех крестьян, достигших 18 лет, без различия пола. Иногда земли распределялись между бедняками по числу едоков в возрасте от одного года без различия пола. Такое распределение земли имело революционный характер, ибо в колониальный период только мужчины в возрасте от 18 лет и старше, платившие подушный налог, имели право на получение в пользование общинной земли. Женщины вообще не пользовались при колониальном режиме никакими политическими и экономическими правами, а переселенцы не имели права претендовать на пользование общинными землями.

Таким образом, можно сказать, что деятельность Советов при решении аграрного вопроса была пронизана идеями демократии, равенства и гуманности. При разделе земли крестьянские Советы, как правило, предоставляли преимущество тем семьям, члены которых активно участвовали в революционном движении или погибли в борьбе за народное дело. В целом же при распределении общинных земель Советы восстанавливали права крестьян на пользование ими.

В ряде мест, как уже отмечалось, конфискованные земли не только делились между крестьянами, но и использовались в интересах всего села или коллектива. В этом случае конфискованные земли передавались

бригадам крестьянского союза для совместной обработки. В са Дыктхань (уезд Дыктхо, провинция Хатинь) Советами был организован крестьянский комитет по руководству бригадами, в которых существовали четкие принципы распределения продукции. Во всех случаях, несмотря на различные способы использования земель, отмечалась совершенно новая черта установления коллективной собственности на землю. В некоторых са Советы отдавали конфискованные общинные земли в пользование целым деревням или какой-либо части деревни, с тем чтобы крестьяне обрабатывали эти земли поочередно.

При распределении земель и вообще при решении аграрного вопроса не обошлось и без ошибок. Так, в некоторых са революционная власть проводила раздел земли среди беднейшего крестьянства с учетом только мужского населения. В других са были проведены аукционы, на которых продавались конфискованные земли, а вырученные деньги использовались для общественных целей (уезд Тханьтыонг). Отмечались также случаи, когда помещиков принуждали выкупать общинные земли, а вырученные средства шли на уплату податей [120, 14]. Такие методы реализации конфискованных земель были направлены лишь на решение непосредственных нужд и не выражали революционный характер советского движения. Уплата крестьянских податей сама по себе означала признание власти противника, а продажей земли помещику укреплялось его право частной собственности на землю.

Ошибки в решении Советами аграрного вопроса свидетельствовали о недостаточной зрелости руководителей и об огромном влиянии на вьетнамского крестьянина традиций, в том числе традиционной системы раздела земли. Впрочем, в том, что формы распределения земель не полностью и не повсеместно носили революционный характер, следует видеть не только влияние прежней системы использования общинных земель, но и отражение специфики борьбы в различных са. Действительно, факты свидетельствуют, что в общинах, где распределение земель было осуществлено по-старому, Советы были непрочными или вообще не были созданы. В тех са, где Советы не были установлены, а общинные земли под давлением народных масс были кон-

фискованы, естественно, форма их использования не могла носить последовательный революционный характер. Так было в 16 са (3 са в провинции Нгеан и 13 са в провинции Хатинь), где не были установлены Советы, но был произведен раздел общинных земель. Имелись и такие общины, в которых, напротив, хотя и были установлены Советы, однако аграрный вопрос так и не был решен. Главную причину подобного положения следует видеть в том, что в этих са Советы существовали недолго и поэтому не успели как следует укрепиться и провести демократические преобразования: новая власть еще не успела разделить общинные земли, а движение уже пошло на убыль. Всего насчитывалось 19 са (5 в провинции Хатинь и 14 в провинции Нгеан), где Советы были установлены, но общинные земли не были распределены.

Несмотря на то что в решении вопроса об общинных землях были недостатки и ошибки, общие результаты разрешения аграрной проблемы Советами Нге-Тиня оказались весьма значительными. Выше уже говорилось, что, по далеко не полным данным, в провинции Нгеан было конфисковано 4953,5 мау, а в провинции Хатинь — 1765 мау земли [120, 17]. Крестьяне успели снять с этих земель по одному-два урожая, после чего большая часть их была вновь отнята чиновниками и деревенской верхушкой. Однако в ряде са, как отмечалось, крестьяне смогли удержать эти земли. Главным же результатом революционных завоеваний Советов Нге-Тиня в области аграрных отношений было то, что им удалось впервые в истории Вьетнама решить в значительной степени такой вопрос, как возвращение крестьянам общинных земель, а также поставить в повестку дня вопрос о конфискации помещичьих земель. Это было шагом на пути к аграрной революции, осуществление которой стало возможно в ДРВ после победы народной власти.

Значительную работу проделали Советы Нге-Тиня и в области культуры, здравоохранения и социального обеспечения.

После установления народной власти культурная жизнь в провинциях Нгеан и Хатинь заметно оживилась. Широкие слои крестьян активно включились во все мероприятия, проводимые сельскими народными

представителями. На многочисленных митингах и собраниях представители «са бо нонг» разъясняли крестьянам сущность и задачи Советов. Агитаторы читали крестьянам газеты и политическую литературу, разъясняли содержание прочитанных материалов и политику КПИК. Самой популярной литературой в это время были журнал «Коммунист» («Тап ти конг шан»), книга Хо Ши мина «Дневник кораблекрушения» («Нят ки там там»), а также работы основоположников марксизма-ленинизма, «История Интернационала» («Лить шы куок те») и «Вопросы и ответы по революционной теории» («Ли луан кать манг ван дап») [85, 36].

В отличие от других партий КПИК обращала большое внимание на пропагандистскую работу. Ею издавались многочисленные газеты как в центре, так и на местах. Интересно отметить, что Национальная партия, которая в эти годы вела борьбу с КПИК за руководство национально-освободительным движением, на протяжении трех лет своего существования смогла наладить издание всего лишь одной газеты «Хон ныок» («Душа страны»), да и то вышел лишь один номер. На страницах этой газеты больше писалось об изготовлении бомб, чем велась партийная пропаганда. КПИК не только издавала собственные газеты, но и помогала в издании печатных органов профсоюзным организациям. Среди них отметим газеты «Лао донг» — орган профсоюзной организации Кохинхины, «Тхунг зау» («Бак горючего») — орган профсоюзов предприятий «Нябе», «Лао кхо» — профсоюзную газету в Бентхюи, «Симоонг» («Цемент») и «Бойбеп» («Повар») — в Хайфоне, «Сегонг» («Вагонетка») и «Дыонг зай» («Рельсы») — в Хонгае. Следует отметить, что, в то время как в Кохинхине собственную газету издавал единый профсоюзный центр, в Тонкине и Аннаме таких центров еще не было и газеты издавались только профсоюзными организациями, созданными на промышленных предприятиях и называвшимися красными профсоюзами.

Кроме газет по инициативе КПИК выпускалось много журналов, брошюр, политических листовок, которые широко распространялись среди населения. Агитаторы КПИК наряду с центральными газетами и журналами распространяли уже упоминавшиеся выше подпольные издания провинциального комитета Нгеана: «Буа лием»,

«Ко во шан», «Сонг кать манг», «Тиен лен», «Чань дау», «Боншевить», «Ла ко конг шан», «Ко до». В период Советов Нге-Тиня выходили «Нгеан до», «Тап ти кать манг», «Быок той» и др. [85, 36].

С созданием Советов революционное движение приобрело широкий размах, охватив многие провинции, уезды и волости страны. Чтобы информировать население о ходе борьбы, ЦК компартии начал выпускать специальный бюллетень «Тин чань дау» («Новости борьбы»), в котором давалась информация о различных событиях революционного движения и разъяснялись политические вопросы. В первом номере бюллетеня говорилось о том, что он ставит перед собой задачу рассказать правду о жизни трудового народа, информировать народ о борьбе рабочих и крестьян за свои права. В бюллетене печатались статьи о Советах Нге-Тиня, разъяснялась сущность народной власти и содержались призывы вести борьбу с империалистами и местными реакционерами.

Пропаганда в печати, организованная компартией и оказывавшая глубокое воздействие на революционную борьбу трудящихся, была лишь частью общей работы партии по воспитанию трудящихся в духе марксизма-ленинизма и мобилизации их сил на борьбу с империализмом и феодализмом. Широкое распространение коммунистами революционной литературы способствовало внесению в массы марксистско-ленинских идей, распространению правды о Советском Союзе и коммунизме. В тех са, где были установлены Советы, впервые за всю историю Вьетнама население могло свободно читать марксистскую литературу. С помощью революционной прессы вьетнамские коммунисты воспитывали трудовой народ в духе интернационализма, призывали его к выступлениям в поддержку трудящихся всего мира, и в частности колониальных народов. Борьбу вьетнамского народа за свою независимость коммунисты считали частью общего мирового революционного процесса. «Индокитайская революция, — писала газета „Во шан“, — это составная часть мировой пролетарской революции. Из этого следует, что для полной победы индокитайский пролетариат должен тесно сплотиться с международным пролетариатом, и в первую очередь с рабочим классом СССР, Китая, Франции и Индии, и

бороться под знаменем III Коммунистического Интернационала» [161, 31.X.1930].

В тех са, где были установлены Советы, коллективная читка газет стала важным средством политического воспитания и просвещения трудового народа. Каждый вечер население са собиралось в общинном доме (динь) для чтения коммунистических газет и отдельных журнальных статей. Население проявляло большой интерес к политической литературе, принимало активное участие в событиях. В бюллетене «Тин чань дау» от 26 ноября 1930 г. отмечалось, что в деревне Нгуетбанг 150 крестьян провели демонстрацию, которую возглавила женщина-агитатор. Затем демонстранты собрались в общинном доме, где выступили представители студенческого и женского союзов. Они читали и разъясняли коммунистические газеты. На следующий день крестьяне снова провели коллективное чтение газет [160, 26.XI.1930].

Установление народной власти коренным образом изменило быт и весь уклад жизни трудящихся. Советы создали сеть культурно-массовых учреждений, обратив особое внимание на организацию народного просвещения. Была развернута борьба по ликвидации неграмотности. Во всех селах были открыты школы и курсы по обучению чтению и письму на родном языке. Обучение в школах и на курсах было бесплатным, учащимся оказывались материальная помощь и поддержка. Одним из недостатков в деле организации просвещения было отсутствие новых революционных книг и преподавательских кадров. В тех са, где существовали Советы, это отчасти компенсировалось созданием пропагандистских групп и кружков, которые вели большую воспитательную работу среди трудового крестьянства.

Во всех мероприятиях, направленных на ломку старого уклада, партийные организации в са опирались на революционно настроенную молодежь, которая активно участвовала в строительстве новой жизни, оказывала всемерную помощь народной власти.

Большое значение имела также политика народной власти, направленная на раскрепощение женщин. Женщины были освобождены от эксплуатации господствующих классов и раскрепощены в семье, они были уравнены в правах с мужчинами. Газета «Фонг чао кать

манг» во втором номере за 1930 г. писала, что «в освобожденных селах установлено полное равенство между мужчинами и женщинами» [133а, 1930, № 2]. Результатом было пробуждение вьетнамских женщин к активной политической деятельности, в которой проявился их подлинно революционный энтузиазм, служащий ярким подтверждением слов В. И. Ленина: «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины» [27, 186].

Советы разъясняли населению вредность различных предрассудков и обычаев, призывая отказаться от них [126, 52]. Решением административного комитета во многих са были запрещены азартные игры. Большая работа была также проведена по борьбе с кражами и грабежом. По признанию самих жителей, в дни Советов они «жили мирно и дружно, не было необходимости ночью закрывать двери» [85, 39].

Советы провозгласили бесплатную медицинскую помощь населению, защиту и охрану материнства. Семьи, пострадавшие во время репрессий, были предметом особой заботы Советов.

Газета «Лао кхо» следующим образом характеризовала изменения, происшедшие в освобожденных сельских общинах: «В селах, где установлена власть Советов, несправедливых судов больше не существует. Если требуется решить какой-либо конфликт, то наши братья и сестры делают это сами, не обращаясь к старосте. Народ сам защищает свою власть. Он заставил помещиков вернуть беднякам рис. В некоторых селах земли помещиков поделены между беднейшими крестьянами. Наши братья и сестры могут теперь свободно собираться в любое время, чтобы обсуждать свои дела, могут проводить митинги и манифестации. Наши братья ликвидировали прежнюю деревенскую полицию и создали свои отряды самообороны, чтобы самостоятельно бороться с агентами империалистов и защищать крестьян» [153, 5.X.1931].

Таким образом, новая власть провела в сельских общинах провинций Нгеан и Хатинь ряд преобразований, направленных на ломку старого, феодального уклада жизни и создания вместо него новых, прогрессивных отношений. Анализ проведенных демократических преоб-

разований показывает характер Советов, основная задача которых сводилась к ликвидации колониального гнета и феодальных пережитков и установлению революционной диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Осуществляя демократические преобразования, Советы Нге-Тиня одновременно вели ожесточенную борьбу против контрреволюции. В октябрьском письме ЦК КПИК 1930 г. отмечалось, что «судьба крестьян и крестьянок двух провинций Нге-Тиня сейчас зависит от степени поддержки и защиты всех рабочих и крестьян страны». «Члены партии, — указывалось в письме, — обязаны повсеместно сосредоточить все свои усилия на защите борьбы крестьян Нге-Тиня» [63, 54]. Эта защита стала главным содержанием деятельности партии на следующем этапе революционного движения.

Глава IV

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ В ЗАЩИТУ СОВЕТОВ НГЕ-ТИНЯ

Как уже отмечалось, советское движение во Вьетнаме в 1930—1931 гг. распадается на два этапа. На первом этапе, начавшемся в сентябре и продолжавшемся до конца 1930 г., основным центром движения была провинция Нгеан, на втором этапе, длившемся с декабря 1930 до середины 1931 г., центр переместился в провинцию Хатинь. На протяжении всего указанного времени трудящиеся обеих провинций вели трудную борьбу против колониальных властей и местных феодалов, помещиков и кулаков, пытавшихся подавить национально-освободительное движение в Нгеане и Хатине и помешать его распространению на остальные районы страны. С этой целью империалисты и их пособники, с одной стороны, усилили политику репрессий, а с другой — всячески пытались дискредитировать идею Советов, подорвать проведение в жизнь революционных преобразований, расколоть революционное движение посредством подкупов, создания различных подрывных организаций и т. п.

Планы колонизаторов по подавлению революционного движения и начало их проведения в жизнь

Подъем революционного движения во Вьетнаме, начавшийся в мае 1930 г., сильно встревожил колониальные власти и местную реакцию. Министр колоний Франции предоставил генерал-губернатору Индокитая Паскье полную свободу действий для подавления революционного движения. В директиве по этому поводу указывалось на необходимость «применения самых ре-

шительных репрессивных мер, не считаясь ни с какими жертвами» [108, 31].

Исполняя директиву министра, колониальные власти прибегли к жестоким репрессиям. Уже бомбардировка авиацией 12 сентября 1930 г. колонны демонстрантов в Хынгнгуене ознаменовала начало белого террора против революционных сил. Однако дальнейший подъем революционного движения и образование Советов в провинциях Нгеан и Хатинь показали колонизаторам, что принятых мер недостаточно. Генерал-губернатор Паскье и марионеточный вьетнамский император возложили руководство подавлением Советов Нге-Тиня на известного своими реакционными взглядами политического деятеля марионеточного «правительства Аннама» Нгуен Хыу Бая, который срочно выехал в упомянутые провинции для изучения обстановки. По возвращении в Хюэ он предложил колониальным властям и императору план, выполнение которого, по его расчетам, должно было привести к подавлению революционного движения.

Основные положения плана Нгуен Хыу Бая сводились к следующему:

1. Создание вокруг каждой деревни в провинциях Хатинь и Нгеан военных постов (дон бинь), которые должны были контролировать все дороги и населенные пункты, разгонять демонстрации и митинги, подавлять Советы там, где они были установлены, восстанавливать старую власть и арестовывать руководителей революционного движения.

2. Организация полицейских отрядов в тхонгах — во главе с начальником полиции тхонга (тань фо тхонг доан), в са — во главе с начальником полиции са (са доан чыонг), в хюенах — во главе с начальником полиции хюена (тань фо хюен доан). Указанные полицейские органы деревни, са и уезда должны были быть хорошо вооружены, и им вменялось в обязанность выполнять все распоряжения военных постов, согласовывать с ними свои действия и в случае необходимости быстро приходить им на помощь.

3. Создание в деревнях советов родового представительства (хой донг ток биеу). Каждая семья была обязана выделить в родовое представительство одного представителя (ток биеу), который должен был нести

ответственность перед властями за поведение всех членов своей семьи.

4. Возвращение куанов — уроженцев провинций Нгеан и Хатинь, ранее служивших в других провинциях, в родные места и включение их в активную борьбу с революционным движением.

5. Возвращение в указанные провинции всех родившихся в них лиц, при условии если они не были замешаны в революционном движении; в противном случае их возвращение на родину запрещалось.

6. Использование в целях пропаганды газет, песен и бесед.

Руководство проведением в жизнь этих мероприятий было поручено начальнику политического департамента и государственной безопасности генерал-губернаторства Индокитая Луи Марти и двум сотрудникам тайной полиции — Бийе и Роберу[1]. Тайная полиция получила указание усилить свою деятельность не только в НгеТине, но и во всех провинциях и уездах. Одновременно было принято решение направить в Нгеан специальную комиссию во главе с министром юстиции «правительства» Бао Дая — Тон Тхат Даном [142, 19.IX.1930].

В сентябре 1930 г. верховный резидент Аннама и министр Тон Тхат Дан прибыли в Винь, чтобы непосредственно руководить подавлением революционного движения. Было опубликовано обращение к населению, запрещающее всякого рода собрания, численность которых превышает 50 человек. Полиции был дан строгий приказ разгонять манифестации, а в случае неподчинения манифестантов стрелять по ним. Представители протектората и аннамского правительства объявили, что возмещение убытков по восстановлению разрушенных манифестантами частных и государственных зданий будет возложено на сельские общины, на территории которых происходили манифестации [49, 16]. Помимо этого, верховный резидент Аннама по согласованию с марионеточным правительством дал указание всем

---

[1] Л. Марти в 1933 г. опубликовал документы для служебного пользования под названием «История политических движений во Французском Индокитае» в пяти томах [66—70]. Комиссар полиции Бийе, как уже отмечалось, опубликовал в том же году книгу для служебного пользования «Индокитайская коммунистическая партия, ее возникновение и организация» [100].

резидентам и губернаторам провинций довести до сведения населения специальный циркуляр, гласивший, что: 1) всякая попытка нарушения порядка будет пресекаться вооруженной силой; 2) нотабли несут личную ответственность за все беспорядки, происшедшие на территории вверенных им деревень; 3) все деревни обязаны обеспечить наблюдение и защиту своих территорий от коммунистов; 4) будут приняты строгие меры в отношении деревень, подпавших под влияние коммунистов; 5) власти общины обязаны передавать всех коммунистических вожаков в руки властей; 6) деревни не должны допускать на свою территорию посторонних лиц; деревенские власти обязаны требовать удостоверения личности у незнакомцев [142, 9.X.1930]. При этом резидент обращал особое внимание деревенских чиновников — кимуков на то, чтобы они особенно тщательно следили за деятельностью коммунистов, предписывая арестовывать их и передавать властям [135, 11.X.1930].

Колониальные власти решили прибегнуть к жесточайшему террору против революционного движения, используя для этого все средства: колониальную армию, полицию, суды, трибуналы, цензуру и органы пропаганды. Опасаясь, что солдаты-вьетнамцы будут общаться с населением и присоединятся к революционному движению, власти поспешили вывести их из охваченных волнением районов. В уездах Долыонг, Тханькуа, Тханьтыонг, Намдан, Хынгнгуен местные солдаты были заменены французскими [50, 22]. На подавление революционного движения были посланы солдаты из горных племен и народностей (тхай, таи, мыонг и др.), а также 9 тыс. солдат Иностранного легиона, ранее находившихся в других колониях. Города и промышленные предприятия охранялись войсками и колониальной полицией. Так, гарнизон Виня сразу после сентябрьских событий получил большие подкрепления, было создано специальное подразделение из войск военного округа провинций Нгеан и Хатинь и усилена местная охрана. Кроме того, были сформированы специальные карательные отряды для подавления выступлений рабочих и крестьян. Первый такой отряд начал действовать 6 октября в районе Фуса (на юго-западе Виня), второй отряд действовал на юге Тханьтыонга, третий был направлен в провинцию Хатинь, где 8 октября про-

изошло его столкновение с манифестацией, направляющейся к центру этой провинции [50, 15].

Вскоре после начала движения провинции Нгеан и Хатинь были объявлены на военном положении; все дороги строго контролировались колониальными войсками. С октября 1930 г. власти приступили к систематическому усилению военных постов и увеличению их личного состава. Так, в уезде Тханьтыонг, где революционное движение приняло широкий размах, было учреждено 16 военных постов, 4 из которых обслуживались солдатами Иностранного легиона. Газета «Тиенг зан» в начале 1931 г. писала о создании 26 новых военных постов (4 — в уезде Намдан, 4 — в Чанчуенге, 4 — в Нгилоке, 3 — в Куиньлыу, 1 — в Иентхане и 5 — в Аньшоне) [135, 7.II.1931]. Всего было создано 122 таких поста, из них 68 в Нгеане и 54 в Хатине [86, 55].

Военные посты строились на возвышенных местах, откуда было легко наблюдать за местностью. Численность войск каждого поста определялась исходя из численности революционных сил в данном районе, стратегической значимости местности, ее близости к городу или железной дороге и т. д. Численность гарнизона больших постов могла доходить до 400—500 человек.

Основная задача постов заключалась в подавлении революционного движения, ликвидации Советов, аресте революционеров, защите деревенских старост и нотаблей и восстановлении в деревнях старых органов власти. Строительство военных постов нередко сопровождалось уничтожением крестьянских жилищ. Колониальная администрация учредила в деревнях также полицейские отряды, которые оказывали помощь регулярным войскам и военным постам.

Помимо организации военных постов и полицейских отрядов колониальным властям, выполнявшим план, предложенный Нгуен Хыу Баем, удалось сформировать в каждой деревне родовое представительство. Главе семьи вменялось в обязанность держать в повиновении ее членов и нести за них полную ответственность. Родители отвечали за своих детей и должны были делать все от них зависящее, чтобы дети не участвовали в революционном движении, в противном случае родители несли ответственность за них перед властями. Куаны, уроженцы провинций Нгеан и Хатинь, были мобилизо-

ваны и посланы в эти провинции для использования их знания людей и местности.

Борьба против Советов сопровождалась жесточайшим террором и физическим уничтожением тысяч людей. Во вьетнамских материалах указывается, что невозможно точно подсчитать количество жертв. Так, во время манифестации против белого террора в деревне Кимлиен (уезд Намдан) было убито 40 человек, столько же было убито в деревне Фотяу (уезд Хыонгшон); 47 человек были расстреляны в деревне Каубунг (уезд Зиентяу), 24 — в деревне Иентхань, 43 — в Канлоке, 142 человека — в деревне Нгоклам (уезд Тханьтыонг). В передовой статье коммунистической газеты «Во шан», озаглавленной «Против террора», говорилось: «За 1930 г. французские колонизаторы арестовали свыше 3 тыс. человек. Расстреляно 500 человек. Несколько десятков деревень разрушено и сожжено бомбами с самолетов. 1800 человек сослано в Гвиану. 100 человек погибли на гильотине» [161, № 4, декабрь 1930].

Тюрьмы, в которые заключались арестованные при разгоне манифестаций и митингов, были переполнены, строились новые тюрьмы, в том числе и при военных постах. О том, как обращались в тюрьмах с арестованными, писала газета «Чунг лап бао»: «Заключенных заковывают в кандалы, им завязывают глаза, затыкают уши и сажают в джутовые мешки, чтобы они не могли видеть дорогу, по которой их везли. Многих увозят в другие страны и продают в рабство» [46, 68].

На страницах прогрессивных газет того времени можно найти многочисленные материалы о расправах колониальных властей с населением. Так, газета «Лао кхо» писала об издевательствах солдат колониальных войск над женщинами во время демонстрации 8 сентября 1930 г. в районе Хатиня. Другая газета, «Нгеан до», посвятила несколько номеров зверской бомбардировке мирной демонстрации населения Хынгнгуена 12 сентября. В печати сообщалось, что в уезде Тханьтыонг провинции Нгеан были расстреляны 103 человека. В провинции Нгеан только в 7 манифестациях было убито 393 человека, многие деревни, где были установлены Советы, были стерты с лица земли [63, 51]. Было сожжено и уничтожено несколько тысяч домов в селах Иенфук, Иентхо, Доиен (уезд Хынгнгуен), Нгокшон, Катн-

ган, Волиет, Куангса, Тувиен, Диенчанг (уезд Тханьтыонг), Фуса, Фувиет, Суанвиен, Мисуен, Хыутхе, Фунинь, Тыонгса (провинция Хатинь). К концу сентября 1930 г. только в одной деревне Тиньтхать (уезд Канлок) было уничтожено 35 домов [86, 63].

Колониальные войска не только разрушали и жгли крестьянские дома, грабили население, они производили казни на месте без суда и следствия и создавали в каждом селе тюрьмы, куда бросали всех подозреваемых в революционном движении. Так, на постах Куиньлыу и Нгилок казнили, сажая на кол. В Хынгнгуене «специализировались» на казни с помощью бамбуковых кольев, в Зиентяу отрубали головы, в Тханьтыонге отсекали головы и сажали их на пики, в Аньшоне заключенных отдавали на съедение собакам и т. д.

Несмотря на жесточайшие репрессии, коммунисты призывали народ к сопротивлению реакции, боролись против создания военных постов, разрушения деревень и зверств. В тюрьмах арестованные коммунисты вели мужественную борьбу за свои права. Из числа заключенных избирался комитет для защиты интересов больных; среди арестованных каждой камеры выбирался старший, на которого возлагалось установление связи с другими камерами. Заключенные часто объявляли голодовки, боролись против телесных наказаний, за улучшение питания и свободу общения между собой. Так, когда революционер Нгуен Хыу Дык, не выдержав пыток, покончил жизнь самоубийством в тюрьме г. Виня, заключенные в знак протеста против зверского обращения с их товарищем объявили голодовку. Пять дней длилась борьба, и заключенные добились успеха. Начальник тюрьмы дал согласие на то, чтобы в течение дня двери камер были открыты, что давало заключенным возможность общаться и свободно посещать баню. Было дано также обещание улучшить питание.

Заключенные в тюрьме Виня не только успешно боролись за свои права, но и смогли установить связь с населением провинции Нгеан. Более того, они начали вести разъяснительную работу среди солдат, охранявших тюрьму. Некоторые солдаты сочувственно относились к революционерам и в отдельных случаях не только помогали им, но и переходили на их сторону. Так, немец-легионер Ман Ханг (это его вьетнамское имя.—

С. М.), относившийся с большей симпатией к революционерам, начал писать листовки на немецком языке, которые затем распространял среди немецких солдат в казарме. Позднее он был арестован и приговорен к шести годам тюремного заключения.

Заключенных отправляли из Виня в ссылку в различные районы страны: в Контум, на о-в Пулокондор, в Лаобао и Нячанг. Во время отправки заключенных из Виня городское население провожало их, снабжая пищей, табаком и одеждой. Об этих проводах сложены многочисленные стихи и песни. Вот одно из таких стихотворений [85, 50]:

До свиданья, мой край. Нас сегодня угонят в Нячанг.
Зло, в добро обратясь, победило в суровом споре.
Потеряю я счет этим длинным бессонным ночам,
Размышляя о доме и о материнском горе.
Нам не раз приходилось в бою до конца стоять.
Наша вера крепка, как и прежде, и дух наш молод.
Мы вернемся в свой край и над ним водрузим опять
Знамя наших побед, на котором начертаны серп и молот [2].

В 1933 г. Л. Марти писал о событиях в Нгеане и Хатине: «Волнения, вызванные коммунистической агитацией на протяжении 1930—1931 гг. в некоторых районах Аннама, были так жестоко подавлены местными властями, как никогда ранее с момента французского завоевания. Колониальная администрация полностью сознает, что она оказалась на высоте своей задачи, и ее деятельность заслужила похвалу французского правительства» [69, 4]. Колониальные власти делали все возможное, чтобы подавить революционное движение, воспрепятствовать его распространению на всю страну.

Войска, посланные на подавление революционного движения, были вооружены до зубов. «Политика империалистов, — отмечалось в решении октябрьского пленума ЦК КПИК, — направлена теперь на разгром революционного движения, в первую очередь коммунистического, которое они хотят уничтожить в зародыше. Они не только казнят революционеров на гильотине, ссылают и бросают их в тюрьмы. Они расстреливают и бом-

---

[2] Перевод стихов с вьетнамского яз. здесь и далее принадлежит Ю. Исакову.

бят народ, арестовывают и убивают бастующих рабочих. Одновременно они клевещут на коммунистов и на Советский Союз» [97, 40].

Борьба в поддержку Советов (октябрь—декабрь 1930 г.)

В ответ на репрессии властей КПИК призвала народ организовать всеобщее движение в поддержку Советов Нге-Тиня. В решениях ЦК КПИК подчеркивалось: «В настоящее время необходимо развертывать революционное движение, решительно противостоять белому террору... Необходимо постоянно напоминать товарищам о том, что общая точка зрения партии состоит в развертывании руководства борьбой масс, расширении забастовочного движения, демонстраций, проведения мощных выступлений в поддержку каждодневных интересов, в сопротивлении террору, во взаимной поддержке, в мобилизации масс на борьбу с террором для осуществления революции» [125, 30]. Таковы были методы и формы борьбы, которые ЦК определил, исходя из конкретной обстановки.

По призыву и под руководством Коммунистической партии рабочие и крестьяне во всех частях страны (Чунгки, Намки и Бакки) выступали в поддержку и защиту Советов. Повсюду проходили многолюдные митинги и демонстрации под лозунгами: «Повысить заработную плату», «Сократить рабочий день», «Уменьшить налоги», «Защитить рабочих и крестьян провинций Нгеан и Хатинь». Рабочие и крестьяне вооружались всем, чем могли (палками, кинжалами, ножами, гранатами, винтовками), и организованно, многотысячными колоннами направлялись к уездным центрам, чтобы выразить свой протест против белого террора и репрессий. Репрессии и террор колонизаторов вызвали обратную реакцию: все прогрессивные силы объединились в борьбе против империалистов и феодалов.

Прогрессивная печать, особенно коммунистическая, призывала народ к активным действиям против белого террора, в поддержку Советов Нге-Тиня, разъясняла народу сущность Советов и политику компартии. Газета «Зак нго» писала: «Когда угнетенные классы: рабочие, крестьяне, солдаты и весь бедный люд осознают

преступления стоящих у власти феодалов и империалистов, когда эксплуатируемые начинают понимать, что их эксплуатируют потому, что они лишены власти, они объединяются, свергают феодалов и империалистов, устанавливают власть рабочих, крестьян, солдат и бедняков. Все это и называется Советской властью» [148, 21.IX.1930]. Газета «Лао кхо» также призывала к борьбе за интересы рабочих и крестьян: «Только энергичной борьбой, организованной под руководством компартии, можно противопоставить себя империализму. Необходимо активно поддерживать крестьян и рабочих Нге-Тиня». Газета отмечала, что «в деревнях власть находится в руках крестьянских союзов. Надо объединить все прогрессивные силы для борьбы» [153, 3.X.1930].

Революционная пресса вела активную наступательную пропаганду, указывая, что отдельные неудачи и поражения в борьбе не должны служить причиной спада революционного движения. Призывая не поддаваться унынию, революционная пресса разъясняла массам, что революционное движение, подобно волнам, может то наступать, то отступать. Поэтому, если в отдельных местах движение переходит к обороне или терпит поражение, это отнюдь не означает, что оно погибло вообще. Временное отступление означает лишь необходимость серьезной подготовки к будущему наступлению, чтобы добиться окончательной победы. Революционная пресса в рассматриваемый период сыграла большую роль в пробуждении трудового народа к активной борьбе, хотя в ряде случаев отдельные газеты допускали публикацию левацких призывов.

Колониальные власти и императорская администрация оказались в затруднительном положении: проводившаяся ими политика репрессий и террора против революционного движения не только не дала положительных результатов, но и еще больше озлобила народные массы, способствуя расширению антиимпериалистического и антифеодального фронта. Революционные организации (Коммунистическая партия, крестьянские союзы, профсоюзы, молодежные организации и др.) укрепили свои позиции в деревнях, где старая власть — опора колонизаторов была к этому времени уже свергнута и число Советов продолжало расти. Правда, в уездных центрах этого не произошло, и империалисты

и местная реакция смогли превратить уездные центры и города в базы формирования реакционных сил для наступления против Советов. Однако на первых порах колониальные власти не смогли добиться в этом сколько-нибудь значительного успеха, столкнувшись с рядом трудностей на пути выполнения плана Нгуен Хыу Бая.

Созданные колонизаторами родовые представительства не смогли функционировать, они не пользовались авторитетом у населения, которое быстро разгадало истинную цель их создания. Многие из деревенских полицейских являлись членами крестьянских союзов и отрядов самозащиты, в задачу которых входила охрана революционных организаций. Не имела успеха и политика использования против революционного движения чиновников — уроженцев провинций Нгеан и Хатинь. Эти чиновники, как правило, не осмеливались даже появиться в деревнях, где прежнее управление было ликвидировано. Со своей стороны, оставшиеся в селе чиновники боялись идти в уездные центры. Такое положение вещей отмечалось, в частности, в уездах Тханьтыонг и Намдан, центры которых были разрушены, а главы уездов укрылись в военных постах.

В рассматриваемый период колонизаторы еще не могли значительно увеличить число военных постов и перебросить в Нгеан и Хатинь вооруженные силы из других провинций, так как в провинциях Куангнам, Куангнгай, а также в ряде провинций Северного Вьетнама (Тонкин) революционная борьба приняла довольно широкий размах. Поэтому сложилась относительно благоприятная обстановка для расширения и углубления революционного движения в Нгеане и Хатине.

В письме Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) Крестьянскому Интернационалу отмечалось, что «в Намки, несмотря на кровавую расправу, учиненную французскими империалистами, крестьяне семи провинций (Зядинь, Тёлон, Виньлонг, Садек, Бенче, Тхузаумот, Митхо) по-прежнему не прекращают героическую борьбу. Почти во всех демонстрациях имеется много убитых, раненых и арестованных. Все арестованные приговорены к 5—10 годам каторжных работ. Движение в Чунгки началось с многочисленных крупных политических манифестаций, происшедших 1 августа; несмотря на то что движение здесь развивалось медленнее, чем в дру-

гих местах, оно приняло очень широкий размах. Не считая вооруженных стычек и демонстраций, имевших место ранее, 20 августа 1930 г. крестьяне двух провинций — Нгеана и Хатиня организовали крупные манифестации, которые беспрерывно следовали одна за другой, в поддержку бастовавших рабочих Виня — Бентхюи (провинциальный и промышленный центр Нгеана). С 20 августа по 6 октября 1930 г. произошло 39 демонстраций и митингов, в которых приняло участие около 69 350 крестьян. Среди демонстраций были и такие, в которых участвовало от 20 тыс. до 30 тыс. человек. *В настоящее время в ряде красных деревень созданы крестьянские Советы.* В период с 1 мая по 1 октября в крестьянские союзы вступило свыше 50 тыс. крестьян (*в Намки — 15 тыс., в Чунгки — 35 тыс.*)» [63, 53].

Революционное движение в Нгеане и Хатине продолжало нарастать. На протяжении октября ежедневно имели место массовые выступления.

По призыву компартии по всей стране широкие слои населения выступали в поддержку Советов Нге-Тиня. Эта поддержка выражалась в различных формах: распространении листовок, организации манифестаций, митингов и забастовок, которые происходили почти ежедневно. Во многих городах и уездах Тонкина была распространена листовка с призывом поддержать Советы Нге-Тиня [50, 10]. В Кохинхине такая работа больше всего велась в провинциях Бенче, Тхузаумот, Митхо, Зядинь и в Сайгоне. Листовки аналогичного содержания распространялись и в Камбодже (провинция Соан-Риенг) [50, 12]. Компартия стремилась организовать борьбу против белого террора по всей стране под лозунгом «Руки прочь от рабочих и крестьян Нге-Тиня!». Под этим лозунгом прошли многочисленные манифестации в Кохинхине, Тонкине и Аннаме. 3 октября в провинции Бенче состоялась манифестация, в которой участвовали 600 человек, вооруженных ружьями и палками. Манифестанты несли красные флаги и транспаранты, на которых было начертано: «Выступим за провинцию Нгеан!», «Долой комиссию по проведению реформ!», «Рисовые поля — населению!» [50, 36].

В течение всего октября происходили многочисленные вооруженные выступления рабочих и крестьян. Коммунисты приложили много сил, чтобы восстание в

Нге-Тине распространилось и на другие провинции Аннама. В распространяемых коммунистами листовках содержался призыв: «Поддержим товарищей Нге-Тиня!»

В ночь на 1 октября манифестанты напали на военный пост в Долыонге. 3 октября около 1 тыс. крестьян атаковали вокзал Иенсуан в 40 *км* от Виня. Повстанцы разрушили оборудование вокзала и телефонную связь, начальник и служащие вокзала были захвачены в плен [142, 6.X.1930]. В ночь с 4 на 5 октября крестьяне Долыонга вновь вступили в бой с отрядом Иностранного легиона, который проводил аресты коммунистов в деревне Ванкхе. 5 октября 4 тыс. повстанцев окружили военный пост в Тханькуа, на долгое время изолировав его от внешнего мира [50, 20]. 6 октября многотысячная манифестация в уезде Тханьтыонг столкнулась с иностранными легионерами; в результате столкновения 60 человек были убиты и многие ранены [142, 9.X.1930]. 8 октября произошло вооруженное выступление крестьян уезда Дукфо (провинция Куангнгай, Южный Аннам) [50, 24]. 14 октября более 300 манифестантов напали на резиденцию уездного начальника в Тиенхай (провинция Тхайбинь), потребовав раздела частных рисовых владений между бедняками и прекращения репрессий против Советов Нге-Тиня [50, 30]. В ночь с 13 на 14 октября легионеры и войска совершили нападение на деревню Ланшон, где они арестовали 29 революционеров и захватили большое количество политических листовок, книги и красные флаги с изображением серпа и молота. 18 октября в деревне Тханьтан близ Долыонга состоялась тысячная манифестация. В тот же день 2 тыс. рабочих и крестьян разгромили таможенный пункт в Тхыонгса. Позднее произошло столкновение легионеров с отрядом рабочих и крестьян на посту Мальбонг [142, 21.X.1930].

Выступления в поддержку Советов Нге-Тиня происходили не только в сельской местности, но и в городах. 11 октября учащиеся ханойской школы «Синьты» объявили забастовку в знак солидарности с Советами Нге-Тиня. На митинге, происходившем во время забастовки, выступили с речами три революционерки, призывавшие народ поддержать Советы Нге-Тиня. 13 октября в ханойском театре «Лак монг дан» произошел митинг, на котором было распространено большое количество по-

литических листовок [135, 22.X.1930]. 17 октября студенты профессиональной школы г. Хайфона организовали митинг, на котором были распространены листовки, содержавшие призыв поддержать Советы Нге-Тиня. 25 октября 1930 г. в Сайгоне во время митинга на бульваре Ляграндьер была распространена листовка следующего содержания:

«Братья и сестры, рабочие Сайгона и Тёлона! Братья и сестры, военные, студенты, женщины! Все угнетаемые и эксплуатируемые наших городов!

Империалисты безжалостно угнетают вас, как вы можете сохранять спокойствие? В настоящее время экономика французских капиталистов в Сайгоне и Тёлоне находится в состоянии тяжелого кризиса. На улицу выброшено много рабочих. Заработная плата трудящихся снижается, а рабочий день увеличивается. Жизнь в городе дорожает, повышаются цены на продукты, растет квартирная плата. На улице вас донимают французские полицейские, которые на каждом шагу требуют удостоверения личности. В городах нет никаких свобод. Братья и сестры! Наша нищета достигла предела. Объединяйтесь как можно скорее! Следуйте примеру Нгеана. Активно ведите борьбу: за предоставление основных прав, против белого террора, в поддержку боевого движения Нгеана. Готовьтесь к празднованию годовщины Октябрьской революции, вступайте в Коммунистическую партию и рабочие союзы».

Другая листовка, обращенная к вьетнамским солдатам, гласила: «Если вас погонят против бастующих, не стреляйте в угнетенных. Вы должны быть в рядах антиимпериалистического движения». Газета «Зак нго», предназначенная для вьетнамских солдат, призывала аннамитских стрелков защищать Советы Нге-Тиня и повернуть оружие «против империализма — душителя аннамитов» [51, 2].

5 ноября 1930 г., когда в Сайгон была доставлена новая партия французских солдат, они были встречены политическими листовками. В одной из листовок, в частности, говорилось: «Французские солдаты и моряки, дети Парижской коммуны, братья восставших черноморских моряков [3], легионеры! Вы, так же как и мы, яв-

[3] Имеется в виду восстание французских моряков в 1919 г. в Одессе.

ляетесь жертвами империалистических акул, которые превращают вас в орудие убийства ваших братьев ради удовлетворения своих ненасытных, честолюбивых стремлений. Следуйте примеру черноморских моряков и солдат. Поверните свое оружие против ваших угнетателей, и тем самым вы поддержите индокитайских крестьян и рабочих в их освободительной борьбе против тройного угнетения французскими империалистами, туземными капиталистами и феодалами. Не поддавайтесь обману, отказывайтесь служить цепным псам денежных мешков. Требуйте немедленной отправки на родину. Если ваше начальство не согласится возвратить вас к вашим семейным очагам, уезжайте».

К сожалению, все перечисленные выступления рабочих и крестьян были в конечном итоге подавлены. Народная власть по-прежнему действовала только в двух провинциях Аннама — Нгеане и Хатине, где, несмотря на репрессии, движение развивалось. Следует отметить, что отряды самозащиты в сельских общинах этих провинций действовали очень гибко и исходя из конкретных условий. Когда колониальные войска нападали на деревню, эти отряды либо давали вооруженный отпор, если позволяли условия, либо прибегали к другим методам и средствам борьбы, чтобы избежать излишних жертв и потерь.

Обстановка в провинции Нгеан, как отмечалось выше, была нелегкой, однако народные массы рвались в бой и во всех уездах происходили массовые выступления. Партийный комитет провинции должен был выработать тактику борьбы с учетом конкретных условий. С этой целью в конце октября в деревне Зиенчанг (уезд Тханьтыонг) была созвана провинциальная партийная конференция [85, 51], работа которой проходила под председательством представителя комитета КПИК Чунгки Нгуен Фонг Шака (псевдоним Тхинь). На конференции были обсуждены решения октябрьского пленума ЦК КПИК и задачи парторганизации провинции. Конференция одобрила решения пленума и приняла их к исполнению. Кроме того, конференция обсудила создавшееся в провинциях Нгеан и Хатинь положение в связи с установлением во многих селах народной власти (Советов). Было принято решение об активном руководстве революционным движением и о мобилизации

широких слоев населения провинции на борьбу с колонизаторами и местной реакцией. Конференция отметила необходимость решительной борьбы с белым террором и призвала к конфискации риса у богатых с последующей раздачей его голодающему крестьянству.

На конференции подверглась критике деятельность некоторых уездных парторганизаций, которые вели борьбу стихийно, без учета соотношения реальных сил и без связи с вышестоящими партийными организациями. Конференция приняла решения, направленные на улучшение организационной работы и работы по руководству революционным движением. Был создан партийный комитет г. Виня, который подчинялся непосредственно комитету Чунгки. Конференция избрала также комитет провинции Нгеан, в который вошли Нгуен Тием (секретарь), Тон Зя Тюнг, Нгуен Шинь Зиен, Фан Динь Донг, Чан Тхи Зунг, Шон, Нгуен Динь Конг, Нгуен Ань, Нгуен Фан, Данг Чан Хыа и др.

После конференции трудовые массы крестьянства под руководством коммунистов усилили борьбу против террора колонизаторов. Активизировалось и рабочее движение. Особенно следует отметить выступления рабочих городов Винь и Бентхюи. Так, в конце октября рабочие спичечной фабрики Бентхюи подожгли фабрику, в результате чего все работы на ней прекратились на несколько месяцев. Объявили забастовку рабочие железнодорожного депо г. Виня и многих других промышленных предприятий. В ходе столкновений в деревнях Нгоклам, Дайлонг, Волиет и Катнган погибло 142 человека. В уезде Намдан в конце октября была проведена 10-тысячная манифестация, во время которой погибло 40 человек [85, 51].

Революционное движение в провинциях Нгеан и Хатинь оставалось в центре внимания компартии. Вслед за нгеанской партийной конференцией по указанию ЦК КПИК была созвана партийная конференция Чунгки, которая состоялась в начале ноября в деревне Суанзыонг (уезд Нгилок) [85, 53]. На этой конференции присутствовало 36 делегатов, представлявших все провинции Центрального Вьетнама. Конференция, которой руководил Нгуен Фонг Шак, обсудила и одобрила решение ЦК по организационным вопросам. Особое внимание в решении конференции было уделено организации

Ле Вьет Тхуат, рабочий железнодорожного депо в Вине, секретарь комитета Чунгки с декабря 1930 до осени 1931 г., один из руководителей Советов. Погиб в тюрьме в Вине в 1931 г.

широкого народного движения в различных районах Вьетнама в поддержку Советов Нгеана и Хатиня.

На конференции был избран новый состав комитета Чунгки (Аннама), в который вошли Нгуен Фук (секретарь), Ле Вьет Тхуат, Нгуен Дык Кань (псевдоним Бекон-Малиш), Ле Мао (псевдоним Кат), Нгуен Ньюе, Хоанг, Фан Тхай Ат, Льен и др. Часть членов комитета осталась в г. Вине, другая часть была направлена на работу на местах. Так, Хоанг был направлен в комитет Бакки, Ат — в провинцию Куангнгай, Ньюе — в провинцию Куангчи, Лиен — в уезд Тханьтыонг (провинция Нгеан). В соответствии с решением конференции о мобилизации населения всех провинций Центрального Вьетнама на оказание помощи революционному движению в провинциях Нгеан и Хатинь эти члены комитета КПИК Чунгки должны были заняться организацией движения в поддержку борьбы населения Нгеана и Хатиня. С этой целью в ряде районов страны были созваны партийные конференции, на которых рассматривался

вопрос о единстве и координации действий революционных сил.

По окончании партийной конференции Чунгки вновь избранный комитет призвал население отметить годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Накануне праздника компартия распространила многочисленные листовки, в одной из которых говорилось: «Приближается 7 ноября. Международный пролетариат отметит 13-ю годовщину Октябрьской революции, создавшей новый мир, в котором построен социализм и уничтожена эксплуатация» [142, 5.XI.1930]. В листовке далее содержались призывы: «Защитить СССР и создать Советы!», «Да здравствуют Октябрьская и Индокитайская революции!».

В день годовщины Октябрьской революции многие коммунистические газеты выпустили специальный номер, посвященный этой знаменательной дате. Так, газета «Лао кхо» писала: «Отмечать праздник Октября — значит бороться с империализмом». «Мы во Вьетнаме, — продолжала газета, — отмечаем эту годовщину в момент, когда в Нгеане 250 тыс. рабочих и крестьян, объединившись, подняли знамя борьбы, когда империалисты зверствуют, уничтожают людей, бомбят и сжигают деревни, насилуют женщин, убивают арестованных, когда рабочие и крестьяне всей страны борются в поддержку Нге-Тиня, против белого террора, когда люди страдают от нищеты, голода, томятся в тюрьмах. Каждый рабочий и крестьянин должен осознать, что жить можно будет, только совершив революцию, только последовав примеру русского пролетариата. Только тогда наступит счастливая жизнь. Вот в какой момент мы отмечаем годовщину Октябрьской революции» [84, 36].

Местные коммунистические ячейки развернули большую работу по подготовке к празднованию годовщины Великого Октября. 7 ноября 1930 г. под руководством коммунистов состоялись крестьянские манифестации во многих уездах (Тханьтыонг, Хынгнгуен, Намдан, Канлок, Тхатьха, Нгисуан, Дыктхо, Хыонгшон). В этот день революционное движение распространилось на новые районы, и в частности на Иентхань и Зиентяу (провинция Хатинь), население которых организовало манифестацию с требованиями снижения налогов и прекращения террора.

Помимо манифестаций и забастовок 7 ноября произошли вооруженные столкновения революционных сил с колониальными войсками и полицией. В ночь на 7 ноября отмечались вооруженные столкновения на железной дороге в 7 *км* к юго-западу от Виня, около деревни Тхуалинг, а также у вокзала Иенли [135, 8.XI.1930]. 7 ноября повстанцы заняли вокзал в Тоши; начальник вокзала был взят в плен. Получив подкрепление в 1500 человек, революционные силы двинулись к цитадели Фузиен и атаковали ее [51, 18]. Другая группа повстанцев, численностью в 500—600 человек, напала на военные посты в Хынгнгуене и Канлоке. 8 ноября вооруженные столкновения продолжались в Чихуене, Иентхане, к юго-западу от Виня [142, 21.XI.1930].

Во многих селах в эти ноябрьские дни были организованы митинги в поддержку требований трудового народа, против репрессий колонизаторов. Движение против белого террора по своей сущности и характеру являлось политическим и проходило в форме мирной политической манифестации, но нередко, в зависимости от конкретных условий, мирная борьба сочеталась с вооруженной. Так, иногда крестьяне в целях самозащиты окружали свои деревни стенами и рвами. Когда солдаты колониальных войск приходили в деревни для ареста активистов революционного движения и грабежа местного населения, то отряды самозащиты давали им отпор. Нередко красные отряды нападали на тюрьмы и освобождали политзаключенных. В тех селах, где были установлены военные посты, крестьяне покидали свои жилища, уходили в горы и леса и только с уходом колониальных войск вновь возвращались в родные места.

В борьбе против белого террора наряду с широкими слоями крестьянства активно участвовали рабочие, учащиеся, служащие. Рабочие Ханоя, Хайфона, Хонгая и других городов выступили против белого террора в поддержку Советов Нге-Тиня, объявив забастовки в знак солидарности с крестьянским движением. Крестьяне Бакки (провинции Тхайбинь, Ханам, Киенан и др.), прежде проявлявшие известную пассивность, теперь также включились в борьбу [63, 51].

5 ноября объявили забастовку кули на плантациях Мишлен в Фурьенге (провинция Бьенхоа). 7 ноября

оставили работу 5 тыс. шахтеров горнорудных предприятий Хонгая и Камфа. 22 ноября объявили забастовку текстильщики Намдиня, потребовавшие увеличения заработной платы и освобождения своих товарищей, арестованных 19 ноября. Отмечались многочисленные выступления учащихся в Кохинхине (пансионат Хоанг Ти в Сайгоне, пансионат Нгуен Конг Фат, коллеж в Митхо и др.). В ответ на эти выступления власти закрыли учебные заведения (еще раньше, в августе, были закрыты до декабря средние школы в городах Вине, Намдине, Митхо и все школы в уездах Тханьтыонг и Намдан). 28 ноября объявили забастовку рабочие электростанции г. Сайгона и 6 декабря — рабочие железнодорожных мастерских Диан (провинция Зядинь) [51, 13].

По всей стране распространялись листовки и брошюры, призывавшие к поддержке советского движения в Нгеане и Хатине. Они были не только на вьетнамском, но и на французском и немецком языках, так как предназначались и для иностранных солдат военных постов. В одной из таких листовок Коммунистической партии, обращенной к рабочим, крестьянам и солдатам, говорилось: «Французские империалисты и феодалы аннамского императора убивают сотни крестьян. Они хотят подавить в крови революционное движение... По их приказу колониальные войска вторглись в села Кимлиен (уезд Намдан), Тывьен (уезд Тханьтыонг), сжигали дома, убивали население, грабили скот. Такая же участь ждет другие села провинции Нгеан». Листовка призывала население поднять голос в знак протеста против зверств колонизаторов: «Братья, сестры и солдаты! Можем ли мы сидеть сложа руки, когда империалисты убивают наших соотечественников, сжигают и разрушают дома? Нет, решительно нет! Мы должны подняться на борьбу, чтобы выбить из рук империалистов окровавленный меч». В ней провозглашались лозунги: «Протестуем против арестов и убийств участников манифестаций!», «Протестуем против создания деревенской полиции!», «Требуем освободить арестованных участников демонстраций!», «Предоставить работу безработным!», «Рис голодающим!», «Ликвидировать военные посты в селах!», «Отозвать специальных представителей императора Аннама!», «Аннулировать тяже-

лые налоги!», «Распределить земли помещиков между бедными крестьянами!» [86, 148].

В ноябре—декабре 1930 г. широкое революционное движение перекинулось на соседнюю с Нгеаном провинцию Хатинь. Если раньше там отмечались разрозненные выступления, то теперь движение приобрело массовый характер. В двух уездах Хатиня — Иентхань и Зиентяу — в ноябре состоялись грандиозные манифестации, участники которых выразили протест против создания военных постов и потребовали снижения налогов. В ходе манифестаций произошли столкновения с полицией, в результате которых было убито 24 человека. Крупная демонстрация была организована в Каубунге (уезд Зиентяу), где крестьяне деревень Хоангчыонг, Ванфан, Личай, Каоса, Тхайса и др. общей численностью 20 тыс. направились к уездному центру и провели там митинг. Во время демонстрации произошли столкновения с колониальной полицией и феодальными властями, в результате которых 47 человек были убиты и около 100 утонули в реке [85, 54].

10 декабря в провинции Хатинь вспыхнуло восстание, в котором участвовало свыше 300 человек. Центром революционного движения был уезд Канлок. Повстанцы окружили и атаковали местный гарнизон, и в завязавшемся бою было убито 93 и ранено 100 человек [142, 13.XII.1930]. На следующий день в Канлоке состоялись три вооруженные манифестации. Первая группа повстанцев напала на Дыктхо к северу от Лайчать, вторая группа атаковала военный пост к югу от Лайчать, третья группа направилась из Тохуена в районный центр. Во время происшедших столкновений погибло более 80 человек [142, 13.XII.1930].

Коммунистическая газета «Во шан», которая в рассматриваемый период играла важную роль в мобилизации масс на борьбу против террора империалистов, призывала в декабрьском номере: «Рабочие, крестьяне, угнетенные массы! Поднимайтесь против террора! Требуйте освобождения политзаключенных! Боритесь за рис, за землю, за восьмичасовой рабочий день! Боритесь за свободу, за нашу независимость!» Далее газета писала: «Мы должны ежедневно укреплять связи революционных профсоюзов с массами на предприятиях, в мастерских. Мы должны отстаивать коренные насущ-

ные интересы рабочих масс. Необходимо связывать эту борьбу с борьбой за полное освобождение пролетариата». Газета указывала на необходимость и важность сочетания рабочего движения с крестьянским. «Рабочее движение в Индокитае подкрепляется крестьянскими выступлениями, и потому, несмотря на репрессии колонизаторов, это движение растет и крепнет. В этих условиях индокитайские профсоюзы должны создавать забастовочные комитеты, отряды самообороны, обмениваться опытом борьбы, укреплять связь как внутри своих организаций, так и с международным прогрессивным движением. Наряду с профсоюзами необходимо создавать крестьянские и женские союзы» [161, декабрь 1930, № 4].

Подъем революционного движения пугал реакционеров. Правая газета «Чунг лап» писала в начале декабря: «В последнее время волна коммунистической пропаганды приобретает характер какого-то водоворота, урагана. Она напоминает тайфун, мечущийся по реке Трохук к северу и низвергающийся с Нгоклинских гор на юг... Хотя власти делают все, что в их силах, для борьбы с этим бедствием, однако ничто не помогает» [136, 6.XII.1930].

Действительно, политические манифестации и вооруженные выступления не только не прекращались, но приобретали все более систематический и ожесточенный характер. Свидетельством этого могут служить крупные выступления, происшедшие в день годовщины Кантонской коммуны 12 декабря 1930 г., когда повсеместно были распространены листовки, вывешены красные флаги и организованы митинги. В этот же день революционные отряды напали на Дукфо (провинция Куангнгай) и на военный пост Канлок (провинция Хатинь). Крупный отряд численностью 2 тыс. человек напал на Катнган. При столкновении с колониальными войсками погибло 33 человека и 51 человек был арестован [51, 20]. В деревню Сонглок (уезд Нгилок), где произошла крупная манифестация, прибыли войска и с ними начальник уезда Нгилок — Тон Тхат Хоан. Солдаты открыли огонь по участникам демонстрации и арестовали двух активистов. Узнав об этом, свыше тысячи крестьян, собравшихся по удару гонга, потребовали от Тон Тхат Хоана и сопровождавших его лиц отпустить на

свободу арестованных революционеров. В результате завязавшейся стычки начальник уезда был убит, а сопровождавшие его лица бежали. Крестьяне сорвали телефонные провода, разрушили мост и дорогу на г. Винь, чтобы задержать продвижение колониальных войск. Узнав о выступлении крестьян, вышли на демонстрацию рабочие спичечной фабрики Бентхюи, состоялись манифестации и вооруженные выступления крестьян в уездах Куиньлыу, Аньшон, Дыктхо и др. 13 декабря крестьяне уездов Намдан и Нгилок вместе с рабочими арсенала Чыонгти провели манифестацию под лозунгами «Долой империализм!», «Долой белый террор!», «Да здравствует союз рабочих и крестьян в едином фронте борьбы против империализма!» Участники митинга пели «Интернационал».

После убийства Тон Тхат Хоана колониальные власти и императорская администрация усилили репрессии и террор против революционных сил. Для подавления движения в провинции Нгеан и Хатинь был послан упоминавшийся выше «министр юстиции» Тон Тхат Дан, вместе с которым прибыл представитель колониальной администрации Дюбонмье. Изучив ситуацию, Дан цинично заявил, что без провинций Нгеан и Хатинь «страна не обеднеет» [86, 72]. «Все, кто будет бороться против правительства, — грозил населению Дан, — будут уничтожены. Все деревни, которые служат убежищем для революционеров, будут сожжены».

В декабре 1930 г. Дан и Дюбонмье в сопровождении большого отряда императорской гвардии объехали уезды двух провинций. Везде, где они побывали, производились казни и расправы. Дан грозил уничтожить весь уезд Нгилок, однако «ограничился» тем, что сжег две деревни, население которых участвовало в убийстве Тон Тхат Хоана. 500 солдат колониальных войск и императорской гвардии, участвовавших в карательной экспедиции, сожгли дотла деревни Локтяу и Локхай; 227 домов были полностью уничтожены, 30 крестьян при этом погибли и 9 были казнены [86, 73]. Согласно другим данным, были сожжены также деревни Танхоп и Сонглок [85, 56].

Прибегая к крайним мерам — уничтожению деревень и физическому истреблению населения,— враги вьетнамского народа рассчитывали приостановить подъем

национально-освободительного движения. Комиссар тайной полиции Бийе в своем донесении предлагал «принять решительные меры, мобилизовать военные силы, усилить военные посты, перебросить части Иностранного легиона»; колониальная пехота, по его словам, также должна была принять участие в вооруженной борьбе. Но тот же комиссар признавал, что, несмотря на принятие крайних мер, «революционное движение продолжает непрерывно расти и принимает угрожающие размеры» [100, 44—45]. Учитывая это, колониальные власти решили, не прекращая репрессий, прибегнуть с конца 1930 г. к более активным политическим маневрам.

Политические маневры колонизаторов (январь—март 1931 г.)

Вскоре после декабрьских событий в Нге-Тине колониальная администрация сместила губернатора провинций Нгеан и Хатинь, мотивируя это тем, что он не смог подавить Советы. 13 января 1931 г. губернатором обеих провинций стал Нгуен Кхоа Ки. С этого момента можно говорить об изменении тактики колонизаторов и их пособников.

Смысл новой тактики сводился к тому, чтобы, во-первых, с помощью ложных обещаний и посулов посеять в народе иллюзии о возможности социальных реформ в рамках колониального строя, во-вторых, подорвать авторитет КПИК и, в-третьих, обманом и репрессиями заставить народ отказаться от революционной борьбы. Конечная цель этой политики была прежней: расколоть фронт антиимпериалистической борьбы и как можно быстрее подавить Советы.

Для проведения новой политики был учрежден так называемый комитет реформ, который заявил, что он выступает за мелкую буржуазию, против продажных чиновников и ростовщиков, за распределение пустующих земель между беднейшими крестьянами. В крупных городах начали создаваться «советы сотрудничества» хозяев и рабочих [97, 39]. В связи с этим коммунистическая газета «Во шан» указывала, что колонизаторы вынуждены пойти на некоторые уступки, так как народ

отказывается признавать ставленников империалистов — феодалов, куанов и личыонгов. Раскрывая лицемерный характер этих уступок, газета писала, что «обещанные реформы ничего не дают трудящимся, надо продолжать борьбу» [161, декабрь 1930].

Наряду с обманом народных масс колонизаторы развернули широкую контрпропаганду, направленную против КПИК и других организаций трудящихся. На куок нгы и на французском языке распространялись многочисленные политические листовки, в которых содержалась клевета на КПИК, ФКП и Советский Союз [97, 39]. С этой же целью издавались такие газеты и журналы, как «Кхонг тхи бао» («Городская газета»), «Ты зан тап ти» («Журнал четырех сословий»), «Нам фонг» («Южный ветер»), «Донг Фап» («Восток и Франция»), «Нго бао» («Газета юга») — в Бакки; «Тхань Нге-Тинь тан ван» («Новости Нге-Тиня»), «Бинь чи тан ван» («Новости Биньчи»), «Чанан» («Миролюбие») — в Чунгки; «Дуок нья нам» («Факел юга»), «Фу ны тан ван» («Женский литературный журнал») — в Намки.

Власти делали все возможное, чтобы подорвать авторитет компартии. Не довольствуясь публикацией на страницах своих газет различных фальшивок и всяких небылиц о Коммунистической партии, они прибегли к прямым провокациям. «Империалисты пустили в ход новый прием, — писала в этой связи газета „Чань дау“, — они сколотили так называемую „мирную коммунистическую партию“, чтобы с ее помощью бороться с настоящей компартией» [160, 1.I.1931]. Другая прогрессивная газета, «Лао кхо», еще в октябре 1930 г. предупреждала своих читателей: «Внимание! Партия Ли Нян выпускает листовки за подписью „Новая коммунистическая партия“. Не верьте этим листовкам, не верьте этой затее колонизаторов и их цепных псов» [153, 1.X.1930].

В журнале «Кайе дю большевизм» указывалось, что полицейская так называемая «мирная коммунистическая партия» занимается антикоммунистической пропагандой. «В Сайгоне создана полицейская „марксистская“ школа, которая готовит провокаторов для засылки в первичные организации КПИК» [144а, 1.II.1931].

Кроме партии Ли Нян и фиктивных коммунистических организаций, созданных колониальными властями,

в поддержку империалистов и феодалов выступала Конституционная партия (Лап Хиен). Обе партии вьетнамской буржуазии — и Ли Нян, и Лап Хиен — активно выступали против коммунистов и революционного движения, помогали колониальным властям в подавлении Советов Нге-Тиня. И не случайно коммунистические газеты и листовки выступали против этих партий. Так, декабрьская листовка комитета Чунгки, в которой разоблачалась предательская роль партий Лап Хиен и Ли Нян, заканчивалась призывами: «Долой партию Ли Нян!», «Долой партию Лап Хиен!», «Долой французский империализм и вьетнамский феодализм!» [82, 38].

Несмотря на активную борьбу, которую вела против реакции КПИК, колонизаторы систематически усиливали свою деятельность по расколу единства национально-освободительных сил. В частности, для того чтобы подорвать распространение революционных идей среди учащейся молодежи, колонизаторы создали так называемые «моральные группы», куда входили родители учащихся. Когда тот или иной студент или школьник принимал участие в революционном движении, власти обращались к родителям, входящим в «моральную группу», с требованием принять соответствующие меры. Эти группы пользовались правом наказывать учащихся вплоть до исключения из учебных заведений.

В некоторых селах власти учредили советы нотаблей и советы представителей родов (фамилий) Нгуенов, Дуанов, Фамов и др. Советы нотаблей и советы родов служили опорой империалистам и местным феодалам, занимаясь сбором налогов, вербовкой кули и оказывая различные другие услуги властям в борьбе против революционных сил.

С конца 1930 г. колониальные власти стали активно проводить политику «раскаяния». Эта политика преследовала цель, с одной стороны, усилить репрессии против прогрессивных организаций в деревне (коммунистических ячеек, Советов, крестьянских союзов, женских и молодежных организаций, отрядов самозащиты и др.), а с другой — создать там базу для восстановления прежней власти. В каждой сельской общине распространялись «гарантийные карты раскаяния» (тхе кхуи тхуан), в которых говорилось о том, что крестьяне, дескать, были прежде обмануты коммунистами, а теперь

признают авторитет «великодушной покровительницы» — Франции [141, 13.III.1931]. Под текстом такой карты неграмотные вьетнамские крестьяне должны были приложить отпечатки своих пальцев. После этого власти организовывали публичное «покаяние» перед зданием провинциального управления. Кимуки (сельские чиновники) от имени крестьян произносили благодарные речи за «избавление от коммунистов». Перелистывая страницы реакционных газет, на которых в этот период много писалось о подобных мероприятиях, можно составить представление о том, как они происходили. Так, газета «Опиньон» 5 января 1931 г. писала о «раскаянии» 2 тыс. крестьян, собравшихся во дворе школы Каолан (провинция Садек), во время которого инспектор по политическим делам Лапорета объявил крестьянам: «Вы будете прощены только при двух условиях. Прежде всего, если вы лично не сделали никакого преступления и если вы отдадите все, что у вас осталось из политической литературы: книги, листовки и др.» [142, 5.I.1931].

Одним из политических маневров, к которому прибегали империалисты и их ставленники, была выдача населению «удостоверений покорности» («карт де сумисьон») и «желтых флажков» (желтый флаг — флаг императора Аннама). «Удостоверения покорности» выдавались во всех уездах. Лица, получившие это удостоверение от местного чиновника, тем самым добровольно отказывались от участия в революционном движении и выражали свою покорность властям. Лиц, их не получивших, брали на заметку и затем репрессировали. Во время выдачи «удостоверений покорности» власти устраивали официальную церемонию, на которой получавшие удостоверения произносили клятву о «присоединении к желтому знамени» императора. Деревни, высказывавшиеся на таких церемониях за «присоединение к желтому знамени», должны были отказаться от красного знамени. Пользуясь тем, что в стране свирепствовал голод, колониальная администрация организовала раздачу продуктов тем, кто признавал желтое знамя императора.

Новая политика колонизаторов и местной реакции потребовала от компартии выработки отношения к «удостоверениям покорности». Комитет КПИК Чунгки на

первых порах дал правильное указание о саботаже упомянутых церемоний и об отказе от получения удостоверений. Впоследствии, однако, комитет Чунгки дал новое указание: чтобы революционеры получали такие удостоверения и вместе с ними право свободного передвижения по уездам в интересах революционного дела. Более того, по мнению комитета Чунгки, это давало возможность сохранить революционные кадры и избежать лишних жертв.

ЦК КПИК, рассмотрев этот вопрос, подверг критике второе указание комитета Чунгки, отметив, что оно было порождено боязнью террора. ЦК дал строгое указание комитету Чунгки и всем партийным организациям страны развернуть борьбу против «политики покорности» и усилить борьбу против колониальных властей и местной реакции [159, 17.XII.1931]. В циркуляре ЦК от 25 января 1931 г. указывалось, что в районах, где распространяются «удостоверения покорности», необходимо сохранить базы партии и крестьянских союзов. В тех же местах, где эти базы уничтожены, их следует восстановить. В циркуляре подчеркивалась необходимость ведения разъяснительной работы среди широких масс о том, что «политика покорности» направлена против народа, на сохранение в стране колониального гнета и эксплуатации. В районах, где население отвергло «политику покорности», предлагалось распространять листовки и организовывать митинги для разъяснения необходимости усилить борьбу против колонизаторов. Такую работу предписывалось вести, несмотря на трудности, которые могли возникнуть [63, 63]. ЦК призвал рабочих, крестьян и служащих дать должный отпор реакции, оказать всемерную помощь революционным силам Нге-Тиня, развернуть борьбу против капитуляции, реформизма и белого террора.

Второй пленум ЦК КПИК (март 1931 г.) подтвердил данное указание, отметив, что «было бы правильнее саботировать мероприятия по выдаче „удостоверений покорности“ и проведению церемонии поддержки „желтого знамени“. Принятие второго решения (комитетом Чунгки. — *С. М.*) означало отступление перед врагом» [63, 47].

Несмотря на меры, принятые колонизаторами, распространение «удостоверений покорности» и процедура

«присоединения к желтому знамени» не дали значительных результатов. Этому способствовало и то, что второе указание комитета Чунгки дошло до революционных баз с большим опозданием и в рассматриваемый период на местах действовало первое указание комитета. И хотя новая политика сочеталась с репрессиями, проводимыми с помощью разбросанных повсюду военных постов, колонизаторам так и не удалось подавить Советы и полностью восстановить свою власть в деревнях. Власть в са по-прежнему находилась в руках народа. Журнал «Франс-Эндошин» писал по этому поводу: «Мы уничтожаем одну революционную организацию, на ее месте возникают две; мы уничтожаем десять, на их месте появляются двадцать» [110, 1931, № 15, 17].

С конца 1930 г. власти начали издавать газету «Тхань Нге-Тинь тан ван», в которой, как и во многих других буржуазных газетах, публиковались статьи о крестьянах, якобы разочаровавшихся в Советах и пришедших к властям с повинной. Разоблачая эту очередную фальшивку колонизаторов, коммунистическая газета «Ко во шан» писала 1 февраля 1931 г.: «Силой и обманом французские колонизаторы вынуждают некоторых крестьян раскаиваться в своем участии в революции. Империалисты объявляют, что крестьяне отказываются от революционного движения и вновь подчиняются французскому правительству. Это делается для того, чтобы посеять в массах пессимизм, колебания, сломить их волю к борьбе, расколоть силы рабочих и крестьян, уничтожить революцию. Но разве это раскаяние, если его вытягивают, приставив к виску пистолет? Разве это признание вины, если его сочиняет староста от имени всей деревни?» [92, 74].

Революционная пресса призывала трудящихся, невзирая на отдельные поражения, не падать духом и вести решительную борьбу с колонизаторами. Теоретический журнал компартии «Конг шан» разъяснял политику партии и Коминтерна, критиковал оппортунистические и сектантские тенденции, призывал к единству демократических сил против колонизаторов и феодалов, ставил перед партией цель накопить опыт борьбы и партийного руководства, а также использовать опыт братских партий всего мира, чтобы помочь правильно-

му развитию революционного движения в Индокитае. Журнал «Конг шан» выполнял роль трибуны, с которой члены партии могли обсудить все важные вопросы революционного движения в Индокитае и во всем мире. В журнале помещались статьи о международном и внутриполитическом и экономическом положении. «Это был орган, на страницах которого члены партии могли выступать с критикой своих ошибок и заблуждений» [146а, 1.II.1931].

В рассматриваемый период, несмотря на наметившийся в отдельных районах спад революционной борьбы, рабочее и крестьянское движение в ряде мест продолжало нарастать. Орган рабочих хайфонского цементного завода газета «Симоонг» писала о том, что рабочие вели одновременно борьбу за экономические и политические права. Газета призывала трудовой народ объединить свои усилия в борьбе против империалистов и феодалов [155, 10.I.1931].

Особенно активным было в начале 1931 г. движение в провинции Хатинь, куда, как уже отмечалось, после декабрьских событий переместился из Нгеана центр борьбы. Впрочем, и в провинции Нгеан борьба не прекращалась. Так, 2 января 1931 г. вновь выступили рабочие спичечной фабрики в Бентхюи [135, 31.I.1931]. К ним присоединились многие крестьяне окрестных деревень. Одновременно усилилось и вновь приобрело широкий размах крестьянское движения. В конце января в деревне Куиньдой (уезд Куиньлыу) состоялся многолюдный митинг, в котором приняли участие 6 тыс. крестьян [4]. Массовые митинги, на которых выступали коммунисты, разъяснявшие крестьянам положение в обеих провинциях, состоялись в деревнях Фуза, Фуминь, Фулыонг того же уезда.

Одновременно с крестьянами выступили рабочие соляных разработок в Тханьдаме, Винтхае и Тханьшоне. Рабочие соляных шахт собрались перед зданием уездной администрации, требуя снижения налогов и отмены монополий на соль. Собравшиеся выступили также про-

---

[4] Во время митинга в Куиньдое был арестован коммунист Зыонг Нгок Лиен. Колонизаторы привезли его в родную деревню и казнили. Перед казнью он воскликнул: «Долой французских империалистов и вьетнамских феодалов! Да здравствует Коммунистическая партия Индокитая!» [85, 73—74].

тив террора колониальных властей. Только после того как власти прибегли к помощи войск, им удалось разогнать рабочих. В результате были убиты 20 человек и многие активисты были арестованы.

Крупные манифестации происходили в феврале в провинциях Куангнгай, Дананг (Туран) и Мидонг (Биньшон). Свыше 4 тыс. рабочих и крестьян уездов Модык, Шонтинь, Нгиахань (провинция Куангнгай) организовали манифестацию в знак солидарности с революционной борьбой Нгеана и Хатиня [135, 14.III.1931]. Манифестация прошла под лозунгами: «Уменьшить налоги!», «Защитить рабочих и крестьян Нгеана и Хатиня!», «Бороться против колонизаторов!» Антиимпериалистическое движение в провинции Куангнгай получило столь широкий размах, что колониальные власти были вынуждены создать 26 военных постов для усмирения населения [86, 62].

Митинги, манифестации и выступления рабочих и крестьян состоялись также в ряде районов Кохинхины. Так, 9 января забастовали рабочие нефтяной компании «Стандард ойл» в Сайгоне. Забастовщики выдвинули требования повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, установления восьмичасового рабочего дня для взрослых и шестичасового рабочего дня для подростков, не достигших 16 лет, равной оплаты за равный труд мужчинам и женщинам, оплаты отпусков и социального страхования [135, 24.I.1931]. В знак солидарности с рабочими компании «Стандард ойл» 800 рабочих нефтяной компании «Франко-азиатик» 14 января также объявили забастовку, которая продолжалась неделю. После удовлетворения администрацией компании «Стандард ойл» требований о повышении заработной платы, улучшении обращения и выплаты жалованья за время забастовки рабочие согласились приступить к работе. Приступили к работе и рабочие нефтяной компании «Франко-азиатик» [135, 28.I.1931].

Эта забастовка сыграла важную роль в рабочем движении рассматриваемого периода. Она была направлена против варварского обращения и жестокой эксплуатации рабочих во время экономического кризиса. Важное значение в ней имела солидарность рабочих двух крупнейших промышленных предприятий Южного Вьетнама. Несмотря на несомненный успех, рабочими

были допущены и серьезные ошибки, к числу которых относится слабая деятельность стачечных комитетов на упомянутых предприятиях, отсутствие координации действий бастующих и др.

Во время забастовки орган всеобщей конфедерации профсоюзов Кохинхины газета «Лао донг» призывала рабочих вести борьбу за экономические и политические права, требуя равной оплаты за равный труд, предоставления женщинам месячного дородового и послеродового оплаченного отпуска, освобождения женщин от тяжелой физической работы и от работы в ночное время, отказа от принудительных браков, свободы организации забастовок, демонстраций, установления восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы. Были также выдвинуты политические лозунги: «Долой белый террор!», «Долой войну, империализм, защитим СССР!» [152, 3.III.1931].

14 января в Сайгоне состоялся массовый митинг, на котором выступили представители профсоюза Кохинхины. Ораторы призывали трудовой народ отметить годовщину смерти В. И. Ленина и гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург. Коммунисты призывали участников митинга объединить силы для борьбы с реакцией, защищать интересы рабочих и крестьян. Полиции удалось разогнать митинг и арестовать ряд коммунистов. Газета «Тиенг зан» писала, что в Сайгоне была раскрыта коммунистическая типография, в которой печаталась газета «Ко до». В типографии были обнаружены экземпляры газет «Юманите», «Ко во шан», «Ньякуе», большое количество книг на вьетнамском, китайском и французском языках [135, 28.I.1931].

Одновременно с рабочими забастовками произошли многочисленные крестьянские выступления: 30 января — в Беване, 2 февраля — в деревне Кейхо и субпрефектуре Нсыхань, 28 февраля — в окрестностях деревни Донгми (уезд Бадтань, провинция Банте) и др. В ходе этих выступлений отмечались столкновения крестьян с колониальной полицией. В ряде провинций Кохинхины состоялись митинги и манифестации, на которых распространялись политические листовки. В начале февраля манифестации прошли в городах Бенче, Митхо, Тхузаумот, а также в деревнях провинций Бенче, Лонгсуен, Танан, Чавинь и Зядинь. В ходе этих

выступлений крестьяне нападали на военные посты. 9 февраля в Сайгоне был убит комиссар французской полиции.

В знак солидарности с рабочими и крестьянами Нгеана и Хатиня развернули борьбу против колониальных властей заключенные тюрем Кохинхины. Так, политзаключенные тюрьмы в Бенче объявили голодовку.

Манифестации рабочих и крестьян, охватившие многие провинции Кохинхины (Баклиеу, Шокчанг, Кантхо, Лонгсуен, Садек, Виньлонг, Зядинь), оказали революционизирующее воздействие на население других районов страны. Так, в Северном Вьетнаме отмечались выступления в поддержку Нгеана и Хатиня. В январе 1931 г. объявили забастовку рабочие цементного завода и рабочие компании «Франко-азиатик де пётроль» в Хайфоне, состоялись митинги в театре «Куанг лак» и школе «Лин ты» (Ханой). Была организована манифестация крестьян уездов Тиенхай, Зуенха и Тьенхынг (провинция Тайбинь). 7 февраля в Ниньбине, Намдине и в других провинциях Северного Вьетнама произошли выступления рабочих и крестьян. Во многих провинциях этой части страны были распространены политические листовки, разоблачавшие колониальную политику и содержавшие призыв оказать поддержку борьбе рабочих и крестьян провинций Нгеан и Хатинь.

Выступления трудящихся отмечались в это время и в других районах Индокитая. Так, еще 12 декабря 1930 г. во Вьентьяне состоялось совместное выступление лаосских и вьетнамских рабочих пароходства. Рабочим удалось добиться улучшения своего положения [135, 12.I.1931].

Таким образом, в начале 1931 г. трудящиеся Индокитая под руководством КПИК провели целый ряд выступлений в защиту своих прав, против колонизаторов и феодалов, в поддержку Советов Нге-Тиня. Это дало возможность отвлечь силы колонизаторов от провинций Нгеан и Хатинь, позволило Советам сдержать натиск врага.

Вместе с тем необходимо отметить, что положение Советов Нге-Тиня в это время было чрезвычайно тяжелым. Враждебные силы воспользовались трудностями, возникшими в период Советов, и особенно неурожаем и засухой, повлекшими за собой голод. Помещики и ку-

лаки прятали рис, скупали у крестьян за него землю, имущество и даже детей [107, 192—193]. Борьба с голодом стала первостепенной задачей революционных сил, оказав соответствующее воздействие на характер национально-освободительного движения. Основное острие борьбы в это время было направлено против тех феодалов и помещиков, которые прятали рис и другое продовольствие. В связи с этим революционные организации проводили работу по конфискации риса и раздаче его голодающим.

Битва за рис стала в начале 1931 г. центральным вопросом революционного движения. Учитывая это, КПИК рекомендовала сократить число манифестаций в уездных центрах и около военных постов и в то же время усилить борьбу с помещиками, чтобы добыть продовольствие для голодающего населения. Крестьяне, участвовавшие в походах по борьбе с голодом, собирались у помещичьих домов, отбирали у помещиков рис и увозили его в общинные дома, где распределяли его среди голодающего населения. В качестве примеров можно указать на многотысячную манифестацию против землевладельца Ки Тюи, у которого были конфискованы излишки риса, а также на массовую манифестацию крестьян-католиков против католической миссии в Чангдене (уезд Намдан) [108, 43].

В некоторых местах движение за рис носило стихийный характер и крестьяне сами организовывали походы по борьбе с голодом. Поскольку в Нге-Тине, как уже отмечалось, крупных землевладельцев было немного, манифестанты часто отбирали рис у мелких помещиков, зажиточных крестьян, а в ряде случаев даже у середняков. Такие ошибочные действия отмечались, в частности, в Нгилоке. Ошибки допускались и при распределении риса. Это не могло не вызвать недовольство крестьян и отход определенной их части от революционной борьбы, а иногда и переход на сторону врага. Бесспорно и то, что голод породил ряд других трудностей и осложнений. Стремясь уменьшить страдания голодающих, руководители Советов в ряде случаев допускали ошибки и превышали свои полномочия. Но, несмотря на все это, народная власть пользовалась несомненным авторитетом у населения.

В марте 1931 г. во многих уездах и городах Нге-Ти-

ня происходили манифестации, носившие зачастую вооруженный характер. Так, 19 марта подобные манифестации произошли в Иенбонге (провинция Нгеан) и в Донгконге (провинция Хатинь). Манифестанты объединялись в небольшие партизанские отряды, устраивавшие засады и нападавшие на военные патрули и посты. Иногда такие отряды нападали на продовольственные склады и захватывали рис для голодающего народа. Именно в это время в ряде са провинции Хатинь стали создаваться крестьянские Советы (са бо нонг), а сама провинция стала центром движения. Это объяснялось следующими причинами.

Во-первых, часть руководящих кадров, преследуемых колониальными властями в провинции Нгеан, перешла в провинцию Хатинь, где активно включилась в борьбу. Во-вторых, в провинции Хатинь в 1931 г. увеличилась численность партийных первичных организаций и крестьянских союзов. В-третьих, в провинции Хатинь не было такой разветвленной сети колониальной полиции, как в Нгеане.

Хатиньские са бо нонг, свергшие власть колонизаторов и феодалов в са и изгнавшие оттуда нотаблей, старост и чиновников, с первого же дня своего существования столкнулись с репрессиями. Это заставило революционные силы немедленно организовать сбор средств на закупку оружия, необходимого для вооружения народа. Эта мера, принятая местными хатиньскими организациями, подверглась необоснованной критике со стороны комитета Чунгки.

Подводя итог сказанному о революционном движении в этот период, следует отметить, что основные его черты были следующими.

Движение имело народный характер. КПИК знала, что основной революционной силой являются рабочие и крестьяне, поэтому она стремилась сплотить их в союз и по мере возможности расширить движение за счет вовлечения в него остальных слоев общества (учащихся, ремесленников и др.). Сельские организации были массовыми, их деятельность распространялась на широкие слои населения, и даже часть деревенских нотаблей принимала участие в революционном движении, а служители культа часто оказывали непосредственную помощь и поддержку революционным силам. В дерев-

нях реакция не имела достаточной опоры. Все это затрудняло подавление движения и восстановление господства империалистов и феодалов.

Движение проходило под руководством Коммунистической партии. Коммунисты всегда были с массами, защищая интересы трудового народа и возглавляя революционную борьбу. Они использовали каждый успех для мобилизации народных масс и личным примером воодушевляли народ. Местные партийные организации, выполняя указания вышестоящих партийных органов, непосредственно руководили революционным движением. После того как империалисты приступили к репрессиям, руководство движением не растерялось, проявило решительность и настойчивость. Несмотря на аресты многих руководителей, движение не было разгромлено, так как его участники были спаяны строгой дисциплиной.

Советы Нге-Тиня опирались на внутреннюю и внешнюю солидарность и поддержку трудящихся. То, что Советы Нге-Тиня сравнительно долго смогли оказывать сопротивление колонизаторам, в значительной мере объясняется тем, что им оказывал помощь и поддержку трудовой народ других провинций страны, и в первую очередь рабочие Виня, Бентхюи, Ханоя, Хайфона, Хонгая, Камфа, Хюэ, Турана (Дананга), Бьенхоа, Сайгона, Садека и других городов, которые непрерывно организовывали забастовки в поддержку Советов. Вся страна была охвачена также мощным крестьянским движением. В течение второй половины 1930 г. почти во всех городах и уездах Вьетнама распространялись политические листовки. В ходе многочисленных крестьянских выступлений их участники перерезали линии телефонной связи, разрушали мосты и административные здания, сжигали архивы.

В поддержку революционной борьбы «красных провинций» выступили международное рабочее и национально-освободительное движения, и в первую очередь советский народ, Коминтерн, Профинтерн и рабочий класс Франции. В ноябре 1930 г. пролетариат Франции организовал многочисленные митинги и манифестации в защиту Советов Нге-Тиня. Французский верховный резидент Аннама Шатен отмечал, что «многочисленные выступления поставили правительство в затруднитель-

ное положение. Если правительство пойдет на решительные репрессии против населения, то не только последнее окажет ему сопротивление, но и общественное мнение Европы выступит против него. Правительство может оказаться в изоляции. Если же правительство проявит снисходительность, то это обстоятельство может быть воспринято как его слабость» [63, 9]. И действительно, в рассматриваемый период колониальные власти боялись не только выступлений народных масс Индокитая, но и мирового общественного мнения, и прежде всего пролетариата Франции [5].

В обстановке ожесточенной борьбы Советов против белого террора, репрессий и голода в марте 1931 г. в Сайгоне состоялся II пленум ЦК КПИК.

II пленум ЦК КПИК (март 1931 г.)

II пленум ЦК КПИК, проходивший в Сайгоне в период подъема революционного движения и образования Советов в Хатине, принял ряд важных решений, получивших отражение в первую очередь в основном документе — «Решении второго пленума ЦК КПИК (март 1931 г.)» [63, 41—50] [6].

В первом разделе указанного документа была дана подробная характеристика международного и внутреннего положения в рассматриваемый период. В нем, в частности, отмечалось, что после первого пленума ЦК международное положение с каждым днем все более обострялось. Экономический кризис в капиталистических странах характеризовался еще большим углублением. Торговля резко сократилась, снизилось производство, банки непрерывно разорялись, безработица развивалась поразительно быстро. Франция, которая в 1929—1930 гг. не испытывала сколько-нибудь заметных потрясений, в 1930—1931 гг. уже не смогла избежать кризиса, ее торговля пришла в упадок, производство автомобилей сократилось на 25,3%, число безработных достигло 2 млн. «Таким образом, — говорилось в доку-

[5] Индокитайский вопрос неоднократно обсуждался в Национальном собрании Франции по требованию депутатов-коммунистов.

[6] С этим документом, опубликованным в 1962 г., автор смог ознакомиться в ДРВ еще в 1956 г.

менте, — экономический кризис, развивавшийся хотя и неравномерно, потряс весь мир, не оставив в стороне ни одной империалистической или колониальной страны».

В момент, когда капиталистический мир охватил кризис, в Советском Союзе полным ходом развернулось строительство социализма, отмечался подъем промышленности и сельского хозяйства, была полностью ликвидирована безработица. Победы, одержанные Советским Союзом в различных областях строительства социализма, говорилось в решении пленума, убеждают трудящихся всех стран, «что советский строй является строем, при котором народное хозяйство развивается, безработица и лишения ликвидируются, в то время как капиталистический строй с каждым днем все более загнивает». «Диаметральная противоположность указанных систем, — отмечалось в документе, — становится все более очевидной для каждого человека».

Документ констатировал нарастание революционного движения во всех странах, особенно в Германии, Франции и Англии. В документе отмечалось, что в США не проходило ни одного дня без того, чтобы рабочие не вели борьбу. В Испании дважды вспыхивала всеобщая политическая забастовка. Борьба рабочего класса, гласил документ, начинает «приобретать международный характер, объединяя рабочих многих стран (как, например, забастовка шахтеров Германии, Англии, Франции)».

В документе далее отмечалось, что под влиянием успехов Советского Союза и рабочего движения в капиталистических странах активизировалось национально-освободительное движение в колониях и полуколониях: Бирме, Марокко, Перу, Индии, Китае, Индокитае и др. Борьба пролетариата в капиталистических странах и национально-освободительное движение в колониях вместе с Советским Союзом составляют, таким образом, великую силу в борьбе против империализма. Поэтому империализм стремится подавить национально-освободительное движение в колониях, забастовочное движение в метрополии и уничтожить оплот мировой революции — Советский Союз.

В разделе «Положение в Индокитае» (Вьетнам, Лаос и Камбоджа) отмечалось, что экономика стран Ин-

докитая, особенно производство каучука и риса, составляющих основные отрасли экономики на экспорт, находится в состоянии кризиса, а сельское хозяйство переживает депрессию. Большое число плантационных рабочих оказалось без работы, многие плантации перестали возделываться. Новым явлением в экономике стало банкротство банков (например, Сайгонского банка). Большое число национальных торговцев разорилось и прекратило свою деятельность. Все это сопровождалось усилением безработицы. На многих каучуковых и кофейных плантациях было уволено большое число кули (например, на плантации Камтьен из 4 тыс. кули были уволены 3200). Аналогичное положение отмечалось на шахтах и заводах, например на шелкоткацких фабриках Намдиня и Хайфона, где были уволены 3 тыс. рабочих, на угольных шахтах Камфа — Хонгая, где работы лишились свыше 5 тыс. человек, и т. д. Одновременно резко снизилась заработная плата рабочих.

Углубляющийся экономический кризис тяжело ударил по народным массам, причинил им еще больше страданий и лишений. Вследствие этого усилилась борьба народных масс, и особенно рабочих. В решении II пленума ЦК КПИК говорилось о частых выступлениях рабочих Вьетнама (рабочих маслобойных предприятий в окрестностях Сайгона, рабочих цементного завода г. Хайфона, рабочих угольных шахт Хонгая и Камфа). Характерно, что рабочие, ранее не участвовавшие в борьбе (рабочие судоремонтных мастерских Битке, Думе, сельскохозяйственные рабочие Кохинхины и др.), теперь активно включились в движение, создавая в ходе борьбы отряды самообороны, участвовавшие в ожесточенных схватках с полицией и колониальными войсками. Пленум отметил, что подъем рабочего движения знаменовал собой поворотный пункт в социально-политической жизни страны, характеризующийся выдвижением рабочего класса на первый план антиимпериалистической и антифеодальной борьбы. «Борьба других классов группируется вокруг рабочего класса и КПИК. Коммунисты ведут и направляют широкое народное движение» [63, 41]. В частности, под руководством КПИК становится более целенаправленной и организованной борьба крестьян. В решении II пленума указывалось, что «выступления крестьян против империа-

лизма отныне сочетаются с выступлениями против помещиков и сельских чиновников» [63, 42]. Крестьянские выступления в провинциях Куангнгай, Нгеан, Хатинь, Митхо и Бенче, отмечал пленум, убедительно продемонстрировали это положение, свидетельствуя о расширении и углублении содержания крестьянского движения.

Борясь против подъема народного движения, говорилось в документе пленума, империалисты усилили репрессии против народных масс Индокитая. Они прибегли к белому террору, установили военные посты в Чунгки, вооружили сельские власти в Намки, создали отряды из кулацких элементов для оказания помощи колониальным войскам в подавлении выступлений рабочих и крестьян. Такие отряды действовали, например, на заводе Бе, они непосредственно участвовали в подавлении выступлений крестьян в провинциях Нгеан и Садек. Одновременно колониальные власти предоставили широкие возможности помещикам, кулакам и буржуазии для пропаганды реформ, которая должна была воздействовать на массы и отвлечь их от революционной борьбы.

Пленум отметил как примечательный тот факт, что Конституционная партия во главе с Буй Куанг Тиеу и Нгуен Фан Лонгом активно превозносила достоинства и блага, которые якобы несли Общество реформ (Хой донг кай кать) и Общество управления (Хой донг куан хать), действовавшие среди рабочих и крестьян Намки. В Бакки группа Фам Куиня развернула широкую пропаганду в пользу «конституции» и «реформ». В сельских районах реакционные элементы по указке империалистов занялись созданием обществ национальных представителей (хой донг ток биеу), состоявших из вождей племен. Целью этих обществ являлось создание в деревнях опоры реакции из числа сельских чиновников, помещиков и кулаков. В Чунгки создавались общества морали (доан тхе луан ли) для сохранения феодально-родовых пережитков. Все перечисленные организации, отмечал пленум, используются империалистами для борьбы с революционными силами деревни.

Разоблачая деятельность реакции, КПИК развернула серьезную разъяснительную работу среди рабочих и крестьян. Пленум указал в своем решении на трудности, с которыми столкнулась партия. «Весьма боль-

шим препятствием, — отмечалось в решении пленума, — является то, что среди членов партии наблюдается еще значительное проявление буржуазной идеологии, приспособленчества, фракционизма» [63, 44]. Наибольший вред революционному движению, говорилось в решении, наносило непонимание многими членами партии позиции пролетариата в революции и обязанностей самой партии. Пленум поставил перед членами КПИК неотложную задачу мобилизовать все силы для преодоления препятствий на пути к осуществлению революционного руководства массами.

Пленум принял решение упорядочить руководство партии и расширить его за счет представителей рабочих; упорядочить состав комитетов трех частей Вьетнама и превратить их в концентрированные руководящие органы партии в этих частях страны, обратив при этом особое внимание на состав комитета Бакки; оставить в комитетах тех членов партии, которые решительно отстаивают политическую линию партии, заменить представителями рабочих тех представителей интеллигенции, которые стоят на капитулянтских позициях. Пленум указал на необходимость организации системы политического образования для подготовки руководящих кадров партии и поднятия политического и идеологического уровня ее членов. Пленум призвал решительно бороться с оппортунизмом в партии, строго соблюдать партийную дисциплину.

Пленум предложил низовым партийным организациям, и прежде всего заводским ячейкам, обратить особое внимание на развертывание широкой пропаганды и агитации. Пленум указал на необходимость добиться массового характера всей партийной печати — от центрального органа до местных газет, отражения ими жизни и борьбы трудящихся, доступности массам публикуемых в них материалов. Для выполнения этой задачи пленум призвал всемерно расширить выпуск газет на промышленных предприятиях, развивать критику прессы от низовых партийных ячеек до руководящих органов, постоянно увеличивать число рабочих и крестьянских корреспондентов.

Пленум указал на необходимость постоянной проверки работы низовых организаций на промышленных предприятиях, привлечения в члены партии рабочих, не-

устанного поиска пути к созданию партийных организаций на наиболее важных предприятиях, шахтах и плантациях [63, 46].

Пленум предложил немедленно создать Коммунистический союз молодежи, осудил затягивание решения этого важного вопроса. «Партия, — отмечалось в документе пленума, — должна немедленно покончить с безразличным отношением к вопросу создания Коммунистического союза молодежи. Местные партийные органы должны незамедлительно выделить уполномоченных по созданию указанных организаций, предоставить в распоряжение этих организаций печатные органы, дать указание вновь созданным низовым организациям Союза молодежи развернуть работу среди молодежи, использовать молодежные лозунги для подъема широких масс трудящихся. В самое ближайшее время местные партийные комитеты обязаны создать базы Союза молодежи» [63, 49].

В решениях пленума указывалось на необходимость объединения профсоюзных организаций и расширения работы на промышленных предприятиях. Мобилизацию рабочих на борьбу партия считала своей основной задачей. «Профсоюзы Бакки, Чунгки должны быть немедленно созданы, с тем чтобы на их основе создать местные профсоюзы. Не дожидаясь объединения местных профсоюзов, следует незамедлительно приступить к созданию объединенных профсоюзных организаций в каждой части страны». Пленум рекомендовал созвать в каждой части страны профсоюзную конференцию, которая должна создать профсоюзную федерацию в целях скорейшего создания Всеобщей конфедерации профсоюзов Индокитая [63, 49].

Пленум предложил сконцентрировать основные силы партии на ведении профсоюзной работы с целью вовлечения в профсоюзы широких масс рабочих, подготовки и тщательной организации борьбы рабочих, политического воспитания широких масс трудящихся и широкого объединения борьбы в защиту интересов народа с борьбой против влияния реформизма, национализма, желтых профсоюзов и II Интернационала, за быстрое и всестороннее развитие движения красных профсоюзов в Индокитае. В первую очередь необходимо, отмечалось в решении пленума, нацелить партию сегодня же

на расширение работы среди рабочих. «Только таким путем можно укрепить позиции партии и пролетариата» [63, 49].

Пленум обратил особое внимание на крестьянский вопрос, отметив необходимость проверки состава крестьянских союзов, выведения из них элементов, не имеющих никакого отношения к крестьянам, и введения в исполнительные комитеты союзов как можно большего числа представителей сельскохозяйственных рабочих и бедняков. Пленум указал на необходимость расширения классовой борьбы в деревне, усиления влияния партии и пролетариата среди широких крестьянских масс, борьбы по искоренению националистического влияния среди крестьянства и упрочению руководства партии, дальнейшего расширения сети крестьянских союзов.

В решениях пленума большое значение придавалось работе среди военнослужащих колониальной армии. Пленум рекомендовал «создать партийные и исполнительные комитеты в армии с целью расширения связи с солдатами и создания в армии партийных ячеек... использовать все способы и методы для распространения революционного влияния среди солдатских масс» [63, 49].

Пленум обратил особое внимание на организацию трудящихся женщин, отметив, что партия должна развернуть работу среди женщин, и в первую очередь среди трудящихся женщин. В решениях пленума указывалось на необходимость роспуска таких женских организаций, не имеющих связи с трудящимися женщинами, как «Освобождение женщин» («Фу ны зяй фонг») и Женская ассоциация (Фу ны хиеп хой).

Пленум предложил также создать Общество помощи борцам революции.

В заключение пленум обратил внимание на задачи руководства массами. Отметив, что экономический кризис создал чрезвычайно благоприятные условия для мобилизации широких народных масс на борьбу, пленум отметил необходимость тесного сочетания в этой борьбе лозунгов: «Борьба против налогов, арендной платы, против снижения заработной платы и увеличения рабочего дня, борьба с безработицей, удорожанием жизни, против белого террора, принудительной капитуляции, фальшивого реформизма, против мировой войны». «Пар-

тийные кадры, — говорилось в решении пленума, — обязаны вести повседневную работу на фабриках, рудниках, в деревнях, среди городской бедноты, должны неустанно пропагандировать боевые лозунги партии наряду с лозунгами буржуазно-демократической революции, готовить отряды самозащиты из рабочих и крестьян, чтобы противостоять террору; в ходе борьбы следует использовать все возможности для всесторонней пропаганды и тщательной организации боевых дружин. Только при наличии повседневной, по-настоящему активной работы в массах можно наладить все виды решительной революционной деятельности, иначе говоря, активизировать борьбу. Только при тесном соединении борьбы и организции можно добиться хороших результатов в массовой борьбе, расширить партийные ряды и массовые организации» [63, 49].

На пленуме шла речь и о борьбе с мелкобуржуазными идеями внутри партии, об организации пропаганды и воспитания в духе марксистско-ленинской идеологии, о разработке плана по укреплению революционного движения. Особое внимание пленум уделил борьбе с вредными идеологическими ошибками, среди которых были отмечены следующие ошибочные утверждения:

1) что партия должна быть организацией неимущих вообще, а не только партией рабочего класса;

2) что рабочий класс делится на две категории: рабочих в «синих блузах» и рабочих в «коричневых блузах», причем первые — квалифицированные рабочие, получая более высокую заработную плату, не обладают революционным духом, а вторые настроены революционно, так как плохо оплачиваются и живут в тяжелых условиях;

3) что необходимо приостановить борьбу по укреплению рядов партии.

Кроме критики упомянутых ошибочных взглядов пленум подчеркнул необходимость борьбы против «левых» и правых уклонов в партии. Борьба с «левым» уклоном заключалась в борьбе с авантюристическими идеями стихийности и преждевременных восстаний. Борьба с правым уклоном сводилась к борьбе против тенденций, направленных на торможение борьбы масс, против хвостизма и т. д.

Еще во время работы пленума был схвачен и бро-

шен в тюрьму генеральный секретарь ЦК КПИК Чан Фу, а вслед за ним было арестовано почти все партийное руководство. Начались повальные аресты членов партии. В связи с этим партия не смогла выполнить многие пункты решений второго пленума ЦК КПИК, хотя они уже были доведены до ряда местных организаций. Начался период спада революционного движения и усиления массовых репрессий против коммунистов.

Глава V

СПАД РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТОВ

Спад революционного движения

В марте 1931 г. почти весь состав постоянного комитета ЦК КПИК попал в руки колониальной полиции, которая сумела проникнуть в местные партийные организации. В это же время в Гонконге (Сянгане) английской полицией был арестован Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин), с арестом которого революционное движение фактически потеряло своего руководителя.

В апреле 1931 г. положение еще более ухудшилось вследствие ареста многих членов комитета Чунгки и видных коммунистов: Нгуен Ван (Фонг) Шака, Нгуен Дык Каня [1], Ле Мао, Ле Вьет Тхуата, Зыонг Нгок Лиена, Хоанг Ван Тама, Дао Куанга и др. Это привело к острой нехватке руководящих кадров. В результате партия не была в состоянии вести серьезную организационную работу в массах, на руководящую работу выдвигались недостаточно подготовленные в организационном и политическом отношении лица, что вело к ошибкам и упущениям. В некоторых районах оказались ущемленными интересы крестьян и интеллигенции, была нарушена свобода вероисповедания; в ряде мест население выступало стихийно, без должного руководства со стороны организаций компартии. В некоторых са были осуществлены террористические акты.

Воспользовавшись ошибками революционных сил, реакция перешла в наступление и приступила к подавлению Советов. Растерянность колонизаторов и феода-

---

[1] Как раз в это время вышла книга Нгуен Дык Каня о стратегии и тактике революционной борьбы народов Индокитая, оказавшая помощь революционным организациям в борьбе с колонизаторами.

лов, отмечавшаяся в период подъема революционного движения, сменилась беспощадным террором. Колонизаторы и их пособники бросили против революционного движения все имевшиеся в наличии силы. Было значительно увеличено число военных постов, деревенские реакционеры — феодалы и помещики — получили оружие, в сельские районы прибывали новые подразделения войск и полиции.

В такой тяжелой обстановке оставшиеся на свободе руководители партии созвали совещание комитета Чунгки, на котором были обсуждены вопросы о проведении в жизнь решений II пленума ЦК КПИК, о чистке партии и довыборах комитета Чунгки в связи с арестом ряда его членов [2].

Однако вскоре многие из нового состава комитета Чунгки также были арестованы. 19 мая арестовали Нгуен Лиена, 26 мая — Тхай Ван Зая, который, не выдержав пыток, выдал остальных членов комитета. 11 июня был арестован Нгуен Фук, 26 июня — Динь Ван Дык и 28 июня — Ле Зан. Таким образом, был почти полностью арестован состав комитета Чунгки, все материалы и партийные документы которого попали в руки полиции. Из числа активных коммунистов одни были расстреляны, другие сосланы на каторжные работы на о-в Пулокондор (Канлон), третьи отправлены в известные своим жестоким режимом тюрьмы Лаобао, Банметхуат, Контум. Все тюрьмы в эти годы были переполнены революционерами, мужественно переносившими тяготы тюремной жизни. В многочисленных песнях, сложенных в это время в тюрьмах, узники черпали силы для борьбы с колонизаторами. Вот слова одной из таких песен [85, 49]:

...Нас с тобой подружила дорога,
Что ведет от борьбы до острога...
Снова в путь, на сей раз в Контум.
Снова цепь, котелок, охраны,
Снова пыль разъедает раны,
Снова тысячи тяжких дум...
Но ничто нас сломить не может.
Клятве юности мы верны.
Нам судьба всех людей тревожит
И свобода родной страны....

---

[2] Членом комитета Чунгки вместо Нгуен Дык Каня был избран Динь Ван Дык. Данные о других избранных отсутствуют [85, 61].

В период массовых арестов коммунистов и особенно после ареста членов ЦК и комитета Чунгки провинциальные и уездные партийные комитеты лишились централизованного руководства. В особенно тяжелом положении оказался комитет провинции Нгеан, который пришлось избирать несколько раз [3]. Оставшиеся на свободе члены провинциального комитета Дао и Фан созвали совещание, на котором было принято решение включить в состав комитета коммунистов Шама, Тхюета, Куана, Дао, Хынга, Та, Фана и Зунга. Однако из-за непрекращавшихся арестов руководство начало заметно отставать от хода революционной борьбы. Практически была прекращена всякая связь между революционными организациями. Сельские ячейки оказались изолированными, местные Советы остались без централизованного руководства. Оставшиеся на свободе руководители часто были вынуждены скрываться в горах Донгшо и Кхечау и в лесах либо эмигрировать. Численность КПИК сильно сократилась. Уцелевшие коммунисты, как правило, ушли в глубокое подполье.

Губернатор Нгуен Кхоа Ки, на которого была возложена задача подавления Советов, использовал для этого не только войска, но и полицию, подкуп, обман и демагогические обещания. Крестьянам сулили реформы, обещали прорыть оросительные каналы, соорудить плотины, открыть школы, построить храмы и оказать помощь пострадавшим семьям. Часть крестьян, поверив посулам, отошла от революционного движения, что привело к ослаблению Советов.

Для лучшего контроля над сельским населением и борьбы против оставшихся революционеров был восстановлен институт бангта — полицейских чиновников, которые должны были наряду с военными постами сыграть важную роль в подавлении Советов. Приказом Нгуен Кхоа Ки в каждом уезде учреждалась должность бангта, в распоряжении которого находилось 20 солдат. Соответственно в каждом са и тхонге появились бангта са и бангта тхонг, имевшие в распоряжении по нескольку солдат. Основной задачей бангта в уезде, во-

---

[3] В рассматриваемый период Нгуен Тием был секретарем провинциального комитета, членами комитета были Тон Зя Тюнг, Нгуен Фан, Нгуен Динь Конг, Фан Динь Донг.

лости и деревне была слежка за местным населением и помощь военным постам в арестах коммунистов. Колонизаторы предоставили бангта чрезвычайные полномочия и стремились назначить на эту должность лиц, известных своей жестокостью. Стремясь выслужиться, бангта часто прибегали к крайним мерам: сжигали целые села и посевы, убивали крестьян. Так, бангта Тинь убил 24 человека в са Волиет и арестовал свыше 200 человек. Бангта Туен во время манифестации в уезде Канлок расстрелял и арестовал большое число манифестантов. После Августовской революции 1945 г. некоторые бангта были казнены народом [108, 45].

Несмотря на то что в ряде уездов с марта—апреля 1931 г. отмечался спад революционного движения, в целом оно все еще оставалось сильным. Во многих районах реакции удалось восстановить прежние феодально-колониальные органы управления, однако влияние революционных сил на население было по-прежнему большим. Статус деревенских старост был восстановлен лишь формально, и власть на местах, как и раньше, концентрировалась в руках революционных органов власти. В ряде са провинции Нгеан фактически существовало двоевластие: с одной стороны, новая революционная власть в лице Советов, с другой — восстановленная старая феодально-колониальная власть в лице старост и нотаблей.

Народные массы не хотели складывать оружия, о чем свидетельствуют многочисленные выступления крестьян. В донесении французского капитана Донсэна 20 марта 1931 г. о положении в северных районах р. Сонгка говорилось: «Положение в этом районе остается еще напряженным почти во всех селах. Нотабли боятся выходить на улицу, восставшие крестьяне осуществляют повсеместный контроль. Следует прибегнуть к более строгим мерам, дабы восстановить порядок в этом районе» [86, 94]. В донесении того же капитана 12 апреля признавалось, что в деревнях Иенлинь, Иенфук, Нянчынг, Кыфу, Тёом (уезд Аньшон), несмотря на наличие военных постов, происходят многочисленные демонстрации и митинги, в которых участвуют тысячи людей. По сообщению Донсэна, 12 апреля 3 тыс. крестьян атаковали военный пост в Байшоне и направились к Долыонгу. Узнав об этом, французский офицер

Павловски направился туда с войсками. Произошло столкновение, во время которого погибло 45 человек.

С мая 1931 г. колонизаторы значительно активизировали политические и военные действия против восставшего народа и в провинциях Нгеан и Хатинь. Политика колонизаторов в рассматриваемый период попрежнему сводилась к тому, чтобы, с одной стороны, обещать проведение реформ, а с другой — жестокими военными средствами подавить всякую попытку протеста и окончательно сломить организованное сопротивление.

Следует отметить, что еще с апреля большинство выступлений восставшего народа проходили неорганизованно и стихийно, однако из-за своей массовости представляли весьма серьезную угрозу для колонизаторов и феодалов. Так, 14 апреля партизаны напали на посты Лайтхать и Лактхиен (провинция Хатинь), 26 апреля 1500 человек атаковали пост Фулонг (провинция Хатинь). В результате указанных столкновений 115 человек было убито и ранено.

Наиболее крупные и многолюдные выступления отмечались в день 1 Мая. Уже накануне этого праздника в деревнях обеих провинций распространялись листовки и проходили манифестации под красными знаменами. 30 апреля рабочие Чыонгтхи (Винь) и Бентхюи организовали митинги, на которых призывали трудящихся достойно встретить Первое мая. В день 1 Мая повсюду были вывешены красные флаги, во всех селах, где сохранялись Советы, были организованы демонстрации, на которых ораторы призывали народ к борьбе. Такие демонстрации состоялись в са Суанлам, Тханьтыонг, Тыалай (уезд Нгокшон), Дангшон (уезд Аньшон), Фулыу (уезд Канлок), Тонгкань, Тонгвинь (уезд Тхатьха), Тхинькуа (уезд Дыктхо) и др. Во время манифестаций отмечались столкновения с войсками, в ходе которых было много жертв. Колонизаторами были сожжены сотни крестьянских домов, и многие крестьяне были убиты [86, 95].

Наиболее мощное выступление в день 1 Мая было организовано рабочими Бентхюи, к которым присоединились крестьяне Иензунга, Локда, Дыктхиня. В Куангланге (уезд Аньшон) была организована демонстра-

ция, в которой участвовало 500 человек, и произошло столкновение с полицией, во время которого 8 человек были убиты. Четырехтысячная демонстрация произошла в уезде Зиенонг. В уезде Тханьтыонг двухтысячная демонстрация направилась в Чайдо, где демонстранты разрушили дом главы уезда.

На протяжении всего месяца происходили выступления рабочих и крестьян, многие из которых заканчивались столкновениями с властями. В Дангшоне и Лиушоне (уезд Аньшон) борьба длилась несколько дней. 2 мая произошли выступления в Камсуене (провинция Хатинь), в Дайдонге и в Лайтхане (провинция Нгеан), 3 мая — в Иенфуке (провинция Нгеан), где местный отряд самообороны и революционные силы уезда Аньшон уничтожили военный пост [125, 31]. 6 мая произошло выступление в Нгокламе (провинция Нгеан), 9 мая — в Фулыутхонге (провинция Хатинь) и в Мингоке (провинция Нгеан), 22 мая — в Иендунгтхуонге (провинция Нгеан), 25 мая — в Нгуса (провинция Хатинь», 26 мая — в Донглей, Хоадыке, Ламтхо (провинция Хатинь), 28 мая — в Кхуемить (провинция Хатинь), 29 мая — в Виньлыу и Фуонгми (провинция Хатинь), 30 мая — в Намтае и в Долыонге (провинция Нгеан), 31 мая — в Хынгкхе и Нгокшоне (провинция Нгеан). Вооруженные выступления отмечались также в провинциях Куангнгай, Кханьхоа (Далат) и др.

Революционные силы отступали под натиском колониально-феодальной реакции, но это было отступление с боями. В последние месяцы существования Советов столкновения с колониальной армией носили наиболее ожесточенный характер. Манифестанты все чаще переходили к вооруженной борьбе, повсеместно нападали на военные посты и патрули колониальной армии. Борьба с белым террором стала в эти дни главным лозунгом и содержанием деятельности Советов.

Многочисленные столкновения с войсками колонизаторов обусловили необходимость создания партизанских баз. Тханьтыонгский уездный комитет КПИК дал директиву о создании партизанской базы в Монгтаке (ныне деревня Тханьтыонг) для продолжения борьбы с врагом. Партийный комитет провинции Нгеан вместе с уездным комитетом Аньшона также создали партизанские базы в Кимняне, куда ушло свыше 400 крестьян.

На основе этих баз был создан укрепленный район, построены оружейные мастерские, велось военное обучение населения. Кадровым революционерам Фи, Тхоай Бинь и Зуету было поручено вести пропаганду среди жителей народности мыонг в районах Лангиен, Лангмон, Донгкхуа, Кыозао, Кетай, Лангбау, чтобы привлечь их к оказанию помощь партизанам [4].

Возникшие в ходе революционной борьбы партизанские базы и партизанские методы вооруженной борьбы не получили, однако, в рассматриваемый период должного развития. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем говорить о причинах поражения восстания. Здесь мы отметим лишь тот факт, что партизанские формы борьбы появились в Нге-Тине слишком поздно, когда революционное движение уже шло на убыль. Партизанская борьба, учат основоположники марксизма-ленинизма, есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания. Однако «марксизм, — писал В. И. Ленин, — требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы... Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма» [17, 2]. Исходя из этого, следует отметить, что во Вьетнаме в 1930—1931 гг. партизанские формы борьбы возникли тогда, когда в основном революционное движение было уже подавлено. Они проявились слишком поздно и, естественно, не получили должного развития.

Террор колонизаторов в эти дни принял тотальный характер: охотились буквально за каждым революционером. Наиболее жестокие зверства были проявлены в Иенфуке (уезд Аньшон), где, как и во многих других селах провинций Нгеан и Хатинь, в это время свирепствовал голод. В июне 1931 г. голодающие крестьяне решили отобрать у помещиков рис. В начавшихся столкновениях было убито 10 местных реакционеров, а также французский сержант Перье. В Иенфук были посланы карательные отряды. Спасаясь от них, население ушло в лес, который затем был окружен войсками.

---

[4] Партизанские отряды вели боевые действия до конца 1931 г.

Борьба длилась 3 месяца. Болезни и голод вынудили крестьян выйти из леса под пули карателей, которые убили около 500 человек [86, 106].

Подавление Советов в том или ином са еще не означало полного спада революционного движения, ибо политические манифестации происходили во многих уездах вплоть до июля 1931 г. 11 июня манифестации произошли в Тхыонгбанге, 12 июня — в Фулыу, 14 июня — в Ванламе, Тханьлыонге и в Фулыутхонге (провинция Хатинь), 15 июня — в Тханьла (Нгеан), 19 июня — в Гоиви, Тотои, 4 июля — в Тхиенлыонге (Хатинь), 6 июля — в Тханьла (Нгеан), 10 июля — в Дотхо, 28 июля — в Кханьои и Намхуане. Повсеместно устраивались засады и осуществлялись нападения на колониальные патрули и военные посты. 25 июня было совершено нападение на военные посты в Дотхо, Фуване и Мингоке, 7 июля — в Тханькаке и Хоакуне, 17 июля — в Тютхане (провинция Нгеан). 20 июня произошла грандиозная манифестация на дороге в Хатинь. 25 июня у уездного центра Тханьтыонг произошло столкновение манифестантов с колониальными войсками, которое привело к многочисленным жертвам.

После июня 1931 г. революционную борьбу продолжали вести народные массы уездов Аньшон, Иентхань, Канлок, Хыонгкхе, Тханьтыонг. Революционные силы пытались перейти в контрнаступление против колонизаторов и феодалов. Однако указанные выступления носили разрозненный, стихийный характер и протекали главным образом в форме манифестаций с требованием снизить арендную плату. Манифестанты окружали дома помещиков, отбирали рис, арестовывали реакционеров и предателей, над которыми устраивали самосуд.

Уезд Аньшон явился единственным районом, где народная власть просуществовала до августа. Мужественно сражались за свободу участники Аньшонского сопротивления. С подавлением Аньшонской базы сопротивления Советы прекратили свою деятельность [5].

---

[5] К началу 1932 г. член комитета Чунгки Ле Суан Дао, остававшийся на свободе, вместе с другими коммунистами предпринял безуспешную попытку восстановить партийные ячейки в уездах Аньшон и Намдан. В целях сохранения революционных сил для будущей борьбы многие патриоты, оставшиеся на свободе, эмигрировали в Лаос и Таиланд либо перешли на нелегальное положение.

Дату падения последних Советов Нге-Тиня мы можем определить достаточно точно, однако время спада революционного движения наметить значительно труднее. Выше уже говорилось о том, что в провинции Нгеан до конца 1930 г. отмечался безусловный подъем революционного движения, тогда как в первой половине 1931 г. здесь в целом уже происходил спад. Вместе с тем необходимо отметить, что в уездах Зиентяу, Куиньлыу и Иентхань провинции Нгеан даже во время подъема революционного движения не произошло захвата власти народом [63, 16], тогда как во многих са уездов Намдан, Хынгнгуен, Нгилок этой же провинции народная власть функционировала с самого начала установления Советов (сентябрь 1930 г.) вплоть до апреля 1931 г., а в уездах Тханьтыонг и Аньшон она продержалась соответственно до мая — июня и августа 1931 г.

В провинции Хатинь хронологические рамки движения были иными. В уездах Хыонгшон и Кианнь движение было подавлено еще в сентябре 1930 г., а в уездах Канлок, Дыктхо, Нгисуан, Хыонгкхе народная власть продержалась до августа 1931 г. В уезде Камсуен, хотя народная власть здесь так и не была установлена, революционное движение продолжало нарастать до конца 1931 г. В целом же по провинции наибольший подъем движения приходится на первую половину 1931 г. В мае 1931 г. в провинции Хатинь состоялось 20 общеуездных манифестаций, из которых 4 носили массовый характер и в них участвовало большое число крестьян. Такие же манифестации уездного масштаба планировал провести Нгеанский партийный комитет, однако они не состоялись. В Нгеане демонстрации и митинги имели местный характер и происходили только в са.

Следует отметить, что если революционное движение в обеих провинциях началось с рабочих забастовок и стачек в Бентхюи и Вине, то впоследствии на первый план выдвинулось крестьянское движение. Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан пишет, что «в 1930 г. движение Советов Нге-Тиня зародилось сначала среди рабочих вагоностроительного завода Чыонгтхи в г. Вине, потом оно охватило крестьян в двух провинциях: Нгеан и Хатинь» [43, 57]. В конце 1930 г. рабочего движения в городах Винь и Бентхюи почти не отмечалось, и только в мае 1931 г. рабочие стачки и манифестации возоб-

новились, однако той силы, с которой они проходили в 1930 г., достичь уже не удалось.

Положение трудового народа, и без того тяжелое в связи с экономическим кризисом и голодом, значительно ухудшилось после подавления Советов. Помещики и нотабли потребовали восстановления своих прав, утраченных в период существования революционной власти, и возмещения ущерба, причиненного им снижением арендной платы за землю, ликвидацией долгов и возвращением крестьянам общинных земель.

Положение КПИК после подавления революционного движения было крайне тяжелым. Многие первичные организации были разгромлены, оставшиеся на свободе коммунисты вынуждены были уйти в глубокое подполье. Однако это отнюдь не означало того, что в рассматриваемый период компартия отказалась от организации революционных выступлений. Выступления происходили, хотя и не так часто, как прежде. Так, в июле—августе 1931 г. в провинции Хатинь были организованы манифестации, участники которых требовали сокращения налогов, расправлялись с реакционными нотаблями, окружали военные посты колонизаторов, совершали налеты на уездные центры. Аналогичные выступления продолжали иметь место и в провинции Нгеан, особенно в тех селах, где революционные силы еще сохранили свои базы [см. 63, 17]. Остатки отрядов самообороны постепенно переходили в горные районы, откуда они время от времени совершали налеты на колониальные войска и тюремную охрану, освобождая революционеров. В провинциях Нгеан и Хатинь распространялись политические листовки, вывешивались красные флаги.

За 8 месяцев 1930 г. (май — декабрь) колониальные власти приговорили к смертной казни 649 крестьян и 83 профессиональных революционера. К пожизненным каторжным работам были приговорены 237 человек, к вечной ссылке — 306, к различным срокам тюремного заключения — 696 человек. В декабре только в тюрьмах Виня, Ханоя и Тхайбиня томилось 1359 политзаключенных. Во всех провинциях Тонкина, Аннама и Кохинхины имелись многочисленные тюрьмы, куда также были брошены революционеры. Мы не располагаем данными об общей численности политзаключенных в рассматри-

ваемый период. По приблизительным подсчетам, эта цифра равнялась 6 тыс.

Тюрьмы, переполненные революционерами, были для них не только источником душевных и физических страданий, но и большим испытанием мужества и стойкости, школой политического образования и подготовки кадров. Находившиеся в тюрьмах коммунисты изучали опыт революционного движения 1930—1931 гг., стремились сплотить заключенных, мобилизовать их на борьбу за свои права. В тюрьме Сонла борьбой политических заключенных руководили Ле Зуан и Чыонг Тинь, на острове Пулокондор — Фам Ван Донг. Политзаключенные тюрем даже издавали газеты. Так, в тюрьме Лаобао выходила газета «Дыонг кать манг» («Путь революции»). Она издавалась в единственном рукописном экземпляре на серой оберточной бумаге, в которую родственники и друзья завертывали передачи с воли [108а, 1974, № 5, 46].

Видные деятели компартии Чан Фу, Нгуен Ван (Фонг) Шак, Нгуен Дык Кань, Ле Мао, Ле Вьет Тхуат, Зыонг Нгок Лиен, Хоанг Ван Там, Дао Куанг, Нго За Ты и сотни других коммунистов отдали свои жизни во имя интересов национального освобождения. Память о них сохранилась в сердцах всех вьетнамских патриотов.

Причины поражения Советов

Итак, первое в истории Вьетнама совместное революционное выступление рабочих и крестьян под руководством КПИК, имевшее национально-демократический характер, окончилось поражением. Это было обусловлено различными причинами, к характеристике которых мы сейчас перейдем.

Несмотря на мужество и героизм участников Советов Нге-Тиня, колонизаторам удалось подавить Советы, ибо противоборствующие силы в данном случае были слишком неравными. Колониальная администрация и вьетнамская императорская власть в военном отношении были значительно сильнее и организованнее восставших. У колонизаторов и феодалов были хорошо вооруженная колониальная армия, включавшая авиацию и части Иностранного легиона, полиция и император-

ские войска. Выступления же рабочих и крестьян большей частью были мирными и лишь в ряде случаев имели вооруженный характер. Отряды самозащиты, созданные в ходе революционного движения, были плохо вооружены, недостаточно организованы и недостаточно решительны. Это и понятно: ведь восстание крестьян в провинциях Нгеан и Хатинь произошло без должной подготовки, преждевременно и стихийно, крестьяне и рабочие не имели опыта борьбы. Движение не смогло приобрести всенародный характер. Не во всех уездах были созданы отряды самозащиты. Не было развернуто широкое партизанское движение, как и не были повсеместно созданы базы борьбы против колониальных властей. Выступления были разрозненными и происходили неодновременно в разных частях страны, что дало колонизаторам возможность легко и беспрепятственно перебрасывать в Нгеан и Хатинь войска из других районов страны.

Главной причиной такого положения было то, что хотя в провинциях Хатинь и Нгеан и существовала благоприятная революционная обстановка, однако в стране в целом еще не сложилась революционная ситуация. Рабочие и крестьяне других провинций не были готовы принять участие в революционной борьбе, хотя выражали солидарность и оказывали поддержку рабочим и крестьянам Нгеана и Хатиня.

Международная обстановка в рассматриваемый период также не благоприятствовала развитию революционного движения во Вьетнаме. В это время почти во всех капиталистических странах начался экономический кризис. Национально-освободительное движение в колониальных странах в целом находилось на стадии спада. В соседнем Китае Красная армия была вынуждена оказывать сопротивление нажиму войск Чан Кай-ши. В Индонезии антиимпериалистическое движение тоже шло на убыль.

Стремясь нанести удар по революционному движению, колониальные власти старались укрепить союз со всеми антикоммунистическими силами — вьетнамскими феодалами и китайскими милитаристами, монархическими режимами и голландскими колонизаторами. В конце апреля 1930 г. король и королева Сиама (Таиланд) нанесли «дружественный» визит французскому

генерал-губернатору Индокитая. В начале ноября того же года в Сайгоне побывал губернатор Голландской Индии. Все это свидетельствовало о том, что реакционные силы Юго-Восточной Азии стремились к созданию единого фронта борьбы против национально-освободительного движения в странах этого региона.

Как уже говорилось, ухудшение материального положения рабочих и крестьян Нгеана и Хатиня привело к широким стихийным выступлениям против колониальных властей и местной реакции, которые завершились образованием Советов. От партии требовалось быстро оценить положение и выработать рекомендации по этому вопросу. Дело осложнилось тем, что комитет Чунгки фактически уже принял решение о вооруженном восстании, которое было преждевременным, ибо партия еще не подготовила к нему массы.

В сентябре 1930 г. ЦК КПИК, проанализировав развитие революционного движения в уездах Тханьтыонг, Намдан и др., вынес решение о том, что «раз уже начато восстание, то поздно его останавливать, необходимо укрепить влияние партии и идей Советов в массах, встать в авангарде борьбы трудового народа, разделив с ним его участь» [63, 52]. Одновременно ЦК КПИК дал некоторые рекомендации по тактике революционной борьбы, указав на существующие ошибочные точки зрения относительно проведения политических манифестаций. ЦК указал, что манифестации необходимо тщательно готовить и при этом учитывать все обстоятельства. «При появлении вражеских самолетов следует быстро рассеяться. Участники манифестации должны быть разделены на группы, каждая из которых должна иметь своего руководителя и знать правила организации. При хорошей организации можно избежать больших жертв» [63, 52].

В письме ЦК отмечалась необходимость политического воспитания крестьян и ведения политической пропаганды в деревнях.

Критикуя ошибки комитета Чунгки, ЦК КПИК призывал развернуть борьбу по всей стране в поддержку Советов Нге-Тиня. ЦК внимательно следил за борьбой Советов и оказывал им помощь. Однако КПИК была создана незадолго до рассматриваемых событий и, естественно, еще не имела достаточного опыта борьбы и не

успела организационно укрепиться. Партийные и массовые политические организации были еще слабыми и не могли вести широкую организационную работу среди трудящихся. Даже руководящие работники КПИК были, как правило, слабо подготовлены теоретически и в ряде случаев допускали серьезные ошибки и просчеты. Это не могло не сказаться и при составлении партийных документов. Так, программный партийный документ «Тезисы о буржуазно-демократической революции», принятый на октябрьском пленуме 1930 г., хотя в целом и соответствовал обстановке и условиям Вьетнама, тем не менее содержал отдельные ошибочные положения по вопросу об определении главного врага революции и характеристике революционности каждого класса [108, 51].

Одной из ошибок программы КПИК было то, что она призывала вести борьбу как против феодалов, так и против буржуазии. Это было неправильно, так как в колониальном Индокитае, как и в других колониях, буржуазия в отличие от стран Запада еще не утратила своих прогрессивных потенций и еще могла играть революционную роль в национально-освободительной революции. В оправдание вьетнамских коммунистов следует сказать, что они не были одиноки в недооценке роли буржуазии в национальной революции. При разработке программы КПИК они бесспорно исходили из программы, принятой на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Эта программа обобщила опыт международного рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов колоний и полуколоний и диктатуры пролетариата в СССР. Однако наряду с правильными положениями в программе Коминтерна содержались и некоторые ошибочные утверждения, подвергнутые впоследствии справедливой критике и исправленные на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.). Так, в ней давалась неверная характеристика социал-демократии в целом как социал-фашизма [76, 622], а национальная буржуазия колониальных и зависимых стран характеризовалась как сила, уже исчерпавшая свои возможности в борьбе против империализма за национальную независимость и свободу. Последнее утверждение обусловливалось механическим переносом на колониальные и зависимые страны, и в частности на Индию, выводов, извлечен-

ных из опыта союза Коммунистической партии Китая с гоминьданом, разорванного Чан Кай-ши [76а, 392].

Такие идеологии национальной буржуазии, как гандизм и суньятсенизм, в программе Коминтерна характеризовались как контрреволюционные, враждебные делу рабочего класса [76, 622]. В программе не учитывалось то обстоятельство, что идеологии выдающихся патриотов Сунь Ят-сена и Ганди объективно играли прогрессивную роль, поскольку были подчинены задачам национально-освободительной борьбы своих народов. В оценке гандизма, в частности, программа имела в виду прежде всего реакционные и утопические стороны этой идеологии, оставляя в стороне ее антиимпериалистические черты [76а, 400].

Таким образом, VI конгресс Коминтерна принял линию, которая в оценке национальной буржуазии колониальных и полуколониальных стран «носила определенный налет сектантства» [38а, 503]. Определяя стратегию и тактику мирового коммунистического движения, VI конгресс выдвинул лозунг «класс против класса», приведший в дальнейшем к сектантским ошибкам некоторых коммунистических партий. Этот лозунг сковывал усилия коммунистических партий в деле установления контактов с демократическими слоями буржуазии, приводил к тому, что компартии стран Востока были лишены правильной ориентации при создании единого национального фронта. Отчасти этим объясняется тот факт, что в 1930—1931 гг. во Вьетнаме не был оформлен Антиимпериалистический союз, создание которого было провозглашено компартией и который, в случае его организации, мог сыграть важную роль в национально-освободительном движении.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Как известно, идея создания Антиимпериалистического фронта принадлежит В. И. Ленину. Еще на II конгрессе Коминтерна (июль — август 1920 г.) В. И. Ленин высказал мысль о необходимости создания такого фронта. Эта мысль нашла свое воплощение в решениях II конгресса Коминтерна: «Коммунистический Интернационал должен вступать во временные соглашения, даже в союзы с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней, а безусловно сохранять само-

стоятельность пролетарского движения, даже в самой зачаточной его форме» [36б, 129].

Указанную идею В. И. Ленин развил на IV конгрессе Коминтерна, в работе которого он принял активное участие. IV конгресс Коминтерна отметил, что экономические и политические интересы колониальных и зависимых стран должны привести к объединению всех национальных сил этих стран (рабочих, крестьян и буржуазии) против общего врага — империализма. В решениях IV конгресса Коминтерна нашла также отражение мысль о необходимости достижения союза народов колоний с СССР и международным рабочим движением. «Союз с пролетариатом передовых стран диктуется им не только интересами совместной борьбы с империализмом, но и тем, что лишь от победившего пролетариата передовых стран рабочие Востока получат бескорыстную помощь для развития своих отсталых производительных сил» [36а, 20].

Важную роль в деле создания Антиимпериалистического фронта сыграли I Всероссийский съезд народов Востока, состоявшийся в сентябре 1920 г. в г. Баку, и съезд народов Дальнего Востока, созванный в январе 1922 г. в Москве. Начиная с 1925 г. были созданы многочисленные антиимпериалистические организации во многих странах мира: во Франции, Германии, Англии, в странах Латинской Америки и др. [см. 81а].

Ленинская идея о создании единого антиимпериалистического фронта, нашедшая свое воплощение в программе Коминтерна, была организационно оформлена на Брюссельском конгрессе в феврале 1927 г., на котором присутствовали 152 делегата, представлявшие 137 организаций из 37 стран. На этом конгрессе были избраны Генеральный совет и Исполнительный комитет Антиимпериалистической лиги. Конгресс принял Манифест ко всем угнетенным народам и классам и призвал к борьбе против всех видов угнетения наций и людей во всех странах. Брюссельский конгресс призвал к борьбе против империализма за национальную независимость народов колоний под лозунгом «Угнетенные народы и угнетенные классы, соединяйтесь!» [81а, 30]. Впоследствии этот лозунг обрел более точную формулировку: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!» [там же; см. также 76а, 234]. Антиимпериалисти-

ческая лига представляла собой широкий фронт рабочего класса, крестьянства и прогрессивной интеллигенции. В работе Лиги принимали участие представители различных политических партий, профсоюзных и культурных организаций всех континентов, в том числе представители народов колоний и зависимых стран. Достаточно привести имена некоторых участников Брюссельского конгресса: Анри Барбюс, Мартин Андерсен-Нексе, Альберт Эйнштейн, Поль Ланжевен, Георгий Димитров, Сэн Катаяма, Гарри Поллит, Артур Макманус, Шрипат Амрит Данге, Викторио Кодовилья, Семаун, Мановар Муссо, Г. Н. Мельничанский, А. В. Косарев, Цюй Цю-бо, Сун Цин-лин, Джордж Ленсбери, Джавахарлал Неру, Ахмед Сукарно, Хо Ши Мин и многие другие.

В работе Брюссельского и Франкфуртского (июль 1929 г.) конгрессов Антиимпериалистической лиги приняли участие и делегаты Индокитая. На Франкфуртском конгрессе два делегата от Индокитая были избраны в состав Генерального Совета, что положительно сказалось на создании единой антиимпериалистической организации во Вьетнаме.

Вьетнамские коммунисты, и в их числе Хо Ши Мин, присутствовали на заседаниях конгрессов Коминтерна и были в курсе всех его решений, в том числе и по вопросам тактики единого фронта. Именно поэтому в программе Коммунистической партии Индокитая нашел свое отражение вопрос о создании Антиимпериалистической лиги. В Политических тезисах, принятых ЦК КПИК на октябрьском пленуме 1930 г., указывалось, что «для всестороннего использования всех возможностей с целью расширения революционного движения партия может временно сотрудничать с другими партиями, но только в том случае, если эти партии искренне борются против империализма и не препятствуют коммунистической агитации и пропаганде среди рабочих и крестьян» [64, 87]. В тезисах далее говорилось, что при осуществлении такого сотрудничества компартия обязана всегда охранять классовый характер рабоче-крестьянского движения, иначе говоря, должна защищать свободу агитации, пропаганды, организаций и вести массы на борьбу под лозунгом партии: осуществление антиимпериалистической и аграрной революции.

Наряду с этим следует критиковать непоследовательные действия некоторых партий, а также их ограниченный национализм и всемерно искоренять их влияние на массы.

Таким образом, из тезисов КПИК явствует, что она считала возможным и необходимым создание Национального фронта. Более того, на октябрьском пленуме ЦК КПИК были обсуждены и приняты программа и устав Национального фронта, именуемого во вьетнамских партийных документах Антиимпериалистическим союзом (Хой Фан де донг минь) [6]. Антиимпериалистический союз должен был установить власть Советов рабочих, крестьян и солдат после свержения власти колонизаторов и феодалов, создать Красную армию рабочих и крестьян, национализировать собственность иностранного капитала, конфисковать землю феодалов и церкви с последующей передачей ее крестьянам, установить восьмичасовой рабочий день, издать закон об охране труда, ввести прогрессивный подоходный налог, осуществить равенство между женщинами и мужчинами, обеспечить бесплатное обязательное обучение и поддержать Советский Союз [86, 60].

Устав Антиимпериалистического союза содержал четкое разъяснение смысла и задач, стоявших перед этой организацией: союз создан «для борьбы против империализма за национальную независимость народов Индокитая». В задачи союза, говорилось в уставе, входит «сплочение антиимпериалистических революционных сил в борьбе за свержение империалистического господства, за установление независимости Индокитая, в защиту освободительного движения в колониях и полуколониях» [127, 34].

Партия представляла себе Антиимпериалистический союз как объединение представителей рабочего класса и крестьянства, мелкой буржуазии, прогрессивной интеллигенции под руководством рабочего класса. Партия стремилась вовлечь в ряды союза также мелких и средних помещиков, буржуазию или по крайней мере их нейтрализовать. Призывая к созданию Антиимпериали-

---

[6] Во вьетнамской исторической литературе встречаются и другие названия этой организации: «Донг минь фан де», «Лиен минь фан де» и др., что в переводе на русский язык означает «Антиимпериалистический союз», «Антиимпериалистическая лига» и т. п.

стического союза как одной из форм единого национального фронта, партия тем самым стремилась привлечь широкие слои населения к антиимпериалистической борьбе. С этой целью она выразила согласие вести переговоры с представителями других партий и организаций (Национальной партией, группой Нгуен Ан Ниня и др.).

После октябрьского пленума ЦК КПИК, однако, вопросу создания Антиимпериалистического союза не было уделено должного внимания. Более того, создание союза организационно затягивалось, что можно объяснить тем, что КПИК в это время еще не обладала достаточным опытом в этом деле. КПИК еще не вела серьезной работы среди мелкой и национальной буржуазии по вовлечению ее в антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу, направив основные усилия на создание союза рабочего класса и крестьянства. Именно этим объясняется тот факт, что КПИК не сразу после октябрьского пленума обратила свое внимание на организационное оформление Антиимпериалистического союза. Следует учесть и тот факт, что в рассматриваемый период в коммунистическом движении была широко распространена концепция о предательстве национальной буржуазией Китая и Индии дела свободы и независимости. Эта концепция, оказавшая влияние и на руководство КПИК, была неверной, ибо нельзя было механически приравнивать ситуацию, сложившуюся в Китае в 1927 г., когда руководство гоминьдана предало интересы революции, к обстановке в других колониальных и зависимых странах. В отношении же Индии вообще было совершенно неправильным утверждать, что индийская буржуазия предала интересы свободы и независимости индийского народа. Напротив, съезд партии Индийский национальный конгресс, состоявшийся в конце 1929 г. в Лахоре, вновь подтвердил свою позицию борьбы за полную национальную независимость и решил начать кампанию массового гражданского неповиновения.

Только в ноябре 1930 г., когда в стране произошла резкая дифференциация классовых и политических сил и когда мелкая и национальная буржуазия, мелкие помещики и кустари, кулаки и мелкие торговцы не только не выступили против антиимпериалистической и

антифеодальной революции, но значительная их часть поддержала революционные силы либо заняла нейтральную или колеблющуюся позицию, партия, наконец, приступила к оформлению Антиимпериалистического союза.

18 ноября 1930 г. постоянный комитет ЦК КПИК издал директиву о создании Антиимпериалистического союза, обращенную ко всем партийным комитетам и членам партии. Директива гласила: «Из анализа политической программы буржуазно-демократической революции в Индокитае явствует, что рабочий класс, если он не выступит в союзе с крестьянством, являющимся важной движущей силой революции, не способен изгнать французских империалистов и их приспешников в лице контрреволюционных феодалов и в то же время, когда рабочий класс сотрудничает с крестьянством, но не выдвигает лозунг о наделении землей земледельцев, последние не поддерживают его, и буржуазно-демократическая революция в таком случае обречена на поражение. Таким образом, рабочий класс и крестьянство являются основными движущими силами революции» [63, 55]. Далее в директиве отмечалась необходимость привлечения к антиимпериалистической борьбе всех революционных сил страны. Постоянный комитет ЦК предлагал усилить работу по созданию Антиимпериалистического союза, напоминая всем комитетам и членам партии о том, что в антиимпериалистической и аграрной революции в Индокитае вьетнамский народ уже имеет большой опыт борьбы против колонизаторов на всем протяжении времени с начала колонизации, что народ глубоко осознает и понимает антиимпериалистические задачи борьбы и что это нашло яркое проявление в движении за Советы.

Далее в директиве говорилось что в рассматриваемый момент революционное движение получило широкое развитие по всей стране, однако в различных ее частях уровень и глубина этого движения различны. В тех местах, где революционное движение приобрело широкий размах, например в провинциях Садек, Хаузянг и в Сайгоне-Тёлоне (Кохинхина), борьба велась организованно, легальным и нелегальным путями. В Аннаме, особенно в провинциях Нгеан и Хатинь, в период советского движения произошло наибольшее классовое расслоение и размежевание: на сторону коло-

низаторов и феодалов перешла реакционная часть помещиков и интеллигенции, однако другая часть помещиков, особенно мелких, участвовала в революционной борьбе. Мелкие помещики, кулаки и сельские чиновники оказывали содействие и помощь Коммунистической партии и рабоче-крестьянскому движению. Некоторые кулаки и мелкие помещики снабжали продовольствием участников политических манифестаций и митингов в деревнях, выделяли строительные материалы и оказывали материальную помощь семьям, пострадавшим от пожаров и репрессий колониальных властей. Среди помещиков были и такие, которые не шли ни за революцией, ни за империалистами, однако не препятствовали своим детям участвовать в революционном движении. В директиве Постоянного комитета ЦК о создании Антиимпериалистического союза справедливо отмечалось, что «в Нге-Тине произошло размежевание помещиков, кулаков и деревенских чиновников. Значительное их число склонилось в сторону революции, симпатизируя компартии и рабоче-крестьянскому движению» [127, 36].

Это были вынуждены признать и французские колониальные власти. Так, председатель Политического и административного суда Северного Аннама Дюпюи в донесении 9 февраля 1931 г. верховному резиденту Аннама (Чунгки) отмечал: «В революционное движение в провинциях были вовлечены представители всех слоев населения, которые пошли за коммунистами» [127, 36]. Начальник тайной полиции провинции Хатинь в донесении начальству 17 июня 1931 г. признавал: «Вполне очевидно, что коммунистическое движение сейчас, как и с самого начала, получает в провинции поддержку со стороны населения и национальных партийных группировок» [127, 36].

Ниже приводятся некоторые данные о размежевании местной администрации в двух уездах Нге-Тиня в период Советов. В уезде Тханьтыонг из десяти чиновников трое перешли на сторону революции, двое сохраняли нейтралитет до начала спада движения, после чего приняли участие в подавлении революционного движения, пятеро открыто выступили против революции [127, 36]. Из 78 деревенских старост 10 принимали участие в работе различных революционных организаций

(Крестьянский союз, союзы экономической помощи и др.), еще 5 добровольно вступили в Крестьянский союз; 7 старост оставались на своих постах и выполняли распоряжения Крестьянского союза; 26 старост были нейтральными; один бежал, один покончил с собой, 11 выступили против революции; о 17 остальных сведений нет.

В уезде Намдан из 80 представителей уездного и деревенского начальства 52 сохраняли в период подъема революционного движения нейтралитет, 18 участвовали в движении, 10 перешли на сторону контрреволюции.

Национальная буржуазия проявляла в этот период нерешительность, не принимая участия в революционном движении, но и не выступая открыто против него. Так, «среди представителей буржуазных кругов г. Виня не было никого, кто бы поддержал революционное движение, так же как и никто не выступил против него» [127, 36].

КПИК стремилась распространить опыт провинций, где революционное движение приобрело широкий размах, на районы, в которых уровень движения был низким. В связи с этим Постоянный комитет ЦК выражал надежду, что партийные комитеты, как и все члены партии, внимательно ознакомятся с директивой с целью пропаганды и мобилизации широких народных масс, укрепления и развития революционного движения [см. 63, 55].

В директиве были определены конкретные меры по организации Антиимпериалистического союза. Постоянный комитет ЦК предлагал создавать Антиимпериалистический союз сверху, для чего каждому провинциальному партийному комитету предлагалось выделить одного теоретически подготовленного и имеющего опыт политической работы коммуниста, которому поручалось создание специального комитета Антиимпериалистического союза в провинции в составе 5—9 человек. Члены этого комитета должны были детально обсудить устав Союза и составить план ведения пропаганды по созданию уездных и первичных организаций Союза в сельских общинах. Вслед за этим предписывалось созвать конференцию представителей различных общественных организаций (профсоюзы, крестьянские союзы,

женские и молодежные организации и др.) для юридического оформления Антиимпериалистического союза. В тех местах, где революционное движение было слабым, предлагалось создать нелегальные союзы под видом различных артелей, обществ взаимопомощи и культовых обрядов, в которых должна была вестись читка политических газет, революционных стихов, разучивание песен, распространение информации о событиях в Нгеане и Хатине. Иначе говоря, эти общества использовались для ведения широкой агитационно-пропагандистской работы в массах и подготовки активистов и участников революционного движения.

«Постоянный комитет ЦК, — говорилось в директиве в заключение, — выражает уверенность в том, что указанная директива поможет нашим товарищам и руководящим партийным органам расширить Антиимпериалистический союз» [63, 57].

На проходившей с 22 по 27 декабря 1930 г. конференции партийного комитета Чунгки было принято решение о вовлечении в Антиимпериалистический союз помимо рабочих и крестьян мелкой и национальной буржуазии, национальной интеллигенции, патриотически настроенных мелких помещиков и других слоев населения. В этой связи коммунистическая газета «Ко во шан» писала 15 января 1931 г.: «Комитет Чунгки призывает рабочих, крестьян и всех угнетенных Индокитая вступить в ряды Антиимпериалистического союза» [63, 29].

Таким образом, политика партии в вопросе создания единого национального фронта состояла в том, чтобы объединить все патриотические силы и повернуть острие борьбы против империалистов, реакционных феодалов и их приспешников. Руководителем и организатором единого национального фронта должен был стать рабочий класс, а основой фронта — союз рабочего класса и крестьянства.

В 1930 г. вьетнамский Антиимпериалистический союз стал секцией международной Антиимпериалистической лиги. Орган ЦК КПИК газета «Во шан» в № 4 за декабрь 1930 г. писала, что «Антиимпериалистическая лига признала вьетнамскую секцию». Печатным органом Антиимпериалистического союза была газета «Зяйфонг». В одном из номеров этой газеты отмеча-

лось, что вьетнамская секция Антиимпериалистической лиги ставит целью создание своих ячеек в каждой деревне, на каждом заводе и фабрике, в каждом учреждении и воинском подразделении. Перед низовыми организациями Антиимпериалистического союза была поставлена задача вести широкую мобилизацию антиимпериалистически настроенных лиц. В том же номере газеты говорилось, что коммунисты играют активную роль в этой организации. В заключение отмечалось, что вьетнамская секция Антиимпериалистической лиги желает установить тесные контакты с Антиимпериалистическими лигами Индии, Китая и Франции.

Во время подъема революционного движения 1930—1931 гг. в Нге-Тине вопрос о создании Антиимпериалистического союза обсуждался в обеих провинциях. Однако лишь в уезде Зиентяу был учрежден уездный исполнительный комитет Антиимпериалистического союза, тогда как в селах первичные организации Союза еще не успели оформиться из-за начала репрессий против революционного движения. В уезде Намдан партийная организация приняла решение о создании Антиимпериалистического союза и выделила для этого людей. Но и здесь Союз так и не был создан, поскольку его организаторы были арестованы. К этому надо добавить, что директива Постоянного комитета ЦК от 18 ноября, как и декабрьское решение 1930 г. комитета Чунгки, была доставлена в первичные организации с большим опозданием, когда в стране уже свирепствовали репрессии. И, наконец, некоторые коммунисты, не понимая всей глубины антиимпериалистических задач революции, ограничивались лишь заботой об интересах рабочих и крестьян и фактически игнорировали интересы остальных слоев населения, что привело к ошибкам левацкого характера и определенным образом повлияло на создание единого национального фронта. Кадровые работники и члены местных парторганизаций, не сознавая до конца важности создания Антиимпериалистического союза, затягивали его организационное оформление. Более того, некоторые коммунисты считали, что поскольку все жители деревень охвачены массовыми организациями (Крестьянским союзом, Союзом женщин, Союзом молодежи), то незачем создавать еще одну массовую организацию. Даже партком провинции Нге-

ан считал ненужным создание Антиимпериалистического союза и поэтому принял решение «прекратить организацию Антиимпериалистического союза», подчеркнув необходимость укрепления и расширения существующих массовых общественных организаций [127, 37].

Таким образом, попытка КПИК объединить все революционные силы страны в широкий Антиимпериалистический союз не привела к желаемым результатам по ряду объективных и субъективных причин. Анализ приведенных материалов дает возможность сделать вывод о том, что, во-первых, в начале подъема революционного движения КПИК еще прямо не ставила вопрос о создании единого национального фронта всех антиимпериалистических сил страны. Этот вопрос был ею выдвинут лишь тогда, когда в стране уже не было благоприятных условий, когда повсюду начались репрессии и руководство компартии было обезглавлено. Во-вторых, Антиимпериалистический союз рассматривался провинциальными организациями партии в основном как союз рабочего класса и крестьянства и все усилия были направлены на укрепление этого союза. В-третьих, КПИК, считая возможным привлечение других классов и партий к сотрудничеству в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе, практически еще не ставила этот вопрос в повестку дня. Иначе говоря, в указанное время КПИК хотя и определила свою позицию по отношению ко всем классам вьетнамского общества, тем не менее еще не предприняла практических организационных мер по привлечению их к сотрудничеству.

В период подъема революционного движения в Антиимпериалистический союз (там, где он был создан) входили Коммунистическая партия и массовые организации, находившиеся под ее влиянием. Другие антиимпериалистические организации в Союз не вступили, что во многом объяснялось тем, что выдвинутый компартией лозунг «Борьба против помещиков, нотаблей, кулаков и старой интеллигенции» в значительной мере оттолкнул многих от участия в Антиимпериалистическом союзе [116, 56].

Говоря об ошибочных положениях, нашедших свое отражение и в программе и в конкретных действиях КПИК, нельзя забывать о том, что ядро вьетнамской

компартии в рассматриваемый период составляли не рабочие и крестьяне, а мелкобуржуазные интеллигенты. Большинство членов компартии вышло из таких мелкобуржуазных националистических организаций, как Товарищество вьетнамской революционной молодежи, Революционная партия нового Вьетнама и Национальная партия, программы и уставы которых рассматривали террор как один из основных методов борьбы. Нехватка опыта политической борьбы и работы в массах, а также слабая теоретическая подготовка нередко приводили коммунистов к крайним решениям и левацким загибам, что особенно проявлялось в местных организациях, и в частности в Чунгки, где партийное руководство недостаточно четко понимало взаимосвязь между антиимпериалистической и антифеодальной борьбой. Недостаток подготовленных и теоретически образованных кадров КПИК в значительной мере сказался на успехе революционного движения.

Возникшее стихийно во многих уездах, народное движение продолжало нарастать, охватывая все новые районы, тогда как политическое руководство не успевало следовать за ним, партийные организации не успевали своевременно и должным образом осуществлять руководство революционной борьбой. Деятельность и активность местных партийных организаций отставали от революционного движения рабочих и крестьян. Руководство не могло быстро и своевременно перестроить свою работу так, чтобы направить революционное движение по правильному пути. Между ЦК КПИК и комитетом Чунгки не всегда была четкая взаимосвязь, в результате чего комитет Чунгки и провинциальные комитеты допускали просчеты в своей деятельности. Так, после принятия ЦК КПИК 18 ноября 1930 г. решения о создании Антиимпериалистического союза провинциальные комитеты Нгеана и Хатиня недостаточно активно проводили это решение в жизнь. Партийные комитеты не смогли до конца понять, что империализм является главным и самым опасным врагом революции, они не сумели объединить все антиимпериалистические силы в единый фронт и не выдвинули лозунгов о завоевании на свою сторону средних слоев, особенно городского населения. Слабо велась работа среди католиков и национальных меньшинств.

Невыполнение решения партии о создании Антиимпериалистического союза имело и еще одну сторону: отсутствие четкого разграничения национально-освободительных и социальных задач революции привело к тому, что национальная борьба захлестнула классовую. Благодаря тому, что на первых порах в революционное движение включились широкие, патриотически настроенные слои вьетнамского общества, это движение приобрело национальный характер. Однако вследствие того, что в данный период классовая борьба еще не была четко определена, она растворилась в национально-освободительной борьбе. Из-за отсутствия отдельных антиимпериалистических организаций во многих уездах кулаков принимали в члены Крестьянского союза. По мере развертывания национально-освободительной борьбы, когда классовая борьба проявилась более ярко и кулаки показали себя враждебной революции силой, стало ясно, что их не следовало принимать в Крестьянский союз.

В ходе борьбы были допущены и левацкие ошибки. Так, в период борьбы с голодом рис отбирался не только у помещиков, но и у некоторых кулаков и даже середняков, которых совершенно ошибочно зачисляли в эксплуататоры. Революционные силы в ряде случаев применяли к упомянутым слоям населения насилие и принуждение. К классу помещиков также не был применен дифференцированный подход. Мелких, патриотически настроенных помещиков не старались привлечь на сторону революции, в ряды Антиимпериалистического союза.

В период подъема революционного движения союз рабочего класса и крестьянства еще только складывался, он был еще весьма слабым и организационно недостаточно оформленным. В некоторых са велась неправильная борьба против зажиточных крестьян, середняков, мелких нотаблей и интеллигенции и таким образом дискредитировалась политика партии в деревне. Все это наряду с другими причинами обусловило отход упомянутых слоев населения от революционного движения, что было на руку реакции и нанесло непоправимый ущерб делу революции.

Выше уже отмечалось, что призыв к вооруженной борьбе был выдвинут преждевременно. К этому надо

добавить, что с конца 1930 г. в революционной борьбе стала преобладать тенденция применения насилия в отношении отдельных реакционно настроенных лиц. В своем письме от 23 мая 1931 г. Восточное бюро Коминтерна подвергло обоснованной критике инциденты насильственного характера (террористические акты), происходившие в Индокитае: «Не сообразуясь с принципами коммунизма, эти террористические акты чинили препятствия революционному движению, отстраняя массы и предоставляя, таким образом, империалистам и полиции возможность вызвать провокации, чтобы начать репрессии» [108, 52].

В период, когда движение достигло кульминационной точки, когда трудовой народ в деревнях захватил власть, а реакция начала осуществлять репрессии, перебросив крупные силы на подавление Советов, местные партийные комитеты придерживались старой тактики, вместо того чтобы использовать более гибкую и разумную тактику с целью сохранения сил. Вместе с тем, несмотря на то что ЦК дал правильное указание о необходимости захвата у врага оружия и создания отрядов самозащиты, во многих случаях не были использованы благоприятные условия для захвата оружия, а в ряде мест захваченное оружие уничтожалось вместо того, чтобы быть использованным в борьбе с врагом. Хотя революционные силы и вели определенную работу среди вражеских солдат и в ряде мест эта работа дала положительные результаты (в войсках были созданы коммунистические ячейки, во время политических манифестаций солдаты нередко отказывались стрелять в народ и т. д.), тем не менее коммунисты не смогли развернуть широкую пропаганду в колониальной армии и не призывали солдат направить свое оружие против колонизаторов. Более того, когда уже начался спад революционного движения, многие местные партийные комитеты не выполняли указаний ЦК и комитета Чунгки о создании подпольных партийных ячеек в армии и подпольных крестьянских союзов в деревнях с целью сохранения революционных баз и кадров. Наоборот, в ряде мест руководители местных организаций нацеливали массы на борьбу до конца и тем самым обрекали на гибель последние революционные силы [63, 22].

Некоторые уездные парторганизации (Тханьтыонг,

Намдан и др.) самостоятельно вынесли решение о прекращении борьбы, дабы сохранить силы и не навлечь на уезд крупных репрессий со стороны колонизаторов. Партийный комитет Нгеана осудил действия указанных уездных организаций, отметив, что «эти действия являются антибольшевистскими и показывают, что в партии существует влияние мелкобуржуазной идеологии» [86, 101].

Именно в это время исполком Чунгки решил провести чистку партийных ячеек под лозунгом: «Коренным образом покончить с интеллигентами, помещиками и мандаринами» [82, 39]. Во время этой чистки были допущены ошибки левацкого характера, которые были использованы реакцией с целью раскола единства революционных сил. В результате многие отошли от революционного движения, что показали первомайские демонстрации 1931 г.

20 мая 1931 г. Постоянный комитет ЦК КПИК издал и разослал директиву о проведении чистки партии. Директива гласила: «Партийный комитет Чунгки, и в первую очередь его секретарь, дал указание о коренной чистке партии, содержание которой предельно ясно: очистить партию от интеллигентов, кулаков, помещиков и старост. Такая формулировка: очистить партию от указанных элементов — лишена какого бы то ни было основания, а само указание произвольно и необдуманно» [63, 69]. ЦК КПИК предложил комитету Чунгки самым строгим образом пересмотреть ошибки, допущенные в каждой местности по отношению к каждому отдельному лицу. ЦК обязал комитет Чунгки развернуть под руководством партийного комитета большевистскую самокритику своих ошибок перед массами и перед членами партии [там же].

ЦК КПИК указал на ошибки парторганизаций Нгеана и Хатиня и определил следующую классовую линию в деревне: «Добиться любой ценой укрепления положения бедняков и батраков, являющихся полупролетарскими элементами в деревне; сплотиться с середняками, ибо они являются основной революционной силой и союзниками пролетариата в строительстве социализма после захвата власти пролетариатом. Красный крестьянский союз не может допустить наличия в своих рядах кулаков, не говоря уже о их выдвижении на

руководящие должности в Союзе» [82, 39]. При этом Постоянный комитет ЦК КПИК не одобрил коренной чистки Красного крестьянского союза, а счел целесообразным ограничиться его реорганизацией. Он предложил перевести зажиточных крестьян из Красного крестьянского союза в группы трудовой взаимопомощи. Указание комитета ЦК, правильно отражавшее классовую линию партии в деревне в период национально-демократической революции, было учтено партийными организациями провинций Нгеан и Хатинь.

Итак, основные ошибки, допущенные в период существования Советов Нге-Тиня, имели характер как «левого», так и правого уклонов. К левацким ошибкам можно отнести отсутствие Антиимпериалистического союза, чистку партии под лозунгом «уничтожения интеллигентов, помещиков, кулаков и нотаблей», террористические акты, продолжение борьбы без учета реальной обстановки. К ошибкам правого уклона относятся прием кулаков в крестьянские союзы, проявление растерянности во время террора, удерживание масс от революционной борьбы во время подъема революционного движения. При этом характерно, что в период подъема революционного движения больше всего было допущено ошибок левацкого, а в период его спада — правого характера.

Как правильно указал впоследствии III съезд ПТВ, коммунисты в указанный период еще не полностью осознали, что главная задача состояла в борьбе против империализма, а не в борьбе против феодализма, хотя и последняя задача также стояла в повестке дня. КПИК была создана на базе нескольких политических организаций, большинство членов которых вышли из среды мелкой буржуазии и испытали на себе большое влияние мелкобуржуазных националистических идей Фан Бой Тяу. Уровень марксистско-ленинского образования членов партии в указанное время был очень низким. Партия не имела большого опыта руководства массами.

Хотя во время Советов гегемоном революционного движения выступил рабочий класс, который осуществлял свое руководство через Коммунистическую партию, однако это руководство осуществлялось не везде и не всегда равномерно и своевременно. Рабочий класс и его

передовой коммунистический авангард были еще очень слабы, еще не накопили достаточного опыта борьбы, что, естественно, не могло не сказаться на исходе революционного движения.

Несмотря на то что коммунистами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи было в это время сделано многое для соединения рабочего движения с марксизмом-ленинизмом, тем не менее социалистическая сознательность значительного числа рабочих оставалась весьма низкой. Рабочие еще хорошо не понимали общих классовых интересов. У них не было единой профсоюзной организации, равно как не все из них правильно сознавали задачи профсоюзов. По словам вьетнамского историка Чан Ван Зяу (ДРВ), «некоторые считали, что профсоюзы должны бороться только за свои экономические права, тогда как политическую борьбу должна вести Коммунистическая партия Индокитая» [93, 136]. Этим объясняется то обстоятельство, что во время некоторых выступлений профсоюзов в исследуемый период не выдвигались политические требования.

Недостатки отмечались также и в организационной работе. Вплоть до октября 1930 г. устав профсоюзов не имел ярко выраженного пролетарского классового характера. Все члены профсоюзной организации на предприятиях, как правило, являлись коммунистами. Это было проявлением сектантства в профсоюзном движении [146а, 1.II.1931]. Сторонники профсоюзного сектантства во Вьетнаме считали профсоюзы организацией наиболее активных и сознательных рабочих, в связи с чем прием в профсоюзные организации был ограничен и по своей сложности почти приравнен к приему в партию. Это была ошибочная тенденция, которая могла привести к сужению рамок профсоюзов, в результате чего подавляющее большинство рабочих могло остаться вне профсоюзной организации. Профсоюзы широко не привлекали к своей деятельности беспартийных, особенно рабочую молодежь и женщин. В период борьбы рабочие организации не проводили соответствующую подготовку, не вели широкой агитационно-пропагандистской работы до начала забастовок, а в период забастовок не проявляли решительность, в связи с чем забастовки порой имели слишком миролюбивый характер.

В ходе революционной борьбы выдвигались отдель-

ные лозунги слишком общего характера, которые не мобилизовывали массы на борьбу, например лозунги увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня без указания того, на сколько повысить заработную плату или уменьшить рабочий день. В ряде случаев выдвигались слишком большие требования, как, например, предоставление четырехнедельного отпуска и полутора выходных дней в неделю. Это требование было заведомо нереальным, ибо в то время многие рабочие не только не пользовались отпуском, но и не имели ни одного выходного дня. Иногда, наоборот, выдвигались требования о том, чтобы штрафы не превышали одну треть дневного заработка (Бакки), о «неликвидации воскресного дня» или о том, чтобы «не отменять новогодних праздников». Как отмечалось в решениях II пленума ЦК КПИК, «требовать от хозяев, чтобы они не штрафовали рабочих на сумму, которая бы не превышала треть их дневного заработка, означало на деле, что рабочие могут подумать, будто поведение капиталистов по отношению к ним вполне справедливое и поэтому не следует вести борьбу, а нужно только просить хозяев о снисхождении». Требование о «незапрещении воскресного дня» могло заставить рабочих думать, что уплата или неуплата хозяевами заработной платы за воскресный день — дело доброй воли самих хозяев.

Пленум указал на необходимость требования отмены всех видов штрафов, оплаты воскресного дня и т. д. и отметил, что причиной выдвижения неправильных требований является отсутствие их предварительного обсуждения в массах.

Указанные выше недостатки в создании и работе профсоюзов были отмечены II пленумом ЦК КПИК. В решениях пленума эти ошибки частично объяснялись тем, что среди членов партии (особенно в Бакки) имелись лица, считавшие, что профсоюзы являются организацией самой сознательной и передовой части рабочих. Поэтому они не стремились увеличить численность профсоюзов, не понимая при этом, что профсоюзы представляют собою массовую организацию, призванную объединить в своих рядах широкие слои трудящихся. Вместе с тем пленум указал на то обстоятельство, что в ряде мест в крестьянские союзы, численность которых росла слишком быстро, вошли лица, не имевшие

никакой связи с крестьянами. Поэтому на пленуме было принято предложение об укреплении состава крестьянских союзов сельскохозяйственными рабочими, а руководства профсоюзов и крестьянских союзов — рабочими-коммунистами.

К ошибкам, допущенным организациями КПИК в период подъема революционного движения 1930—1931 гг., следует отнести и недооценку ими пролетарского движения. Так, партийные комитеты провинций Нгеан и Хатинь на первых порах правильно сочетали борьбу рабочих и крестьян. Однако позднее, когда крестьянское движение достигло наивысшей ступени своего развития и когда были созданы сельские Советы, коммунисты слишком увлеклись крестьянским движением и упустили из виду рабочее движение. Это привело к тому, что в деревнях революционное движение оказалось значительно сильнее, чем в городах. Крестьянское движение вылилось в вооруженную борьбу за свержение старой власти и установление Советов, тогда как рабочее движение ограничилось забастовками и отдельными выступлениями по оказанию помощи крестьянам в их борьбе за установление Советов. Это отчасти объяснялось тем, что большинство руководителей революционного движения были выходцами из крестьян, были хорошо знакомы с сельской жизнью и тесно связаны с деревней.

Число членов Индокитайской компартии — рабочих было весьма незначительным. На промышленных предприятиях было небольшое число коммунистических организаций, тогда как в сельской местности число партийных ячеек было велико. Среди членов партии 90% были из крестьян или интеллигенции. В руководящих партийных органах во многих районах пролетарские или полупролетарские элементы также составляли весьма незначительный процент.

Второй пленум ЦК КПИК указал на то, что часть членов партии, особенно в Бакки и Чунгки, считали Коммунистическую партию партией широких трудящихся масс, а не партией пролетариата [63, 45]. Это привело — через признание наличия благоприятных условий для мобилизации крестьян на революционную борьбу — к выводу о необходимости концентрации всех революционных сил и руководящих центров в деревне.

Постепенно было предано забвению основное положение партии о том, что, несмотря на необходимость мобилизации крестьянских масс, следует обратить особое внимание на работу среди рабочих. Именно этим объясняется то, что рабочее движение во Вьетнаме оказалось значительно слабее крестьянского и рабочие, вместо того чтобы увлечь за собой крестьян и выступить руководящей силой, организующей и направляющей крестьянское движение, лишь оказывали поддержку крестьянам в их борьбе за власть.

Поражение Советов Нге-Тиня еще раз показало, что без активного пролетарского руководства крестьянство не в состоянии свергнуть власть империалистов и феодалов и установить демократическую власть народа. «Только пролетариат, — писал В. И. Ленин, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение» [23, 25—26].

На II пленуме ЦК КПИК было отмечено, что внутри самой партии еще не до конца были осознаны ее организационные принципы, в частности принцип демократического централизма. Продолжала существовать разобщенность в руководстве; на местах партийное руководство осуществлялось автономно, без связи с центром; в Чунгки руководящие органы были разобщены. Партийная дисциплина во многих первичных организациях была слабой; в ряде организаций были отмечены нарушения партийной демократии. Пленум отметил, что основной состав руководства революционным движением представлен выходцами из мелкобуржуазной среды, которые часто не верят в силу народных масс и не ведут решительной борьбы, следуя позиции: «не вести борьбу до тех пор, пока не будет создана организация», «сначала укрепить организацию, а уже затем вести борьбу» [63, 45].

В октябрьском номере журнала «Кайе дю большевизм» (1931 г.) была опубликована статья «Борьба против оппортунизма в рядах компартии Индокитая». В ней говорилось, что «большевизация партии является лозунгом, провозглашенным первым пленумом ЦК

КПИК в октябре 1930 г. С этого времени все коммунистические газеты и журналы Индокитая не перестают провозглашать и разъяснять этот лозунг». В статье отмечалось, что «большевизация является несомненно основным условием идеологического и организационного усиления партии и ее способности руководить революционным движением пролетариата и крестьянства в Индокитае против империализма и феодализма». Далее делался вывод, что, «не разоблачая перед широкими массами трудящихся Индокитая опасности существования в ее рядах оппортунистической идеологии как идеологии мелкобуржуазной, выгодной лишь буржуазии, но наносящей вред коммунизму, КПИК не сможет идти вперед по пути осуществления своей нелегкой задачи воспитания членов партии в духе марксизма-ленинизма и развития классовой борьбы». Таким образом, борьба против оппортунизма провозглашалась главным пунктом борьбы за большевизацию КПИК: «Если, — говорилось в статье, — оппортунизм не будет задушен в зародыше, то он получит дальнейшее развитие и в будущем породит большие трудности в осуществлении в Индокитае решений Коминтерна и в подготовке пролетариата и крестьянства к захвату власти».

Появление оппортунизма в рядах КПИК объяснялось в статье следующими тремя причинами: 1) наличием в КПИК бывших членов националистических мелкобуржуазных партий; 2) расширением и углублением классовой борьбы в Индокитае, особенно в период 1929—1931 гг.; 3) проведением политики белого террора колониальными властями и их приспешниками из числа вьетнамских реакционеров.

В обстановке, когда рабочие и крестьяне Нге-Тиня и других районов страны поднялись на борьбу против империалистов и феодалов, оппортунизм в рядах партии мог нанести непоправимый урон. В связи с этим партия приняла решение о развертывании борьбы с оппортунизмом. Следует отметить, что некоторые представители Тонкинской организации стояли на неправильных позициях уже во время заседаний второго пленума ЦК КПИК. Они, в частности, голосовали за то, чтобы «только неквалифицированные рабочие и бедняки-крестьяне в возрасте от 23 до 28 лет могли быть допущены на партийные курсы по идеологическому воспи-

танию» [144а, 25.VIII.1931]. Их ошибочные выступления были подвергнуты справедливой критике и осуждению остальных участников пленума. Несмотря на это, некоторые представители Тонкинской организации оказали сопротивление проведению в жизнь решений пленума ЦК, считая, что массы утратили боеспособность. Эти лица призывали к отступлению перед белым террором в период подъема революционного движения. Они считали, что «сначала нужно организоваться, а уже потом бороться». Однако, когда партия призвала организовать вооруженные группы (отряды) самообороны из рабочих и крестьян, эти лица назвали коммунистов путчистами: «Вы хотите путем организации групп самообороны повести массы на вооруженное восстание, которое неизбежно усилит белый террор» [144а, 25.VIII.1931].

Партия осудила такие выступления, квалифицировав действия указанных лиц как проявление оппортунизма. Партия указала, что террор открыл глаза трудовому народу, лишил его всяких иллюзий относительно «благосклонности» правительства. Массы поняли, кто является их истинными друзьями, а кто — врагами. Расстрелы и бомбардировки мирных демонстраций, многочисленные аресты вызвали еще большую ненависть народа. Народные массы стали активнее вести борьбу против белого террора. В письме № 3 от 3 января 1931 г. ЦК КПИК рекомендовал всем партийным организациям возглавить руководство массовым движением народа, организовать и расширить забастовочное движение рабочих, организовывать и проводить массовые демонстрации, митинги, защищать повседневные интересы масс, бороться против белого террора [144а, 25.VIII.1931].

Одной из ошибок некоторых местных партийных организаций было их выступление против организации самозащиты. Нередко, когда массы вступали в борьбу с солдатами, партийные комитеты подвергали их действия критике, называя их «преждевременными восстаниями» или «путчизмом». Однако это была естественная и необходимая борьба, в ходе которой массы приобретали опыт и закалку. II пленум ЦК КПИК указал, что «нельзя смешивать действия, связанные с самозащитой, с мобилизацией народных масс на борьбу, — с

тенденциями осуществления преждевременного стихийного восстания, с путчизмом» [63, 45].

Страшась белого террора и репрессий, оппортунисты стремились фальсифицировать линию партии. Как известно, отряды самообороны создавались не для того чтобы вести массы на вооруженное восстание за взятие политической власти, а для того чтобы защищать бастующих и демонстрантов от нападения на них войск и полиции. Конечно, иногда отрядам самообороны приходилось сражаться против провокаторов и колониальных властей, но такие действия были вызваны необходимостью и не имели постоянного характера, в связи с чем их нельзя было рассматривать как путчизм, как утверждали оппортунисты. Отряды самообороны состояли из самых сознательных и преданных рабочих и крестьян, которые шли на самопожертвование во имя интересов трудового народа. Однако некоторые члены Тонкинской организации не хотели выполнять решения пленумов ЦК об организации самообороны, встав таким образом на позиции оппортунизма [144а, 6.X.1931].

Твердо следуя ленинскому курсу, партия вела непримиримую борьбу с оппортунизмом. Партия осудила оппортунистов как выразителей мелкобуржуазной идеологии и повела энергичную борьбу против всех отклонений от генеральной линии и искажений политики партии, против проявления индивидуального террора, путчизма, сектантства, неверия в силу народных масс и недооценки руководящей роли рабочего класса. Идеологическая борьба партии против оппортунизма была бескомпромиссной и основывалась на политической линии Коминтерна против реформистской платформы мелкобуржуазных националистических революционеров.

В ноябрьском номере журнала «Кайе дю большевизм» (1931 г.) была опубликована еще одна статья о борьбе с оппортунизмом в рядах КПИК. В статье отмечалось, что революционная деятельность партии не ограничивается расширением своих рядов и созданием революционных организаций. В течение 1930—1931 гг. партия осуществляла руководство национально-освободительным движением. За это время произошло более 100 забастовок в которых приняли участие десятки тысяч рабочих. В деревнях партией было организовано свыше 500 манифестаций и митингов. Партия руково-

дила вооруженными выступлениями трудового народа в провинциях Нгеан и Хатинь, в результате чего в сельских районах была свергнута власть колонизаторов и феодалов и установлены Советы рабочих и крестьян.

Партия, говорилось в статье, не только руководила революционным движением угнетенных масс, но и отстаивала идеологию рабочего класса и трудового народа, ведя непримиримую борьбу с буржуазной идеологией. В рассматриваемый период отмечалось обострение классовой борьбы, повсеместно свирепствовал белый террор. Некоторые коммунисты заколебались, стали проявлять оппортунистические тенденции. Эти тенденции особенно проявились у тех коммунистов, которые были выходцами из среды мелкой буржуазии и интеллигенции.

При изучении истории Советов Нге-Тиня возникает еще один важный вопрос: возможно ли было в условиях Вьетнама создать партизанские базы и вести длительную партизанскую борьбу с целью постепенного освобождения страны от колонизаторов? На этот счет среди вьетнамских историков имеются различные точки зрения. Одни считают, что в период Советов должен был быть использован опыт вооруженной борьбы Фан Динь Фунга, Хоанг Хоа Тхама и опыт длительной вооруженной борьбы китайских советских районов, другие полагают, что в условиях Вьетнама 1930—1931 гг. этот опыт использовать было нельзя.

Первой точки зрения придерживается, в частности, Фан Хиеу Чунг в статье «К вопросу о создании партизанских баз и длительном партизанском движении во время движения Советов Нгеана и Хатиня», опубликованной в журнале «Изучение истории партии» [125, 27]. Он полагает, что Советы Нге-Тиня появились в точном соответствии с исторической обстановкой. После создания Советов необходимо было вооружить массы, организовать партизанскую войну, создать базы революции, вести длительное сопротивление. Фан Хиеу Чунг признает, что «борьба была бы ожесточенной, трудной, но, учитывая подъем революционной борьбы, благоприятные условия и руководство со стороны компартии, в конечном итоге мы накопили бы опыт и усилили наши революционные силы и в благоприятный момент выступили против врага» [125, 28].

Говоря о вооруженных столкновениях в период Советов между революционными и контрреволюционными силами, Фан Хиеу Чунг приходит к выводу о том, что эти столкновения явились «проявлением начальных форм партизанской борьбы вооруженных отрядов самообороны...» Далее он отмечает: «Это — практическая основа для понимания вопроса о создании плацдарма длительной партизанской борьбы в период Советов Нге-Тиня» [125, 31].

Сравнивая обстановку 1930—1931 гг. с периодом колониального покорения в конце XIX в., когда под руководством Фан Динь Фунга, Хоанг Хоа Тхама и др. в стране были созданы партизанские базы и на протяжении многих лет велась борьба с захватчиками, Фан Хиеу Чунг высказывает мысль о том, что в 1930—1931 гг. условия были более благоприятными, чем в конце XIX в., так как уже существовали Советский Союз и мировое коммунистическое движение, было руководство со стороны Коминтерна, была создана компартия Вьетнама и т. д. Фан Хиеу Чунг высказывает мнение, что только слабость колонизаторов и феодалов заставила их пойти на определенные уступки революционным силам после майских событий и что именно в это время имелись благоприятные условия для создания опорных партизанских баз для ведения длительной партизанской борьбы [125, 32]. В заключение автор констатирует, что «такие партизанские базы при поддержке революционных сил в деревнях, созданные как на равнинах, так и в горах и лесах, смогли бы оказывать длительное сопротивление и продолжать развиваться» [125, 32]. В доказательство своего тезиса он приводит факты, относящиеся к периоду второй мировой войны, и в частности восстание в Бакшоне (сентябрь 1940 г.), где были созданы партизанские базы.

Другие вьетнамские историки (ДРВ) полагают, что в 1930—1931 гг. нельзя было следовать опыту вооруженных выступлений Фан Динь Фунга и Хоанг Хоа Тхама, поскольку условия были иными [7] и совершенно иной была расстановка борющихся сил. Во времена

[7] Фан Динь Фунг и Хоанг Хоа Тхам создавали базы и оказывали длительное сопротивление захватчикам во время проведения колонизаторами политики умиротворения, когда они еще прочно не обосновались во Вьетнаме.

Фан Динь Фунга феодалы, помещики, феодальная патриотически настроенная интеллигенция и крестьянство выступали вместе против колонизаторов. В период Советов феодалы, большинство помещиков, феодальная интеллигенция поддерживали колонизаторов, а национальная буржуазия занимала нейтральную позицию. Опыт Китая во Вьетнаме применить было трудно, так как условия существования советских районов в Китае и во Вьетнаме были совершенно различными. Если в Китае территория позволяла создать партизанские базы и советские районы, то в условиях Вьетнама такой возможности не было, поскольку территория этой страны не позволяла осуществлять широкое маневрирование. Кроме того, во Вьетнаме в указанное время существовала единая власть колонизаторов, тогда как Китай был фактически поделен на части милитаристскими правителями, между которыми не было единства и согласия. Позднее, в 1940—1945 гг., во Вьетнаме (в районе Вьетбак) появилась реальная возможность создать партизанские базы и вести партизанскую борьбу. Это было обусловлено рядом благоприятных условий: существованием разногласий между французскими властями и японскими оккупационными силами, благоприятной международной обстановкой и т. д. Однако в 1930—1931 гг. обстановка во Вьетнаме была такова, что, если бы опорные базы и были созданы и началась партизанская борьба, последняя обязательно потерпела бы поражение [63, 39—40].

Отмеченные выше недостатки и упущения в революционном движении во Вьетнаме в 1930—1931 гг., разумеется, не могут умалить того огромного значения, которое имела Нге-Тиньская эпопея как первое выступление Коммунистической партии Индокитая в роли руководителя народного движения, а также первая попытка применения в революционной практике Вьетнама марксистско-ленинской теории и опыта русского и международного революционного движения. Успех революционного движения заключался в том, что компартия овладела крестьянскими массами, создала союз рабочего класса и крестьянства — один из основных факторов, обеспечивающий успех в национально-демократической революции. Этот опыт совместной борьбы рабочих и крестьян, как справедливо отмечал известный вьетнам-

ский революционер и историк Чан Хюи Лиеу, «не был пустой личной мечтой без надежды на будущее... а явился первым политическим опытом по захвату власти народными массами Вьетнама под руководством партии ленинского типа» [108, 49].

Глава VI

СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА—ВАЖНЕЙШЕЕ ЗАВОЕВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ В 1930—1931 гг.

О предпосылках складывания союза рабочего класса и крестьянства

Идея союза рабочего класса с крестьянством, выдвинутая и обоснованная К. Марксом и Ф. Энгельсом, предполагает, что в условиях капитализма крестьяне сами не в состоянии освободиться от эксплуатации и что единственным выходом для них служит победа пролетарской революции.

На основе изучения опыта европейских революций XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что пролетариат не смог одержать в них победу из-за того, что не сумел привлечь на свою сторону крестьян. Основоположники научного социализма при этом считали, что интересы крестьян ближе к интересам рабочих и находятся в противоречии с интересами буржуазии. «Крестьяне, — писал К. Маркс в работе „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“, — поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате,* призванном ниспровергнуть буржуазный порядок» [1, 211].

К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что из всех классов капиталистического общества только пролетариат может руководить непролетарскими слоями трудящихся в борьбе за установление новой демократической власти. Так, Ф. Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал: «Завоевание политиче-

ской власти социалистической партией стало делом недалекого будущего. Но чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне» [4, 504]. К. Маркс, в свою очередь, указывал в письме к Энгельсу, что «все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» [5, 37].

Таким образом, идея о крестьянстве как о союзнике пролетариата в революции была впервые выдвинута и научно обоснована основоположниками марксизма. Однако после их смерти эта идея была предана забвению оппортунистами II Интернационала, отрицавшими революционность крестьянства и возможность союза рабочего класса с крестьянством.

Величайшая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что, ведя непримиримую борьбу с оппортунистами и ревизионистами, он не только отстоял учение марксизма о диктатуре пролетариата, идею союза рабочего класса с крестьянством, но и развил марксизм в новых исторических условиях. В. И. Ленин указал пути осуществления союза рабочего класса с крестьянством на различных этапах революции, четко определил расстановку классовых и политических сил как на буржуазно-демократическом, так и на социалистическом этапах революции.

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин указывал, что вначале рабочий класс в союзе со всем крестьянством при нейтрализации буржуазии должен осуществить буржуазно-демократическую революцию, целью которой является свержение царизма и установление демократической республики, введение восьмичасового рабочего дня, уничтожение помещичьего землевладения, а потом в союзе с крестьянской беднотой перейти к революции социалистической. «*Пролетариат,* — писал В. И. Ленин, — *должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы*

сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» [12, 90]. При этом В. И. Ленин считал, что последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. «Победоносным борцом за демократизм он (пролетариат.— *С. М.*) может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства. Не хватит на это силы у пролетариата, — буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательный и своекорыстный. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [12, 49].

В. И. Ленин тесно связывал борьбу крестьянства с борьбой рабочего класса. Известно, что одним из важнейших источников формирования пролетариата является крестьянство. А рабочий класс, в свою очередь, оказывает большое воздействие на крестьянство. Историческая задача рабочего класса в отличие от других угнетенных классов сводится к тому, что рабочий класс выступает как класс, который не может освободить себя, не уничтожая всякой эксплуатации человека человеком, всех форм угнетения. Поэтому он объединяет вокруг себя в революционной борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых и ведет их к социализму. «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» [31, 23].

Пролетариат заинтересован в развитии капитализма и совершении буржуазно-демократической революции. «В таких странах, как Россия, — писал В. И. Ленин, — рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс *безусловно заинтересован* поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно *выгодно* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма... Буржу-

азная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм» [12, 37].

Крестьянство тоже кровно заинтересовано в ликвидации феодальных пережитков, оно выступает против помещиков и поэтому составляет одну из революционных движущих сил буржуазно-демократической революции. Захват помещичьей земли является одной из самых важных задач, которую ставит перед собой крестьянство. В. И. Ленин писал: «Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм *не может* выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю» [9, 357].

Опыт революционной борьбы русского крестьянства в 1905—1907 гг. позволил В. И. Ленину подвергнуть анализу аграрную программу партии и внести в нее ряд существенных поправок. В. И. Ленин предложил заменить положение об «отрезках» требованием конфискации всей помещичьей земли и отстаивал национализацию земли при конфискации помещичьих земель.

Национализация земли представляет собой прогрессивное явление, ибо она приводит к ликвидации абсолютной ренты, связанной с монополией частной собственности на землю, и к передаче дифференциальной ренты в руки государства. Национализация земли в условиях демократической республики создает благоприятные условия для развития классовой борьбы.

Аграрная программа В. И. Ленина была пролетарской программой в крестьянской революции, направленной против средневековых остатков, за развитие производительных сил капиталистического сельского хозяйства. Рабочий класс активно выступал за осуществление буржуазно-демократической революции, в результате чего он добивался определенных демократических свобод, укреплял свои организации, приобретал опыт политической борьбы и руководства. Победа буржуазно-демократической революции создавала благоприятные условия для перехода к социалистической революции.

Ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства ставило целью освобождение всех трудящихся от всех форм эксплуатации и угнетения. Осуществить эту

задачу можно только под руководством пролетариата, который является авангардом всей массы трудящихся и эксплуатируемых. Поэтому ленинское положение о гегемонии пролетариата в революции является краеугольным камнем учения о союзе рабочего класса и крестьянства.

Положение о гегемонии пролетариата и союзе рабочих и крестьян было впервые выдвинуто В. И. Лениным в труде «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?»: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский **рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **победоносной коммунистической революции»** [6, 311—312].

Положение о гегемонии пролетариата и союзе рабочего класса и крестьянства В. И. Ленин развил во многих своих последующих произведениях. В работе «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин, в частности, писал: «Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения... только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих» [7, 454—455].

А в работе «Реформизм в русской социал-демократии» В. И. Ленин писал о пролетариате следующее: «Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократи-

ческий переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, *а не* за свержение рабства» [20, 308].

Во всех произведениях В. И. Ленина идея гегемонии пролетариата и союза рабочего класса и крестьянства рассматривается в неразрывной связи с учением о коммунистической партии как авангарде пролетариата. Так, в «Протесте российских социал-демократов» В. И. Ленин указывал: «Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу» [8, 175—176]. Высокую сознательность и организованность, необходимую пролетариату для осуществления руководящей роли, может обеспечить только партия нового типа. Эта партия осуществит союз рабочего класса и крестьянства как на этапе демократической революции, так и на этапе социалистической революции.

Итак, развив положение Маркса и Энгельса о союзе рабочего класса с крестьянством, В. И. Ленин создал стройное учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, о диктатуре пролетариата [79а, 5]. Ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства сыграло важную роль в ходе трех русских революций, обеспечив победу над царизмом и властью буржуазно-помещичьего Временного правительства. «В этом союзе, — отмечал В. И. Ленин, — вся главная сила и опора Советской власти, в этом союзе — залог того, что дело социалистического преобразования, дело победы над капиталом, дело устранения всякой эксплуатации будет доведено нами до победного конца» [28, 237].

Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством стало руководящим положением и высшим

принципом всей деятельности КПСС, важнейшим условием всемирно-исторических побед советского народа, одним из могущественных источников силы и непобедимости Советского государства. Благодаря союзу рабочего класса с крестьянством народы нашей страны отстояли завоевания Октября в Великую Отечественную войну. В годы строительства рабочий класс в союзе с крестьянством успешно построил социализм и приступил к созданию материально-технической базы коммунистического общества.

Опыт КПСС по созданию и укреплению союза рабочего класса и крестьянства имеет важное международное значение, помогает коммунистическим и рабочим партиям многих стран в их борьбе за демократию и социализм. В 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов Ленин говорил: «Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян» [35а, 329].

Это гениальное предвидение В. И. Ленина нашло свое претворение в жизнь особенно после второй мировой войны, когда народы ряда стран Европы, Азии и Латинской Америки осуществили революции и приступили к строительству нового общества на базе союза рабочего класса и крестьянства под руководством пролетариата и его передового коммунистического авангарда. Жизнь подтвердила ленинское положение о том, что союз рабочего класса и крестьянства — не только русское явление, что он необходим во всех странах при переходе от капитализма к социализму, что социализм возможен только через диктатуру пролетариата, являющуюся своеобразной формой классового союза пролетариата и крестьянства. Это — общая закономерность революционного процесса, которая, разумеется, должна осуществляться с учетом конкретных условий. Однако какими бы специфическими ни были особенности той или иной страны, создание союза рабочего класса и крестьянства необходимо для всех стран, которые вступают на путь социализма.

Ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства было положено в основу стратегии и тактики

коммунистических и рабочих партий всех стран. Особенно важное значение имело ленинское учение для колониальных и зависимых стран, где огромное большинство населения составляло крестьянство и где крестьянский вопрос являлся частью общего вопроса о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата и построении социалистического и коммунистического обществ.

КПИК восприняла ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства под влиянием примера и опыта трех русских революций. Разрабатывая свои программные документы, КПИК положила в их основу революционную стратегию большевиков и международного революционного движения с учетом конкретных специфических условий Вьетнама. Подъем национально-освободительного движения в 1930—1931 гг. и образование Советов Нге-Тиня сыграли решающую роль в конкретной постановке вопроса о союзе рабочих и крестьян.

Создание и укрепление союза рабочего класса и крестьянства во Вьетнаме было одной из главных задач коммунистической партии на всех этапах ее истории. К сожалению, этот важный вопрос еще не получил всестороннего освещения как во вьетнамской, так и в советской историографии. Правда, после образования ДРВ в общих трудах по истории Вьетнама, главным образом в работах Чан Хюи Лиеу и Чан Ван Зяу, появились отдельные материалы о союзе рабочего класса и крестьянства, однако специального исследования по данному вопросу до настоящего времени еще нет. В общих же работах по истории Вьетнама недостаточно показаны связь рабочего движения с крестьянским, борьба компартии за крестьянство, за приобщение его к революционному движению, за создание и упрочение союза рабочего класса с крестьянством. Пока еще совершенно не освещены революционная деятельность рабочих в деревне, их участие в крестьянском движении, образование и деятельность крестьянских союзов и других организаций. Особенно недостаточно исследована борьба КПИК за проведение в жизнь ленинского учения о завоевании крестьянства на сторону рабочего класса. Еще нет работ, характеризующих развитие союза рабочего класса и крестьянства на различных

этапах революционного движения: в период спада революционного движения (1931—1935), в период Демократического фронта (1936—1939), во время второй мировой войны (1939—1945) и после Августовской революции 1945 г.

Целью настоящего исследования было показать, как складывался указанный союз в ходе совместной борьбы рабочего класса и крестьянства в период подъема революционной борьбы 1930—1931 гг. и движения за создание Советов. Именно в эти годы была заложена основа союза рабочих и крестьян. Этот союз, явившийся важнейшим завоеванием советского движения, сыграл огромную роль в дальнейшей революционной борьбе вьетнамского народа, а его опыт был успешно использован в Августовской революции.

Объективные предпосылки для образования союза рабочего класса и крестьянства во Вьетнаме начали складываться в конце XIX в. в результате социально-экономического развития этой полуфеодальной и колониальной страны. Изменения во вьетнамском феодальном обществе нашли свое отражение прежде всего в становлении капиталистических отношений, зарождении и развитии антиколониального и антифеодального национально-освободительного движения, наконец, в формировании его руководящих сил — пролетариата и буржуазии. Специфические колониальные условия страны привели к тому, что рабочий класс Вьетнама сформировался раньше, чем национальная буржуазия. «Он (рабочий класс. — *С. М.*) родился и стал развиваться с самого начала проникновения иностранного капитала в нашу страну, т. е. еще до появления капиталистического уклада экономики национальной буржуазии» [43, 53].

Развитие капиталистических отношений вело к расслоению и обезземеливанию крестьянства, которое переставало быть единым классом. Внутри крестьянства появились три основные прослойки: сельская беднота и батраки, среднее крестьянство и деревенская буржуазия — кулачество.

С конца XIX и особенно в начале XX в. начался процесс пролетаризации миллионов крестьян. Разорявшиеся крестьяне вынуждены были искать заработок на стороне. В деревне складывался своеобразный класс наемных рабочих, пополнявший рабочий класс. Формирова-

ние рабочего класса за счет разоряющегося крестьянства вело к сохранению связей между рабочими и крестьянами. Зачастую рабочий работал в городе, а его семья оставалась в деревне. Фабричный рабочий был близок к сельским рабочим и беднякам. Рабочий, будучи выходцем из крестьян, сохранял связь с деревней, что создавало благоприятные условия для воздействия рабочего класса на крестьянство и предпосылки для союза этих двух классов.

Как новая общественная сила («класс в себе») рабочий класс Вьетнама начал выступать на арене социальной борьбы в 20-е годы XX в. С этого времени национально-освободительное движение приобрело новое качество. По своей революционности и организованности рабочий класс резко выделялся из массы трудящихся. Развивающееся революционное движение во Вьетнаме получило характер национально-демократический борьбы против империализма и местного феодализма. Под воздействием освободительных идей Октябрьской революции во Вьетнаме национально-освободительное движение, в которое все шире вовлекались рабочие, крестьянство, мелкая и национальная буржуазия, усилилось.

В период 1917—1926 гг. рабочий класс превратился в одну из важных антиимпериалистических сил. Однако рабочее движение в это время развивалось в отрыве от выступлений крестьянства, которые не приобрели еще широкий размах.

Подъем национально-освободительного движения в 1930 г. ускорил размежевание классовых и политических сил. Слабость вьетнамской буржуазии, преобладание крестьянского населения и наличие сознательного и организованного рабочего класса, руководимого КПИК, привели к тому, что главную и решающую роль во вьетнамской национально-демократической революции стал играть союз рабочего класса и крестьянства.

Ленинское положение о том, что «крестьянин своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. *Середины нет»* [29, 365], подтвердилось всей историей революционного движения в XX в. В зависимости от характера революции, от расстановки классовых и политических сил в той или иной

стране крестьянин решал, за кем идти. После первой русской революции 1905—1907 гг. крестьянин в колониальных и зависимых странах чаще всего шел за рабочим классом. Пролетариат и крестьянство этих стран больше, чем буржуазия, страдали от остатков феодализма и колониального гнета. Они больше, чем буржуазия, нуждались в свободе и были заинтересованы в уничтожении феодального гнета. Общность интересов сближала эти два класса и толкала их на объединение своих сил в борьбе против общего врага.

Буржуазия не была заинтересована в предоставлении крестьянам и рабочим полной свободы, так как пролетариат мог ею воспользоваться в борьбе против нее самой. Буржуазия была тесно связана с империалистами, феодалами и помещиками и готова была всеми силами и средствами защищать свои классовые интересы. Поэтому она не была заинтересована в доведении до конца буржуазно-демократической революции.

В колониальном и полуфеодальном Вьетнаме крестьянство, задыхавшееся от феодально-империалистической эксплуатации, было закабалено как экономически, так и политически. Чтобы добиться освобождения и улучшения своей жизни, крестьянство было готово идти за рабочим классом. Социально-экономические причины служили объективными факторами выступления крестьян на стороне рабочего класса. Рабочий класс Вьетнама также был заинтересован в союзе с крестьянством, представлявшим огромную революционную силу и составлявшим 90% всего населения страны. «Интересы рабочего класса, — указывал В. И. Ленин, — безусловно требуют самой энергичной поддержки им крестьянской революции, — более того: руководящей роли его в крестьянской революции» [18, 327]. Борясь за осуществление национально-демократической революции, рабочий класс Вьетнама, как и предсказывал В. И. Ленин, мог получить определенные демократические свободы, он приобретал опыт борьбы по руководству революционным движением и тем самым создавал благоприятные условия для будущей социалистической революции.

В эксплуатации страны империалисты прежде всего опирались на местных феодалов — классовых врагов крестьянства. Освобождение народа от колониального ига, таким образом, означало освобождение огромной

массы крестьянства от ига не только внешних, но и внутренних эксплуататоров — феодалов и помещиков. Передача земли крестьянам была их заветной мечтой. Разрешение крестьянского вопроса составляло основное содержание национально-демократической революции. «Крестьянство, — писал В. И. Ленин, — неизбежно станет... оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству *все* в области земельных реформ, *все то*, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему» [12, 88].

В своих многочисленных выступлениях крестьянство приобретало революционный опыт и в этом смысле выступало как последовательный и верный союзник рабочего класса в общей борьбе против империализма и феодализма. Однако до сформирования рабочего класса как политической силы крестьянские выступления обычно заканчивались поражением, ибо крестьяне не имели руководства в лице рабочего класса и его передового коммунистического авангарда. После формирования рабочего класса и буржуазии вьетнамское крестьянство оказалось перед дилеммой: идти либо за буржуазией, либо за рабочим классом. Под влиянием освободительных идей Октябрьской революции и пропаганды КПИК, а также в силу своего социально-экономического положения крестьянство пошло за рабочим классом и его партией. Это объяснялось в первую очередь тем, что цели и задачи КПИК совпадали с интересами крестьянства. Борьба за национальную независимость, за предоставление «земли тем, кто ее обрабатывает» и ликвидацию всех феодальных и полуфеодальных налогов, кабальных договоров и др. полностью совпадала с интересами крестьянства. Получив руководство со стороны рабочего класса и его партии, крестьянство превратилось в важную силу революции и стало надежным союзником пролетариата.

Таким образом, вьетнамское крестьянство было также заинтересовано в союзе с рабочим классом в борьбе за осуществление национально-демократической революции. Поэтому кроме рабочего класса — класса, руководящего революцией, активным классом в борьбе с империалистами и феодалами выступало и крестьянство, представлявшее собой самую многочисленную силу

национально-освободительного движения, основным условием победы которого было вовлечение крестьянства в борьбу.

Рабочий класс, как уже отмечалось, может выполнить свою историческую роль в отношении крестьянства последовательным проведением в жизнь аграрной программы. Вьетнамские коммунисты, творчески применяя в условиях колониальной и полуфеодальной страны ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства, добились в этом больших успехов. «Наша партия, — отмечает Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, — хорошо понимала, что национальная и классовая проблемы, а также вопрос о демократии не могут быть отделены друг от друга. В колониальной стране, где подавляющее большинство трудящихся составляет крестьянство, вопрос о демократии, в сущности, является аграрным вопросом. Не решив аграрный вопрос, невозможно поднять крестьянство на активную борьбу против империализма, за национальную независимость. „Национальная независимость" и „земля тем, кто ее обрабатывает" — эти два тесно связанных друг с другом лозунга отражают основное содержание национально-демократической революции» [43, 55—56].

В Политических тезисах КПИК, принятых октябрьским пленумом 1930 г., впервые в истории Вьетнама был поставлен вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства. Более того, КПИК была единственной политической организацией страны, которая с первых же дней своей деятельности четко и ясно сформулировала программу по аграрному вопросу. В тезисах говорилось: «Аграрный вопрос является основным вопросом буржуазно-демократической революции. Пролетариат только в том случае может добиться права руководить революцией, если он в союзе с крестьянскими массами возглавит борьбу за защиту повседневных интересов крестьян и за полное осуществление аграрной революции» [64, 80]. Программа партии, в частности, предусматривала конфискацию всех земель, принадлежавших иностранным и местным помещикам и католической церкви, с передачей их середнякам и беднякам, а также передачу права на владение землей рабоче-крестьянскому правительству.

Как уже отмечалось, вьетнамская буржуазия была

слабой экономически и политически и не могла претендовать на руководящую роль в национально-освободительном движении. Более того, руководствуясь эгоистическими выгодами, верхушечные слои буржуазии вкупе с империалистами и феодалами выступали против национально-освободительного движения. В результате вьетнамское крестьянство в отличие от крестьянства многих других стран Востока (Индии, Индонезии, Бирмы и др.) никогда не следовало за национальной буржуазией. При этом необходимо отметить, что даже революционная часть буржуазии во главе с Национальной партией не вела серьезной работы среди крестьянства и не только не обещала крестьянам провести аграрную реформу, но и вообще не имела никакой аграрной программы.

В годы перед революционным подъемом 1930 г. национальная буржуазия еще выступала соперником пролетариата в борьбе за руководство национально-освободительным движением. С поражением Иенбайского восстания 1930 г. даже революционная буржуазия, претендовавшая на руководство национально-освободительным движением, и выражавшая ее интересы Национальная партия утратили свое влияние среди антиимпериалистических сил. Сложившаяся обстановка до некоторой степени ускорила переход руководства революционной борьбой в руки рабочего класса и его передового отряда — Коммунистической партии Индокитая.

Говоря о причинах, приведших рабочий класс Вьетнама к руководству национально-освободительной борьбой, нельзя не учитывать тот важный факт, что вьетнамский пролетариат вступил на политическую арену после того, как совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, освободительные идеи которой распространились по всему миру. Результатом этого явилась мощная национально-освободительная борьба народов многих колониальных и зависимых стран. «Такая историческая обстановка способствовала еще большему повышению политического престижа вьетнамского пролетариата» [43, 203]. Все вышеприведенные факторы «придали вьетнамскому пролетариату силу и большой моральный авторитет и тем самым помогли ему занять господствующее положение и взять на себя руководство революцией после поражения восстания в Иенбае» [43,

204]. Хо Ши Мин писал: «Лишь рабочий класс, как класс наиболее революционный и героический, оказывал колонизаторам упорное сопротивление. Вооруженный передовой революционной теорией и опытом международного пролетарского движения, он показал себя наиболее способным руководителем, достойным доверия народа» [42, 194].

Таким образом, КПИК была единственной партией Индокитая, которая выдвинула аграрную программу и вела борьбу за крестьянство, за его освобождение от влияния мелкобуржуазной националистической идеологии и приобщение к национально-освободительному движению. КПИК провозгласила создание крестьянских союзов, которые под руководством коммунистических организаций на местах призваны были осуществить мобилизацию крестьянских масс на активную революционную борьбу за осуществление национально-демократической революции и установление демократической диктатуры рабочих и крестьян. Все это создавало хорошие предпосылки для создания союза рабочего класса и крестьянства накануне революционного подъема 1930—1931 гг.

О союзе рабочего класса и крестьянства в период подъема революционного движения в 1930—1931 гг.

Уже в первые месяцы подъема революционного движения во Вьетнаме в 1930—1931 гг. было достигнуто единство действий рабочих и крестьян и организована взаимопомощь между ними [153, 18.IX.1930]. Совместная революционная борьба способствовала созданию союза рабочих и крестьян. Первостепенными задачами партийных организаций в это время, как считал ЦК партии, были: привлечение на свою сторону большинства рабочего класса; выдвижение рабочего класса на роль руководителя народных масс; привлечение на свою сторону большинства крестьян при твердой опоре на бедняков с последующим превращением крестьян-бедняков в опору революции в деле свержения власти крупных помещиков и феодалов; борьба за ограждение массовых организаций рабочих и крестьян-бедняков

(профсоюзов, крестьянских союзов, кооперативов и др.) от влияния буржуазных националистов [122, 44]. Руководствуясь данными указаниями ЦК, партийные организации Нге-Тиня добились определенных успехов в деле укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

Уже в первомайских выступлениях 1930 г. в Бентхюи наряду с рабочими участвовало значительное число крестьян из окрестных деревень: Локда, Дыктхинь, Анхау, Дыкхау. Среди лозунгов, выдвинутых на первомайской демонстрации в Бентхюи, кроме требований восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты, отмены штрафов и др. были также и требования об уменьшении поземельного налога и податей, о распределении земель и т. д. Из 10 выступлений, происшедших в мае 1930 г. в Нгеане, 5 были выступлениями городских рабочих. Из 54 выступлений, зафиксированных в Нгеане и Хатине с мая по август, т. е. на протяжении четырех месяцев до появления Советов, 24 были рабочими, а 30 — крестьянскими [122, 45]. Таким образом, в рассматриваемый период на долю рабочих приходилась примерно половина всех выступлений. При этом необходимо отметить, что рабочее движение в период с мая по август 1930 г. было более сильным, чем крестьянское. Города являлись центром революционного движения, в связи с чем колониально-феодальная администрация мобилизовала все силы на подавление рабочего движения. Рабочие же находились в неблагоприятных условиях, поскольку в городах концентрировались колониальная администрация, армия и полиция. Начался спад рабочего движения, но это было компенсировано подъемом борьбы крестьян.

В сентябре 1930 г. число выступлений увеличилось почти вдвое по сравнению с предшествующими месяцами, а число их участников возросло в 10 раз. Только в 65 из 98 революционных выступлений, происшедших в сентябре того же года, участвовало 211 400 человек. Вместе с тем из этих 98 выступлений 87 были уже крестьянскими. Всего же из 325 выступлений, происшедших в Нгеане и Хатине до декабря 1930 г., крестьянскими были 284. Всего в 1930—1931 гг. в двух этих провинциях произошло 710 выступлений крестьян и лишь 45 — рабочих [122, 45]. Это отразилось и в составе партийных и массовых организаций. Так, в Нгеане к декабрю

1930 г. было 9 уездных комитетов партии, 20 объединенных парткомов и 97 партийных ячеек с 611 членами, из которых 295 были крестьянами и 99 — рабочими. К этому же времени в Нгеане в крестьянские союзы входило 311 716, а в рабочие союзы — 311 человек [122, 44].

Все это, однако, отнюдь не означает, что движение в Нге-Тине было чисто крестьянским. 1930 год был годом наивысшего подъема забастовочного движения. С начала года до сентября, когда появились первые Советы, было зарегистрировано более 55 забастовок с числом участников свыше 15 тыс.; 15 забастовок были политическими. Забастовочное движение было особенно сильным в районах, прилегающих к Северному Аннаму. Так, рабочие электростанции Бентхюи бастовали четыре раза на протяжении трех месяцев (два раза в июне и два в августе). 20 августа рабочие всех промышленных предприятий Бентхюи вышли на всеобщую демонстрацию солидарности с бастующими. Одновременно происходили многочисленные манифестации крестьян в поддержку забастовочного движения рабочих.

Таким образом, в 1930—1931 гг. в Нге-Тине произошло сочетание рабочего движения с крестьянским, борьба рабочих и крестьян слилась в единый поток. Мощное крестьянское движение, вдохновленное борьбой рабочих, уничтожило органы колониально-феодальной администрации в сельских общинах, на месте которых возникли Советы, приступившие к осуществлению революционных преобразований. Впервые в истории Вьетнама крестьяне получили политические и экономические права, начали проникаться духом национального и классового самосознания, активно втянулись в совместную с рабочим классом общую борьбу против единого врага.

Революционное движение 1930—1931 гг. по своему социальному содержанию было национально-демократическим, а по методам борьбы — пролетарским. Это движение имело целью установление демократической республики, введение восьмичасового рабочего дня, конфискацию земель, принадлежащих империалистам, феодалам и помещикам. Методы борьбы были пролетарскими: стачки и забастовки, митинги и политические манифестации рабочих и крестьян. Политические стачки и манифестации, осуществлявшиеся под непосредственным руководством коммунистов, сыграли большую роль

в поднятии на борьбу широких народных масс, особенно крестьянства. Рабочее движение в Бентхюи и Вине послужило началом подъема общего революционного движения, которое вылилось в повсеместные забастовки рабочих, политические манифестации крестьян и рабочих, забастовки учащихся и служащих.

На первых порах крестьянское движение было весьма слабым и сводилось к тому, что крестьяне, собираясь группами, обсуждали свое положение. Постепенно, однако, они втягивались в политическую борьбу, и по прошествии незначительного времени крестьянским движением уже были охвачены многие уезды Нге-Тиня. После соединения пролетарской стачки рабочих Бентхюи и Виня с крестьянскими выступлениями совместная борьба рабочих и крестьян значительно усилилась, причиняя большое беспокойство колониальной администрации.

В этой борьбе, протекавшей под руководством коммунистов, сочетались экономические и политические требования как рабочих, так и крестьян. Тесная связь этих двух форм борьбы была гарантией силы революционного движения. Появление не только экономического, но и политического крестьянского движения явилось важным поворотным моментом в истории вьетнамского национально-освободительного движения. После установления Советов крестьяне этой колониальной и полуколониальной страны получили демократическое революционное воспитание, ставшее их первой серьезной закалкой. Совместная борьба рабочих и крестьян пробуждала сознание трудящихся масс в деревне и толкала их на деле к союзу с городскими рабочими. В свою очередь, пролетарские методы борьбы оказали самое благотворное воздействие на создание и укрепление союза рабочих и крестьян.

Союз рабочего класса и крестьянства в 1930—1931 гг. проявился не только в тесном сочетании рабочих стачек в городах Бентхюи и Винь с крестьянскими выступлениями, но и в непосредственных контактах рабочих и крестьян в ходе революционной борьбы. Подтверждением этого служат многочисленные факты появления в деревне агитаторов-рабочих, отправки коммунистов для ведения пропагандистской работы в деревне, возвращения в деревню рабочих, уволенных за участие в стачках, и т. п. Многие рабочие городов Винь и Бентхюи,

проживавшие в окрестных селах, поддерживали тесную связь с крестьянами, оказывая на них большое влияние. Крестьяне, в свою очередь, часто принимали участие в рабочих демонстрациях.

КПИК пользовалась в деревне огромным влиянием и располагала широкой сетью сельских партийных и массовых организаций. Она была главной политической партией не только рабочего класса, но и крестьянства, проявив себя как руководитель широких народных масс. Партийный комитет провинции Нгеан, например, часто направлял в сельские районы свои кадры для налаживания работы и руководства крестьянским движением. В ряде са были созданы отделения Крестьянского союза, Союза женщин, Союза молодежи, МОПРа и других общественных и политических организаций, в которых коммунисты пользовались большим влиянием и авторитетом. В деревне появился новый тип крестьянина: часто бывая в городе, такой крестьянин общался с рабочими, участвовал в забастовках и политических манифестациях, читал политические газеты и листовки, а затем разъяснял своим односельчанам значение политических требований, призывал их к антиимпериалистической и антифеодальной борьбе.

Появление в са рабочих и активистов, в том числе коммунистов, усилило коммунистическое ядро сельских организаций и содействовало распространению опыта пролетарской борьбы. Рабочие рассказывали крестьянам о своей борьбе, о стачках и требованиях рабочих и призывали крестьян к совместной борьбе под руководством КПИК. Все это пробуждало у крестьян чувство солидарности и воодушевляло их на борьбу против общего врага. Совместные революционные выступления рабочих и крестьян поднимали крестьянское движение на более высокую ступень и тем самым ускоряли процесс революционного воспитания широких крестьянских масс. Крестьянские выступления в результате этого начали принимать более острые формы: разгром помещичьих имений, сжигание архивов, захват земель и риса, убийство наиболее реакционных феодалов и представителей колониальной администрации, освобождение политических заключенных.

Единство и сплоченность рабочих и крестьян укреплялись в их общей революционной борьбе. «Только

борьба, — писал В. И. Ленин, — воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» [21, 314]. Во время забастовок рабочих Бентхюи и Виня крестьяне организовали доставку продовольствия (риса, овощей и др.) бастующим рабочим и членам их семей. Во многих селах кроме продовольствия был также организован сбор денег бастующим. Такая практика имела место не только в провинциях Нгеан и Хатинь. Так, во время забастовки рабочих завода «Нябе» и спирто-водочной компании «Биентай» в Сайгоне-Тёлоне крестьяне окрестных деревень оказали активную поддержку и материальную помощь бастующим. Последняя нередко выражалась в организации крестьянами митингов и манифестаций в знак солидарности с бастующими рабочими. Так, во время майской забастовки 500 рабочих спичечной фабрики Бентхюи крестьяне окрестных деревень организовали митинг в деревне Иензыонгха в знак поддержки борющихся за свои насущные права рабочих Бентхюи.

Характерно, что бастующие рабочие помимо своих требований выдвигали и требования о сокращении налогов и возвращении крестьянам отнятых у них земель, а крестьяне требовали введения восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты, отмены телесных наказаний. Это лишний раз свидетельствует о том, как в ходе совместной борьбы зрела политическая сознательность крестьян, усиливалась их солидарность и сплоченность с рабочим классом.

В одном из писем крестьян к рабочим говорилось: «Мы стали более сознательными, поняли свои интересы, поняли, что в городах у нас есть советчики, помощники и друзья — рабочие. Мы подвергаемся бесчеловечной, варварской эксплуатации, вот почему мы ставим своей задачей теснейшее сближение с вами для общей борьбы... Братья и сестры! Деревня сейчас бурлит, в каждой деревне создаются крестьянские союзы, ведется борьба в самых отдаленных уголках». Письмо заканчивалось словами: «Друзья! Ваши братья стали сознательными, мы сплачиваемся, организуем митинги и собрания. Каждый из нас, запасшись красным флагом, выступает за общее дело. Этим движением охвачены Се-

вер и Юг. Революционное движение повсюду быстро развивается» [146, 6.I.1931].

На фоне мощного совместного движения рабочего класса и крестьянства во время революционного подъема 1930—1931 гг. становится особенно заметной пассивность крестьян во время Иенбайского восстания (февраль 1930 г.), организованного Национальной партией. Причина этого кроется в том, что Национальная партия не выдвигала программу по аграрному вопросу, тогда как КПИК не только обнародовала свою аграрную программу, но и довела ее до сведения крестьян. Если Национальная партия почти не вела сколько-нибудь серьезной пропагандистской и агитационной работы среди крестьян, то КПИК с первых же дней своего создания развернула большую и серьезную работу среди сельского населения, систематически организуя его и руководя борьбой крестьян за свои права. Все выступления крестьян осуществлялись под лозунгами борьбы за землю, конфискации земель империалистов, феодалов, духовенства и помещиков, за сокращение земельного налога и улучшение жизни крестьян. Крестьяне на практике убеждались в стремлении КПИК защищать их классовые интересы.

За всю историю своего существования вьетнамская национальная буржуазия не сделала ничего для того, чтобы заслужить доверие крестьян. В период своего бурного развития (1914—1929), предшествовавший революционному подъему 1930—1931 гг., вьетнамская буржуазия лишь добивалась увеличения прибылей, совершенно не заботясь об улучшении жизни крестьян. Поэтому естественно, что во время борьбы между КПИК и Национальной партией за руководство национально-освободительным движением крестьянство выступило на стороне рабочего класса и его коммунистического авангарда [152, 12.II.1931].

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что союз рабочего класса и крестьянства, в котором КПИК обеспечила пролетарское руководство, явился самой крупной победой революционного движения 1930—1931 гг. во Вьетнаме. Организуя и направляя как рабочее, так и крестьянское движение против колонизаторов и феодалов, компартия подготавливала необходимые условия для создания и упрочения союза рабочего

класса и крестьянства. «Когда мы говорим, что вьетнамской революцией руководит рабочий класс, это означает, что курс вьетнамской революции является политическим курсом рабочего класса, и никакого другого класса. С момента создания своего авангарда — партии рабочий класс нашей страны осуществляет через нее руководство революцией. Это руководство пролетариата через свою передовую партию — не только организационное руководство. Решающим является то, что политический курс партии должен быть революционным курсом рабочего класса, правильно отражающим позицию и взгляды пролетариата» [43, 55].

Совместная борьба рабочего класса и крестьянства привела к образованию Советов — своеобразной формы союза рабочего класса и крестьянства, благодаря которому ускорился процесс революционного воспитания народных масс под руководством КПИК, небывалого размаха достигло революционное творчество масс.

В рассматриваемый период КПИК была единственной партией, которая, можно сказать, безраздельно руководила национально-освободительным движением и которой удалось соединить крестьянское движение с борьбой рабочего класса и осуществить коммунистическое руководство, что в условиях Вьетнама означало пролетарскую гегемонию. Конечно, это отнюдь не означает, что пролетарская гегемония была одинаково сильна повсюду и на всем протяжении рассматриваемого периода. Можно указать на множество недостатков и слабых мест этой гегемонии, на десятки случаев, когда рабочему классу не удавалось поднять крестьянскую борьбу на более высокую ступень. Вместе с тем совершенно очевидно, что самые стихийные крестьянские выступления все же оставались революционными, ибо они мобилизовали массы на борьбу и расшатывали власть колонизаторов и феодалов. Более того, по мере развития советского движения пролетарская гегемония все более крепла и развивалась. Уже сам факт того, что советское движение проделало свои первые шаги в сельских районах страны, имел очень важное политическое значение. Вся история Советов Нге-Тиня — это история все большего укрепления в них пролетарского коммунистического руководства, отмежевания и сплочения под коммунистическим руководством бедняцко-батрацких

низов деревни, упрочения союза с середняком и высвобождения его из-под влияния кулаков и помещиков.

Создание во Вьетнаме в 1930—1931 гг. прочного союза рабочего класса и крестьянства было огромным завоеванием КПИК, ее вкладом в мировое революционное движение, ибо в истории колониальных стран это был первый случай подобного союза. Исторический опыт Вьетнама и других стран подтвердил вывод о том, что при установлении прочного союза рабочего класса с крестьянством при руководстве компартии лагерь революции становится непобедимым, что союз рабочего класса и крестьянства — залог успеха революции. Вождь вьетнамского народа Хо Ши Мин писал об этом: «Необходимо осуществить союз рабочего класса и крестьянства, что является самой надежной гарантией победы революции. Только при условии союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса можно добиться окончательного и полного разгрома контрреволюционных сил, завоевать и сохранить власть трудящегося народа, выполнить исторические задачи национально-демократической революции, с тем чтобы стать на путь, ведущий к социализму» [42, 298].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подъем революционного движения в 1930—1931 гг., приведший к установлению народной власти в провинциях Нгеан и Хатинь, был важным этапом в борьбе вьетнамского народа с колонизаторами и феодалами. Советы Нге-Тиня «оказали большое влияние, их героический дух будет всегда жить в сердцах народных масс, поскольку они проложили путь к грядущим победам», — писал об историческом значении Советов Нге-Тиня Хо Ши Мин [40, 9]. Действительно, можно с уверенностью сказать, что во Вьетнаме до Августовской революции 1945 г. самое крупное массовое революционное движение рабочих и крестьян во главе с компартией произошло в 1930—1931 гг. Это было первое открытое выступление и первое испытание компартии в борьбе с колонизаторами и феодалами. В этой борьбе провинции Нгеан и Хатинь стали местом наиболее ожесточенных сражений и местом создания первых Советов, которые воплотили в себе идеи национально-демократической революции [125, 41]. Советы были первым опытом сочетания двух стратегических задач вьетнамской революции: антиимпериалистической и антифеодальной, были первым опытом осуществления союза рабочего класса и крестьянства под руководством компартии, сочетания революционной борьбы в деревне с революционной борьбой в городе, сочетания политической борьбы с вооруженной [125, 51].

Советы возникли благодаря революционной энергии и творческой инициативе рабоче-крестьянских масс, руководимых местными коммунистическими организациями. Они были созданы исключительно революционным путем. Несмотря на свою зачаточность, стихийность, расплывчатость, эти органы народной власти действовали как власть рабочих и крестьян. Советы конфисковывали землю у феодалов, отбирали общинные земли у

деревенских старост и нотаблей и распределяли их между безземельными и малоземельными крестьянами, отменили кабальные налоги и долги, произвели реформы в области просвещения и здравоохранения, уравняли женщин в правах с мужчинами и т. д. Новая власть была органом народа и выполняла его волю.

Буржуазные идеологи и троцкисты считают, что советское движение на Востоке (в колониальных и полуколониальных странах) — это «чисто стихийные крестьянские бунты, стоящие на грани бандитизма» [см. 81, 188]. Троцкистский взгляд на крестьянское движение как на чисто стихийное направлен на ослабление пролетарской гегемонии в крестьянской борьбе, на ослабление позиции антиимпериалистической и антифеодальной революции. Во вьетнамском советском движении 1930—1931 гг. несомненно были элементы стихийности, как они есть во всяком революционном движении, если оно носит массовый народный характер, а не является верхушечным движением. Нельзя отрицать тот факт, что в революционном движении 1930—1931 гг. во Вьетнаме элементов стихийности было довольно много. Однако нельзя не согласиться и с тем, что движение за установление Советов представляло собою подлинно массовые выступления, охватившие широкие слои населения. Этим народным движением руководила партия ленинского типа. При этом нельзя забывать указание В. И. Ленина о том, что «важнейшей характерной чертой этих стран (колониальных.— *С. М.*) является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении» [33, 244].

Троцкисты и лидеры II Интернационала считали, что Советы можно создать только при подъеме революции в городах. В. И. Ленин, выступая на II конгрессе Коммунистического Интернационала, указывал, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. В. И. Ленин писал, «что крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями, и что безусловным долгом коммунистических партий и тех элементов, которые готовы создать ком-

мунистические партии, является пропаганда идеи крестьянских Советов, Советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях; и там, где только позволяют условия, они должны немедленно же делать попытки к созданию Советов трудящегося народа» [33, 245].

Великий вождь пролетарской революции считал, что революционное движение народов Востока даст много нового и обогатит историю международного революционного движения. «Нашим европейским мещанам, — писал В. И. Ленин, — и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» [36, 381].

Конечно, во вьетнамском революционном движении 1930—1931 гг. были свои ошибки и недостатки, о чем мы подробно говорили. Однако в целом установление народной власти, пусть временной, недостаточно прочной и ограниченной только двумя провинциями, было огромной исторической победой вьетнамского народа. Хо Ши Мин следующим образом охарактеризовал революционное движение 1930—1931 гг. во Вьетнаме: «Со дня своего создания КПИК руководила народным движением в провинциях Нгеан и Хатинь за установление народной власти, которой еще не было в истории рабочих и крестьян, чтобы они свергли господство империалистов и феодалов и установили Советскую власть — власть рабочих, крестьян и солдат. Эта народная власть предоставила трудовому народу демократические свободы. Несмотря на то что французские империалисты потопили в крови это движение, Советы вписали героическую страницу в историю, продемонстрировав революционную способность рабочих и крестьян Вьетнама. Хотя революционное движение потерпело поражение, оно выковало силы для победы в последующих сражениях в Августовской революции» [63, 19].

Само собой разумеется, что без опыта, приобретенного в период 1930—1931 гг. и на последующих этапах борьбы, рабочий класс и крестьянство не смогли бы победить в Августовской революции 1945 г. Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан дал следующую оценку этому

движению: «Самым большим результатом движения 1930—1931 гг., который потом не смогли свести на нет жесточайшие репрессии империалистов и феодалов, являлось то, что это движение на деле подтвердило право и способность пролетариата в лице своего представителя — нашей партии руководить революцией, то, что оно вселило в крестьянство веру в пролетариат и одновременно вселило в широкие рабоче-крестьянские массы веру в свои великие революционные силы. С другой стороны, продемонстрировав правильность революционного курса пролетариата и беспредельную революционную энергию рабочих и крестьян, это движение показало авантюристический характер, соглашательство и двурушничество национальной и мелкой буржуазии и одновременно обнажило перед народом нашей страны крайне реакционную сущность помещиков и компрадорской буржуазии. *Это движение было первым успешным шагом, имеющим решающее значение для всего последующего процесса развития революции* (курсив мой.— *С. М.*). Конкретно говоря, не будь ожесточенных классовых битв в 1930—1931 гг., когда рабочий класс и крестьянство проявили свою необычайную революционную энергию, не было бы и подъема 1936—1939 гг.» [43, 214—215]. Чтобы привести вьетнамский народ к последующей победе, КПИК тщательно изучила опыт революционного движения 1930—1931 гг. и движения за Советы и извлекла из них соответствующий урок.

Руководствуясь ленинскими идеями, вьетнамские коммунисты в годы революционного подъема 1930—1931 гг. создали Советы во многих общинах провинций Нгеан и Хатинь. Эти Советы как органы народной власти явились первым важным завоеванием рабочих и крестьян. Советы опирались на союз рабочего класса и крестьянства под руководством компартии. Характерная особенность вьетнамских Советов состояла в том, что рабочий класс, осуществляя пролетарскую гегемонию через свой авангард — коммунистическую партию, политически воздействовал в первую очередь на многомиллионные массы крестьянства. «Гегемония рабочего класса, — указывал В. И. Ленин, — есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения» [19, 131]. «Революционный подъем 1930—1931 гг.,— пишет Ле Зуан,— на практике подтвердил,

что единственной силой, способной руководить делом национального освобождения, является наша партия — партия рабочего класса. Он показал также огромную роль основной революционной армии, включающей два класса: рабочих и крестьян; заложил надежный фундамент союза рабочего класса и крестьянства, ставшего базой Единого национального фронта» [43, 175].

С момента своего создания КПИК показала себя способной развернуть широкое массовое движение, поднять крестьянские массы и руководить ими. Лозунги КПИК «За национальную независимость» и «Земля тем, кто ее обрабатывает» объединили большинство крестьян с рабочими в революционной борьбе, высшей точкой которой было движение за создание Советов в Нгеане и Хатине. Советы подтвердили, говорится в «Краткой истории ПТВ», что «под руководством нашей партии рабочий класс и крестьянство в тесном единении с другими слоями народа способны свергнуть господство империализма и феодализма» [78, 19]. Лучшим показателем исторического значения Советов Нге-Тиня является тот факт, что не прошло и 15 лет после их провозглашения, как рабочие и крестьяне Вьетнама под руководством КПИК взяли власть в свои руки. Таким образом, Советы явились «первой репетицией подготовки вьетнамского народа к победе Августовской революции» [78, 19].

В августе 1945 г. КПИК, используя благоприятную обстановку, создавшуюся после разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии, призвала рабочих и крестьян свергнуть власть японских оккупантов и прояпонского правительства Чан Чонг Кима. В результате всенародного Августовского восстания возникло первое в Юго-Восточной Азии государство народной демократии — Демократическая Республика Вьетнам. По своему классовому содержанию это государство было революционно-демократической диктатурой народа, переходной к диктатуре пролетариата. После окончательного поражения колонизаторов и подписания Женевских соглашений 1954 г. национально-демократическая революция во Вьетнаме постепенно переросла в социалистическую революцию, в результате чего политическая власть полностью перешла в руки рабочего класса. Произошли качественные изменения в содержании и сущности госу-

дарственной власти: народно-демократическое государство стало постепенно выполнять функции диктатуры пролетариата.

Выше уже отмечалось огромное значение союза рабочего класса и крестьянства, осуществленного в 1930—1931 гг. Необходимость установления этого союза для борьбы против империализма и феодализма была первым важным уроком, который партия извлекла из национально-освободительного движения 1930—1931 гг.

Вторым важным уроком, извлеченным КПИК из революционного движения 1930—1931 гг., явилось осознание необходимости создания национального фронта на основе ленинского положения о тактике «левого блока».

Как известно, в 1930 г. КПИК предприняла попытку создать Антиимпериалистический союз и привлечь в него другие революционные партии и организации. Однако условия для создания этого союза не были благоприятными, поскольку буржуазные революционные организации оказались разгромленными в результате Иенбайского восстания. Кроме того, отсутствие подготовленных кадров и низкий политический уровень членов партии обусловили слабое использование тактики «левого блока» в период подъема революционного движения 1930—1931 гг. Естественно, что правильное использование этой тактики против общего врага способствовало бы привлечению на сторону революции не только многомиллионного крестьянства, но и городской бедноты, средних слоев и революционной части буржуазии, их освобождению из-под влияния либеральной буржуазии и реформистов.

Итак, первая попытка КПИК создать Антиимпериалистический союз не дала значительных результатов. Тем не менее борьба КПИК в этом направлении способствовала пробуждению сознания демократических сил, толкала их на путь объединения и сплочения в общем антиимпериалистическом движении на последующих этапах национально-освободительной борьбы. Используя опыт 1930—1931 гг. по организации Антиимпериалистического союза, КПИК удалось создать в 1936—1939 гг. Демократический фронт, призвавший народ к борьбе против фашизма и войны, за демократические свободы и удовлетворение насущных нужд народа, за мир. В период второй мировой войны КПИК организо-

вала широкий национальный фронт — Лигу борьбы за независимость Вьетнама (Вьетнам док лап донг минь хой, сокращенно Вьетминь). Указанная организация ставила своей целью объединение всех сил народа в борьбе за независимость. Без такого единого национального фронта победа революции в августе 1945 г. была бы невозможной. Августовская революция победила именно благодаря сплочению всех сил народа в едином национальном фронте, основа которого была заложена еще в годы революционного подъема и в период Советов 1930—1931 гг.

На последующих этапах борьбы КПИК учла и еще один урок революционного движения 1930—1931 гг., заключавшийся в том, что без хорошо вооруженных сил невозможно победить врага и завоевать национальную независимость. Как известно, в период Советов были созданы вооруженные отряды самозащиты, обязанностью которых являлась охрана завоеваний Советов в сельских общинах. Эти отряды отражали нападения колониальных войск, охраняли политические манифестации и вели борьбу против местных реакционеров. Однако отряды самозащиты были плохо вооружены и недостаточно хорошо обучены, что делало их легкоуязвимыми.

В годы японской оккупации Индокитая в Бакшоне (Вьетбак) в октябре 1940 г. был создан первый вооруженный партизанский отряд, который в скором времени разросся и составил три взвода, именовавшиеся Армией спасения родины. 22 декабря 1944 г. в Каобанге (Вьетбак) была сформирована Агитационно-освободительная армия во главе с Во Нгуен Зиапом [78, 32—36], которая в апреле 1945 г. объединилась с отрядами Армии спасения родины в единую Народно-освободительную армию [82, 103]. Последняя вместе с многочисленными отрядами самозащиты под руководством КПИК участвовала в свержении прояпонского марионеточного правительства Чан Чонг Кима в Ханое и других городах страны. Таким образом, опыт и уроки Советов Нге-Тиня были успешно использованы в Августовской революции 1945 г.

Уже в годы революционного подъема 1930—1931 гг. основной базой революции служили сельские районы, где господство империалистов было слабее, чем в городах, в которых сосредоточивались армия, полиция,

колониальная администрация, банки и промышленные предприятия. Тактика опоры на революционные базы в сельской местности с последующим захватом городов, впервые использованная коммунистами в период создания Советов 1930—1931 гг., в годы японской оккупации нашла применение в сельских районах Вьетбака (пограничные с Китаем провинции Северного Вьетнама), где были созданы вооруженные отряды. В июне 1945 г. во Вьетбаке был создан первый освобожденный район из шести провинций: Каобанг, Баккан, Лангшон, Тхайнгуен, Туенкуанг и Хайзыонг. Во всех этих провинциях были установлены революционные народные комитеты. Освобожденный район служил основной революционной базой всей страны, являясь зародышем Демократической Республики Вьетнам.

Решающим фактором подъема революционного движения 1930—1931 гг., как уже отмечалось, была руководящая роль Коммунистической партии. Политическая линия КПИК, отражавшая позиции рабочего класса, одновременно отвечала насущным чаяниям и жизненным интересам крестьянства. После подавления Советов КПИК не прекратила борьбу и продолжала руководить национально-освободительным движением, которое увенчалось победой в августе 1945 г.

«Первым основным фактором, — пишет Ле Зуан, — определившим достижение всех этих исторических побед, было создание и руководство нашей партии — политической пролетарской партии нового типа, крепко держащей победоносное знамя марксизма-ленинизма; пролетарской партии, верного и последовательного выразителя жизненных интересов и подлинных чаяний рабочего класса, трудящихся и всего народа; политической марксистско-ленинской партии, имеющей прочную организацию, традиции сплоченности и единства, тесно связанной с массами» [43, 288].

Вьетнамская революция прошла от Советов Нге-Тиня до победоносного Августовского восстания славный путь под руководством Коммунистической партии Индокитая. В историю вьетнамского коммунистического движения вписано много славных имен людей, отдавших свою энергию, талант, жизнь борьбе за торжество идей марксизма-ленинизма, за освобождение своего народа. «Мы, — говорил о таких коммунистах Генеральный сек-

ретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде КПСС, — никогда не забудем о тех величайших жертвах, которые были принесены в борьбе. Имена героев коммунистического движения, примеры мужества и верности делу рабочего класса навсегда останутся святыней для всех подлинных революционеров» [39а, 22].

Через жестокие бури и испытания, словно эстафету, пронесли поколения вьетнамских революционеров верность идеалам освободительной борьбы. Большие жертвы, которые пришлось понести вьетнамскому народу в этой борьбе, не были напрасными. Весной 1975 г. вьетнамский народ одержал историческую победу, в результате которой территория Вьетнама была полностью очищена от иностранных интервентов и их пособников. Хозяином страны стал сам народ. Открылись благоприятные перспективы для строительства мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама. Приветствуя сегодня замечательную победу вьетнамского народа, мы с глубоким уважением вспоминаем героев революционного подполья 30-х годов. И ныне, спустя 45 лет после образования Советов Нге-Тиня, вьетнамский народ свято хранит и приумножает богатые революционные традиции освободительного движения прошлого, и в первую очередь героической Нге-тиньской эпопеи.

Письмо ЦК КПИК исполкому Чунгки [63, 52—53]

В настоящее время в Тханьтыонге и Намдане исполком выступил за вооруженное восстание (создание Советов, распределение земли и т. д.). Данное решение не совсем правильно учитывает сложившуюся обстановку, ибо степень подготовки партии и народных масс внутри страны еще не высокая, еще не совершилось вооруженное восстание, разрозненные вооруженные выступления в ряде местностей произошли весьма преждевременно и носили путчистский характер.

Но поскольку дела обстоят именно так, сейчас необходимо принять некоторые меры, чтобы сохранить влияние партии и Советов в народных массах, с тем чтобы в случае поражения значение Советов глубоко вошло в сознание масс и членов партии и чтобы были сохранены крестьянские союзы.

В решении Исполнительного комитета по вопросу о плане работы имеется несколько пунктов, с которыми мы не согласны:

1. План проведения демонстраций.

Товарищи, считающие, что демонстрации должны быть незначительными и непрекращающимися, стоят на неправильных позициях, поскольку демонстрации, носящие непрекращающийся характер, утрачивают свою мощь, изнуряют массы и в конечном счете оказываются подавленными империалистами, в связи с чем необходимо:

а) В случае необходимости и при наличии возможности организации демонстраций следует собирать большое число людей, но не обязательно это осуществлять изо дня в день. Демонстрация должна быть должным образом организована, руководящий комитет должен подать команду о ее начале, команда должна быть предельно четкой и ясной, при появлении самолетов следует быстро рассеяться, после чего вновь собраться. Участники демонстрации должны быть разделены на группы, каждая группа должна иметь своего руководителя и знать правила организации. При наличии

* Документы переведены с вьетнамского яз. Т. Т. Мхитарян.

подобного плана можно будет избежать беспорядка и большого ущерба.

б) В обычное время следует созывать в деревнях конференции с целью политического воспитания масс и ведения среди них политической пропаганды, однако не следует организовывать незначительные демонстрации. При такой ситуации боевой дух будет постоянно поддерживаться, борьба продолжаться, а не замрет.

2. По вопросу о конфискации и разделе земель исполком придерживается мнения о том, что конфискации земель подлежит каждый, который владеет 100 мау земли и больше. Такие лица ошибочно именуются «помещиками». Помещики — это класс, сдающий землю в аренду, испольщину с целью эксплуатации крестьян, сами же они не занимаются земледелием. Земли, принадлежащие этим лицам, должны быть конфискованы полностью, независимо от их количества. Если же конфисковать землю у тех, наделы которых превышают 100 мау, то конфискации подвергнутся всего лишь несколько помещиков, а крестьяне не получат сколько-нибудь значительного количества земли.

Раздел земли должен производиться Советами по числу трудоспособных в каждой семье бедняка, но не делиться поровну между дворами. Если после раздела останется излишек земли, его следует передать в управление Советов.

3. В местах, где Советы уже установлены, необходимо вести разъяснительную работу, с тем чтобы батраки, бедняки и середняки всецело поддерживали Советы и считали их своей собственной властью.

Все дела в деревне должны осуществляться от имени Советов, а не от имени партии или Крестьянского союза. При вступлении в деревню империалистических сил не следует призывать все населени к сопротивлению, Советы должны быть временно распущены, но с уходом вражеских сил они должны быть вновь восстановлены. Отряды самозащиты должны постоянно обучаться военному делу и изыскивать все способы для захвата вражеского оружия. Такая полезная для масс деятельность, как просвещение, создание больниц, клубов и т. д., которая в настоящее время еще не может быть осуществлена, должна всемерно пропагандироваться, в деревне следует соблюдать строгий порядок, советуя населению заниматься своими обычными делами.

4. Вопрос о Крестьянском союзе в настоящее время представляется чрезвычайно сложным. Переход Союза на нелегальное положение наносит большой ущерб, поэтому уже сейчас необходимо создать нелегальный Исполнительный комитет, сконцентрировав внутри его надежные силы Крестьянского союза, после чего объя-

вить на массовых собраниях, что, поскольку Советы уже созданы, нет необходимости иметь Крестьянский союз (объявить о его роспуске).

5. Внутри Крестьянского союза (состоящего из земледельцев от середняка и ниже, но не кулаков) необходимо создать отдельную организацию — профсоюз батраков, но отнюдь не профсоюз батраков и бедняков, как это предусматривается решением исполкома. Батрак — это пролетарий, тогда как бедняк еще не является пролетарием, и это нельзя смешивать. Руководство Крестьянским союзом должно быть передано профсоюзу батраков.

6. Что касается партии, то следует создать нелегальные уездные комитеты и подготовить кадровых работников для подпольной работы в ячейках, а существующие комитеты должны будут продолжать вести легальную работу. Подпольные комитеты обязаны иметь людей, знающих всю работу партии и Крестьянского союза, так же как и обязаны поддерживать постоянную связь с легальными комитетами.

Сентябрь 1930 г.
Центральный комитет

Письмо к товарищам [63, 54]

1. По докладу исполкома Чунгки, в нескольких общинах уездов Тханьтыонг и Намдан (провинция Нгеан) созданы крестьянские Советы, конфискована земля у помещиков, которая распределена между бедными крестьянами[1], учреждены народные революционные трибуналы для предания суду чиновников и контрреволюционеров.

Вопрос о власти и аграрной революции был решен без применения оружия, однако такое решение носило характер восстания.

2. Если народные массы действовали так стихийно, то партия должна была немедленно взять на себя руководство ими. Однако в данном случае исполком принял решение, которое было ошибочным по следующим причинам:

а) Несмотря на то что в ряде местностей сложилась револю-

[1] По данным опроса очевидцев, в указанный период был произведен раздел только общинных земель, земля же помещиков еще не была конфискована, так же как она не была распределена между бедными крестьянами. Согласно собранным материалам, только в одном месте (деревне Лактхиен, уезд Дыктхо, провинция Хатинь) Советская власть конфисковала землю у одного помещика, занимавшего административный пост (прим. вьетнамского издания).

ционная обстановка, в остальных районах страны степень сознательности и борьбы пролетариата и крестьян еще не одинакова и не высока.

б) Несмотря на то что в нескольких этих селах народные массы проявили глубокую сознательность, большую боевую активность, в них еще не проведена подготовка к вооруженному восстанию. При сложившейся в настоящее время внутриполитической обстановке, степени подготовленности пролетариата и трудящихся масс города и деревни, степени готовности партии, при положении в лагере врага осуществление разрозненных местных выступлений представляет собой путчизм и является неправильным решением.

3. Партия обязана развернуть подготовку своих членов и народных масс к предстоящему всеобщему вооруженному восстанию, в связи с чем она должна использовать существующие условия (экономический кризис, осуществляемую империалистами политику жесточайших репрессий) для подъема масс на борьбу, повести народ на политическую борьбу, развернуть среди народа широкую пропаганду основных лозунгов буржуазно-демократической революции, однако не делать из этого вывод об осуществлении местных восстаний, восстаний преждевременных и неподготовленных; таковы обстоятельства, которые должно учитывать все руководство партии, с тем чтобы избежать путчизма и правильно руководить массами, и в первую очередь крестьянскими массами.

События в Нгеане являются уроком для всех членов партии в период подъема демонстраций, манифестаций и борьбы в деревне.

4. Первостепенной и повсеместной задачей всей партии является всемерная защита Красного Нгеана, расширение манифестаций и демонстраций, борьба с преступными действиями империализма. Судьба крестьян и крестьянок двух провинций Нге-Тиня сейчас зависит от степени поддержки и защиты всех рабочих и крестьян страны.

Члены партии обязаны повсеместно сосредоточить все свои усилия на защите борьбы крестьян Нге-Тиня. Массовое движение должно осуществляться под следующими общими лозунгами:

Борьба против жестокого террора империалистов в отношении крестьян Нге-Тиня.

Объединение рабочих, крестьян и солдат в поддержку Красного Нге-Тиня.

Октябрь 1930 г.
Центральный Комитет

Письмо товарища Нгуен Ай Куока Крестьянскому Интернационалу о крестьянском движении во Вьетнаме и Советах Нге-Тиня в 1930 г. [63, 51][1]

Из-за больших трудностей со связью до сих пор я не мог сообщить вам относительно крестьянского движения в Индокитае.

Указанное движение возникло и развивалось, в нескольких словах, следующим образом. 1 мая движение началось в виде небольших демонстраций и в настоящее время продолжает быстро развиваться. В Намки, несмотря на кровавую расправу, учиненную французскими империалистами, крестьяне семи провинций (Зядинь, Тёлон, Виньлонг, Садек, Бенче, Тхузаумот, Митхо) по-прежнему не прекращают героическую борьбу. Почти во всех демонстрациях имеется много убитых, раненых и арестованных. Все арестованные приговорены к 5—10 годам каторжных работ. Движение в Чунгки началось с многочисленных крупных политических манифестаций, происшедших 1 августа; несмотря на то, что движение здесь развивалось медленнее, чем в других местах, оно приняло очень широкий размах. Не считая вооруженных стычек и демонстраций, имевших место ранее, 20 августа 1930 г. крестьяне двух провинций — Нгеана и Хатиня — организовали крупные манифестации, которые беспрерывно следовали одна за другой, в поддержку бастовавших рабочих Виня — Бентхюи (провинциальный и промышленный центр Нгеана). С 20 августа по 6 октября 1930 г. произошло 39 демонстраций и митингов, в которых приняло участие около 69 350 крестьян. Среди демонстраций были и такие, в которых участвовало от 20 тыс. до 30 тыс. человек. *В настоящее время в ряде красных деревень созданы крестьянские Советы.*

В период с 1 мая по 1 октября в крестьянские союзы вступило свыше 50 тыс. крестьян (*в Намки — 15 тыс., в Чунгки — 35 тыс.*).

Французские империалисты неслыханно жестоко расправляются с крестьянским движением. Так, например, только в одной манифестации, состоявшейся в уезде Хынгнгуен, от бомбардировок погиб 171 крестьянин. В другом уезде провинции Нгеан — Тханьтьонге одновременно было расстреляно 103 человека. Только в одном Нгеане в 7 манифестациях было убито 393 человека, многие красные деревни были стерты с лица земли либо сожжены дотла. Несмотря на жесточайшие репрессии, движение продолжает расши-

---

[1] Подлинник настоящего документа написан на французском языке (прим. вьетнамского издания).

ряться; свидетельством этому служит тот факт, что крестьяне Бакки, которые прежде хранили молчание, теперь также включаются в борьбу (в провинциях Тхайбинь, Ханам, Киенан).

Позднее я сообщу вам подробности по данному вопросу...

5 ноября 1930 г.
Нгуен Ай Куок

Директива о создании Антиимпериалистического союза [63, 55—57]

Всем партийным комитетам и членам партии.

Из анализа политической программы буржуазно-демократической революции в Индокитае явствует, что рабочий класс, если он не выступит в союзе с крестьянством, являющимся важной движущей силой революции, не способен изгнать французских империалистов и их приспешников в лице контрреволюционных феодалов, и в то же время, когда рабочий класс сотрудничает с крестьянством, но не выдвигает лозунг о наделении землей земледельцев, последние не поддерживают его, и буржуазно-демократическая революция в таком случае обречена на поражение. Таким образом, рабочий класс и крестьянство являются основными движущими силами революции. Вместе с тем, если буржуазно-демократической революцией в Индокитае руководит пролетариат, который не способен сплотить весь народ в подлинно могучую подпольную силу, революция также не может рассчитывать на победу.

До сих пор товарищи не совсем ясно понимают это, поэтому различные революционные организации, такие, как красные профсоюзы, Крестьянский союз, молодежные и женские красные организации, организации МОПРа, по-прежнему состоят исключительно из рабочих и крестьян, не отличаясь друг от друга своим составом. Нам недостает поистине широкой, массовой организации, в которую входили бы и все слои национальной интеллигенции, независимо от ее ранга, и помещики, питающие ненависть к французским империалистам и стремящиеся видеть свое государство независимым. Цель такой организации — включить все указанные слои и отдельных лиц в ряды борцов с французскими империалистами, поднять весь народ на общую борьбу против белого террора, в поддержку рабоче-крестьянской революции. Именно в этом кроется недопонимание программы буржуазно-демократической революции; более того, мы еще не дали правильную оценку руководящей роли революционно-националистических партий в революции, направленной против французских империалистов, как, например, недавнему поражению

Национальной партии и ничем не оправданному роспуску ее рядов. Это является нашей большой ошибкой, на которую обратил внимание Постоянный комитет ЦК, с тем чтобы все комитеты и рядовые члены партии сделали для себя из нее вывод.

I. Исходя из сказанного выше, следует рассматривать работу по созданию Антиимпериалистического союза как необходимую и несколько непривычную для нас, поскольку мы еще не до конца осознали, что организация Антиимпериалистического союза является задачей классовой борьбы в эпоху империализма, на которую Ленин обратил особое внимание. Поэтому мы отрывали национальную революцию от классовой революции и рассматривали их каждую в отдельности, тогда как необходимо правильно уяснить себе, что национальная революция является задачей классовой революции, что изменение тактики определяется местной спецификой и сложившимися условиями, но их отнюдь нельзя противопоставить одну другой.

Более того, в политической программе наша партия выдвинула тезис о том, что антиимпериалистическая и аграрная революции осуществляются параллельно и в таком случае создание Антиимпериалистического союза является правильным и неотложным делом. Поэтому мы напоминаем всем партийным комитетам и рядовым членам о необходимости усвоить это положение как в области теории, так и на практике.

II. *Методы работы.* Постоянный комитет ЦК напоминает всем комитетам и рядовым членам нижеследующее:

1. В антиимпериалистической и аграрной революции в Индокитае вьетнамская нация выступает как нация, обладающая бессмертной историей борьбы против французских империалистов с момента вторжения Франции и по сей день, в связи с чем понимание антиимпериалистических задач всеми силами народа очень высоко, и это особенно проявилось в движении за Советы в Нге-Тине.

2. В настоящее время революционное движение получило значительный размах, однако оно еще не освободилось от разрозненности. В тех местах, где движение особенно широко, как, например, в Хаузянге, Сайгоне, Тёлоне, борьба ведется организованно, легальными и нелегальными путями; пролетариат отличается стойкостью и соблюдает боевой порядок; однако класс помещиков в этих провинциях тесно сотрудничает с французскими империалистами, и благодаря этому французские империалисты подавляют крестьянские выступления, используя каждый подходящий момент.

В Чунгки в провинциях Нгеан и Хатинь возникло красное революционное движение, произошло расслоение народа, в результате которого наряду с определенной группой империалистических при-

спешников, выступающих против нации и стремящихся подавить движение, имеются, хотя и немногочисленные, слои интеллигенции и некоторое число средних и мелких помещиков, проявляющих ярко выраженные революционные устремления и, несмотря на жесточайший белый террор, активно поднимающихся на революционную борьбу и поддерживающих революцию. Революционное движение в провинции Куангнгай, хотя и не приобрело такого размаха, как в Нге-Тине, является самым мощным во всех южных районах Чунгки. В Бакки наибольший размах революционное движение получило в провинции Тхайбинь, хотя по своей силе и широте охвата оно не может сравниться с движением в трех вышеуказанных провинциях (Нгеан—Хатинь—Куангнгай). Что касается Лаоса и Камбоджи, то в этих странах движение хотя и имеет место, но является весьма слабым.

3. В Нге-Тине среди помещиков, кулаков и небольшого числа мелких сельских чиновников произошло размежевание. Бóльшая их часть склоняется на сторону революции, они оказывают содействие и услуги Коммунистической партии и рабоче-крестьянскому движению.

Мелкобуржуазная прослойка в провинциях Нгеан и Хатинь, к которой относятся торговцы, в целом проявляет революционную направленность, хотя, вообще говоря, она по-прежнему испытывает страх перед французскими империалистами и их приспешниками. Короче говоря, все вышеуказанные слои очень хотят знать, как совершить революцию. Поэтому, несмотря на то что методы работы в разных местностях несколько отличаются друг от друга, одним общим методом должно быть сочетание двух способов: сверху вниз и снизу вверх распространять положительное влияние районов, где движение получило широкий размах, на районы с низким уровнем движения и наряду с этим информировать о положении дел в районах со слабым движением районы с мощным революционным движением, с тем чтобы они могли обоюдно поддерживать друг друга, следить друг за другом; только таким образом организация Антиимпериалистического союза может быстро расширяться, и только так можно в определенный момент и в определенном месте пресекать действия врага.

Выше дано теоретическое обоснование метода работы по созданию указанной организации. Мы надеемся, что партийные комитеты вместе со всеми товарищами внимательно ознакомятся с данным документом, сопоставят его с методом работы, осуществляемым ими на местах, а также с теми методами, которые проводятся в окрестных местностях, в целях согласования и совместного обсуждения для оказания взаимопомощи в его осуществлении. Одновременно

необходимо занять правильную позицию в организационном вопросе для мобилизации масс, укрепления движения, его развития в целях расширения организаций и их большего проникновения в массы.

4. Как создать организацию сверху вниз?

В провинциях с мощным революционным движением, таких, как Нгеан и Хатинь, либо в провинциях, где движение развито довольно сильно, как, например, Куангнгай, Тхайбинь, провинциальный партийный комитет выделяет одного товарища, теоретически подготовленного и имеющего серьезную политическую подготовку, которому поручается создать Исполнительный комитет Антиимпериалистического союза в составе пяти, семи или девяти человек, после чего эти товарищи детально обсуждают Устав Союза, составляют план ведения пропаганды по созданию уездных и низовых организаций. В тех местах, где существуют необходимые условия, независимо от того, с чего начинают — с деревни или уезда, после создания исполкома немедленно созывается конференция, поскольку в этих местах это весьма легко осуществимо. Профсоюзы, крестьянские союзы и другие массовые организации вступают в Союз под видом ассоциаций. Необходимо только, чтобы представители этих организаций доложили о числе своих членов; кроме того, организации МОПРа могут через своих представителей вступить в союз под видом различных ассоциаций. Нарушают ли эти мероприятия подпольность Антиимпериалистического союза? Отнюдь нет. Ибо в районах с сильно развитым революционным движением необходимо осуществлять руководство каждой существующей организацией или ассоциацией для последовательной революционизации народных масс, обеспечения массам свободы вероисповедания, опровержения контрреволюционной пропаганды, утверждающей, что коммунисты выступают за анархию, против семьи, против религии; более того, поскольку в каждой такой организации до сих пор были и хорошие, и плохие люди, то теперь благодаря пропаганде движения все они осознают страдания людей, лишающихся своей родины, и с этого времени начнут подниматься на борьбу; вот почему необходимо постепенно руководить массами. Таким образом, надо использовать массы для организации самих масс, постепенно вселить в массы веру в революцию, использовать революционную теорию для воспитания масс.

Организация снизу вверх: там, где движение еще слабое, следует создавать нелегальные организации снизу, исходя при этом из видоизмененных названий, таких, как артели и общества взаимопомощи, общества культовых обрядов, чтобы придать им совершенно иной характер, а затем, используя их, проводить читки газет, рево-

люционных стихов, разучивание песен, распространять сообщения о событиях в Нгеане и Хатине, а также во всех других районах, где имеет место революционное движение, вести тайные беседы и революционную агитацию. Товарищи обязаны всегда помнить, что народные массы очень понятливы, очень симпатизируют революции; но наряду с этим следует выявлять хороших и плохих людей, вести работу постепенно и лишь при наличии достаточного числа людей созывать конференцию представителей всех слоев. В связи с тем что революция в Индокитае уже находится на подъеме, все районы охотно берут пример с лучшего района, поддерживают его, расширяя таким образом его революционное влияние и объединяясь вокруг него в организационном отношении.

Данная директива составлена Постоянным комитетом ЦК на основе тщательного изучения положения в районах, из которых была получена соответствующая информация. Затем эта директива была распространена в качестве опыта; поэтому она была спущена во все партийные комитеты и распространена среди членов партии с целью ее изучения и осуществления на практике, о чем своевременно следует доложить ЦК.

Постоянный комитет выражает уверенность в том, что указанная директива поможет нашим товарищам и руководящим партийным органам расширить Антиимпериалистический союз, так же как он верит в силу широких трудящихся масс. В том случае, если указанная работа будет осуществлена...[1] в течение шести месяцев, Постоянный комитет примет решение о том, что революционное движение в Индокитае приобрело повсеместный характер и что следует достойным образом ответить французским империалистам.

С большевистским приветом

18 ноября 1930 г.
Постоянный комитет ЦК

Циркуляр всем районным комитетам [63, 58—62]

За несколько последних месяцев мы были очевидцами бурного подъема борьбы рабочих и крестьянских масс, организация и руководство которой осуществлялись местными партийными комитетами. Влияние партии в массах расширилось. Именно по этой причине империалисты и их приспешники прибегли к белому террору,

[1] В подлиннике в данном месте пропущены слова (прим. вьетнамского издания).

надеясь с его помощью уничтожить одновременно партию, массовые организации и борьбу рабоче-крестьянских масс.

Таким образом, мы вступили в новый период революционной борьбы, который отличается от всех предыдущих своей значимостью, в период ведения работы в условиях постоянно усиливающегося террора, в условиях постоянно растущих трудностей. Партийные комитеты должны обратить внимание на то обстоятельство, что именно в этот период нельзя будет избежать проявления некоторой частью товарищей нерешительности, растерянности. Действительно, мы уже слышали следующие высказывания: «Борющиеся массы, которые только видят один ущерб, но не видят пользы, сейчас утратили всякий энтузиазм, и ничто не может поднять их вновь на борьбу»; «Если сейчас народные массы не получат оружия, они не смогут вести дальше борьбу»; «Если партия не выработает какой-либо иной метод борьбы, то в таком случае она, полностью утратит способность к борьбе»; «Сейчас нужно в первую очередь позаботиться об организации, а уж потом начать бороться». Все подобные рассуждения порождены боязнью террора.

Слова о том, что народные массы не видят никакой пользы и т. д. и т. п., лишены всякого основания. Разве народные массы не добились за последнее время осуществления повседневных жизненных прав (например, отмены «налога мышиных хвостов»[1] в Намки)? В ряде местностей одержаны определенные успехи при сборе налогов, в распределении общинных земель и налогов; на многих фабриках улучшилось отношение хозяев и надсмотрщиков к рабочим, они уже больше не осмеливаются применять к ним телесные наказания или унижать их, как раньше; удовлетворены некоторые требования рабочих и крестьян; многие их требования еще не удовлетворены, но в этом нет ничего странного, ибо народные интересы находятся в противоречии с интересами господствующих классов и могут быть осуществлены только в ходе ожесточенной борьбы, а не только в результате предъявления требований. Более того, происходящие то в одной, то в другой местности забастовки и выступления дают непосредственный результат; выступления в одной местности вызывают борьбу в другой, превращаясь таким образом в широкое движение и принуждая врага идти на некоторые уступки всему классу. Однако успехи борьбы зависят не от этих незначительных завоеваний, а от революции. Именно вследствие совершения ре-

[1] «Налог мышиных хвостов» означает следующее: в Намбо империалисты принудили каждого крестьянина дополнительно к подушному налогу представлять еще 100 мышиных хвостов — крестьяне расценили это как один из видов налога (прим. вьетнамского издания).

волюции и установления Советской власти возможно добиться основных постоянных прав. Когда же говорят о вреде, т. е. о ссылке на каторгу, расстреле, то необходимо понимать, что это неизбежно в ходе борьбы с классовым врагом. Для того чтобы рассчитывать на полный и несомненный успех, необходимо идти на жертвы. В революционной борьбе успех и поражение тесно взаимосвязаны.

Также необоснованными представляются разговоры о том, что массы утратили боевой дух, боятся борьбы и т. п. Никогда террор не сломит боевой дух революционных масс. Это подтверждает вся предыдущая история мировых революций. Мы можем также убедиться в этом на примере крестьян Нгеана и Хатиня. Несмотря на страшные репрессии в Хынгнгуене, которые посеяли страх среди населения, в последнее время население по-прежнему продолжает организовывать манифестации, вести ожесточенную борьбу. Можно также видеть, как определенная часть народных масс при терроре проявляет чрезмерный страх, что объясняется их несознательностью и тем, что партия еще непосредственно и твердо не руководит ими. Более того, революционная борьба не есть прямая дорога или соответствующее каждодневное увеличение числа демонстраций. В равной мере не всегда имеются налицо благоприятная обстановка или момент для подъема масс на борьбу и руководство ими; революционная борьба масс временами разгорается как пламя, временами распространяется вширь, временами глубоко проникает в массы, временами как будто идет на спад, однако этот спад есть не что иное, как подготовка к подъему. Также представляется неразумным говорить о том, что партия в такие моменты должна обладать определенными методами, позволяющими оградить забастовки; партия не обладает никакими сверхъестественными методами, у нее нет ни армии, ни самолетов, ни разрушительных средств. Она только может воспитывать массы, *учить их, как использовать собственные силы в борьбе, использовать мощь своих организаций для борьбы против террора.*

Также неправильным является утверждение, что только при наличии сильной организации можно вести борьбу. Создавать организации — значит усиливать борьбу, бороться — значит расширять и укреплять организации; иначе говоря, организация и борьба самым тесным образом связаны друг с другом, одновременно развиваются и неотделимы друг от друга.

Некоторые товарищи говорят, что «поскольку империализм причиняет такой ущерб, то почему бы нам не достать хотя бы немного оружия, чтобы серьезно сразиться с ним». Однако это очень рискованный путь.

Возможно, и впредь будет иметь место много других точек зрения, которые все имеют своим источником «проявление растерянности перед террором и *утрату веры в свои собственные силы, как и в силы народных масс»*. В этом кроется опасность, которую следует ликвидировать; если же кто-либо из товарищей высказывает подобную точку зрения, необходимо разъяснять им их неправоту и решительно осуждать подобные высказывания. Необходимо постоянно и неустанно напоминать каждому товарищу о том, что основная линия партии состоит в расширении руководства борьбой народных масс, расширении забастовок, студенческих и учащихся демонстраций, в защите повседневных прав, борьбе с террором, за всеобщую поддержку друг друга, в использовании всех сил народных масс в борьбе с террором, за свершение революции. Почему проводится именно такая генеральная линия? *Потому что сложившаяся обстановка является революционной* (но не непосредственно революцией), *существующие экономические и политические условия толкают народные массы на борьбу. Партия обязана неустанно вести подготовку к руководству народными массами, если же она не сделает это, то народные массы будут брошены на произвол судьбы и партии придется только следовать за ними.*

Указанные выше точки зрения таят в себе опасность еще и потому, что они обрекают товарищей на бездеятельность, не укрепляют работу в массах, способствуют отрыву партии от народа, ведут к тому, что партийные и массовые организации теряют боеспособность в борьбе против террора, приводят революцию к поражению. Именно сейчас каждый товарищ должен обладать крепкой верой в силы всей партии и народных масс. Необходимо осознать, что обязанность каждого заключается в том, чтобы соблюдать абсолютное хладнокровие, твердость духа, не проявлять никакой паники, нерешительности, колебаний; каждый товарищ должен, учитывая окружающую обстановку, проводить работу по осуществлению общей линии партии. Все партийные комитеты, от районных до сельских, обязаны внимательно учитывать местные условия и, исходя из них, давать директивы товарищам о работе. В настоящем циркуляре речь идет только об общих планах.

1. В местах с постоянным сосредоточением войск, которые несут круглосуточную вахту и терроризируют население, если народные массы непосредственно подвергаются чрезвычайным репрессиям и не могут проводить демонстраций, манифестаций или вести ожесточенную борьбу и если организации партии и крестьянского союза также оказались ослабленными, необходимо, чтобы все члены партии оставались на местах и только те товарищи, которые оказались раскрытыми, могут покинуть данную местность. В отношении лиц, ко-

торые не могут оставаться в указанных местах, руководящий орган обязан немедленно разработать план перехода на работу в другую местность в целях распространения революционного движения на те районы, в которых до этого времени не было массовой борьбы.

Оставшиеся товарищи обязаны всемерно проявлять инициативу и активность, укреплять партийные ячейки и массовые организации, постоянно поддерживать связь с массами, изыскивать различные способы и использовать все возможности для разъяснения массам сущности империализма и необходимости борьбы с ним, разъяснения неизбежности жертв в борьбе и того, что каждая такая жертва укрепляет народные силы и способствует успехам крестьян. Надо вести активную пропаганду, упорную организационную работу, с тем чтобы быть готовыми возглавить руководство грядущими битвами.

В местах, где еще нет постоянно расквартированных воинских частей, но где свирепствует террор, осуществляемый местными чиновниками и старостами, партийные комитеты обязаны всемерно агитировать и организовывать массы на борьбу с террором и одновременно организовывать повседневную борьбу против помещиков и империалистов.

Во всех остальных местностях партийные комитеты обязаны поднимать массы на борьбу, руководить ими, организовывать борьбу сразу же без всякой подготовки. Следует также вести активную пропаганду и агитацию, разъясняя массам необходимость борьбы, необходимость принесения себя в жертву во имя собственных интересов. Степень активности нашей борьбы против террора зависит главным образом от степени активности пропаганды и сознательности народных масс.

Члены партии должны неустанно работать и не впадать в уныние, даже если нет непосредственных результатов. *Необходимо твердо и решительно вести пропаганду и агитацию, организовывать борьбу и руководить ею*, ибо всегда следует быть уверенным в том, что самым острым оружием является сознательность масс. При наличии твердой веры в силы партии и масс работа, несомненно, даст хорошие результаты.

2. В настоящий момент мы должны взять курс на проведение политической борьбы. Однако партийные комитеты должны настоятельно рекомендовать партийным ячейкам обращать внимание на руководство борьбой народных масс, на защиту их жизненных прав и удовлетворение их требований в деревнях, на заводах, какими бы незначительными эти требования ни были. Только при повседневном общении с борьбой масс за незначительные, но насущные

права можно привлечь массы на свою сторону и повести их на более важные политические битвы.

На заводах необходимо обратить особое внимание на «рационализацию» и другие методы, которые используют капиталисты во время происходящего кризиса; по данному вопросу каждая ячейка на промышленном предприятии должна давать информацию. Нынешняя борьба рабочих должна вестись по таким вопросам, как заработная плата, увольнение рабочих, белый террор.

Методы ведения борьбы должны быть самыми различными и исходить из текущего момента; так, борьба рабочих может в ряде случаев носить следующие формы: прекратить работу на несколько недель; находиться на заводе, но не работать либо работать, но совсем немного. Не следует всякий раз прибегать к забастовке. Необходимо также вести неустанную подготовку по организации забастовок; прежде чем приступить к забастовке, необходимо тщательно к ней подготовиться, убедить массы в необходимости ведения борьбы, обсудить выдвигаемые требования, избрать членов стачечного комитета и во время забастовки проявлять к нему полное доверие; сделать так, чтобы руководство обладало необходимой энергией для борьбы с террором, убедить массы в необходимости сохранять твердую решимость, объединяться, пресекать действия штрейкбрехеров, постоянно проводить забастовки, студенческие манифестации, с тем чтобы противостоять репрессиям империалистических и буржуазных властей. Подобным образом надо организовывать забастовки в деревнях и в городах; не следует проводить линию только на осуществление незначительных выступлений. Чем больше людей будет участвовать в выступлениях, тем лучше; очень большое значение для подъема революции имеет массовый характер нынешних битв. Вместе с тем выступление можно начинать одновременно в нескольких местах согласно выработанному общему плану. Подобные действия будут направлены на разгром карательных сил империалистов, на то, чтобы воспрепятствовать концентрации солдат в какой-либо одной местности и жесточайшему подавлению выступлений.

То же самое относится и к методам проведения крупных демонстраций, которые в ряде случаев следует проводить, не концентрируя все силы в какой-либо одной местности. Тем не менее это отнюдь не является обязательным правилом, и при осуществлении вышесказанного нужно в первую очередь исходить из существующей обстановки и местных условий.

3. Чрезвычайно важным вопросом нынешней борьбы рабоче-крестьянских масс является вопрос о создании отрядов самозащиты из числа рабочих и крестьян. Партийные комитеты обязаны по-

мочь профсоюзам и крестьянским союзам развернуть широкую агитационную работу среди народных масс, рассказывая о значении и пользе отрядов самозащиты, организуя последние из числа наиболее активных смелых и энергичных лиц.

Следует сделать все, чтобы на каждом заводе, в каждой деревне имелся отряд самозащиты. Отряды самозащиты не должны создаваться только в период борьбы и с ее окончанием распускаться, а должны сохраняться и расширяться, представляя собой постоянную силу народных масс; во время борьбы отряды самозащиты должны быть в первых рядах, быть вместе с массами, защищая их; в обычное время они должны проводить учения, разрабатывать способы защиты и поддержки борьбы. Некоторые спрашивают, каким образом отряды самозащиты могут защитить массы, если они не имеют оружия? Подобный вопрос абсолютно неправилен. Во время нынешней борьбы еще нельзя говорить о вооружении. Не всегда можно поставить вопрос о вооружении масс. Необходимо осознать, что отряды самозащиты не есть Красная армия, а защита борющихся изо дня в день товарищей не есть сражение с военной мощью врага с целью захвата власти. Вопрос о вооружении еще не поставлен в повестку дня. Отряды самозащиты, хотя и не имеют достаточного количества оружия, могут оказать большую помощь массам в приобретении его в большом количестве. Несмотря на тот факт, что отряды самозащиты не имеют никакого оружия, они тем не менее организованы, закалены, имеют единый план, хорошо знакомы с военным делом, обладают твердой решимостью к самопожертвованию, ясно представляют свои обязанности в революции и, таким образом, представляют собою силу, которая во много раз сильнее сотен тысяч других людей.

Таким образом, ясно, что отряды самозащиты можно создать и без оружия. Но наряду с этим нельзя ошибочно полагать, что отряды самозащиты не должны применять оружия, а также что нельзя применять оружие в восстании. Самозащита с использованием небольшого количества оружия (палок, ружей и т. д.) в схватке с врагом во время борьбы еще не восстание, а не что иное, как защита борющихся народных масс. Это — неизбежная необходимость. Иначе говоря, совсем не обязательно создавать отряды самозащиты только при наличии достаточного количества оружия, так же как при наличии указанных отрядов не следует иметь немного оружия и нападать на солдат. При организации и руководстве отрядами самозащиты следует обратить внимание на осознание ими своего назначения; только при этом условии можно избежать ошибочных действий.

В этом состоит очевидная польза указанных отрядов. И при

наличии такой пользы от отрядов самозащиты их, естественно, будут приветствовать и в них будут участвовать народные массы; эта их польза еще больше поднимет дух народных масс; последние, зная, что с ними вместе идут братья и сестры, которые их защищают, проявят еще большую решимость и смелость в борьбе. Таким образом, организация отрядов самозащиты народных масс имеет значительное число различных указанных выше аспектов, которые следует немедленно учесть товарищам и сразу же приступить к работе по созданию таких отрядов.

В данный момент столь же неотложным представляется вопрос о работе в армии. Зная, что эта работа не обязательно даст непосредственный результат сегодня или завтра, необходимо приступить к ней без промедления. Следует определить для каждого комитета провинции наикратчайший срок для установления связи с солдатами, ибо нельзя обойтись без этого.

4. В обстановке постоянно усиливающегося террора и с каждым днем осложняющейся работы партии ответственность за сохранение собственных организаций является очень важным делом. Речь, разумеется, не идет о тех периодах, когда легко вести работу, начиная с данного момента, если мы не будем проявлять осторожность, то нанесем себе большой урон. Анализируя наши неудачи за последнее время (аресты руководства и рядовых членов партии и т. д.), следует сделать вывод о том, что в этом повинны мы сами, наша беспечность, что мы сами помогли тайной полиции и ее агентам нанести нам ущерб и что ни одно такое дело не является знаком «особого таланта» врага. Все указанные поражения одинаково проистекают из того, что:

1. Партийные организации не соблюдали должную осторожность при проведении работы.

2. Состав руководящих органов был широко известен.

3. Лица, отвечающие за чрезвычайно важную работу, были также широко известны.

Руководящие партийные органы обязаны еще раз обсудить вопрос о «нелегальности», тщательно изучить опыт организации, упорядочить все дела, для того чтобы избежать прежней беспечности. В каждой местности необходимо, исходя из существующих в ней условий, решить организационные вопросы с целью сохранения собственной базы. Кроме того, следует соблюдать строгую дисциплину, положить конец индивидуальным действиям отдельных членов партии, а также излишней болтливости и любопытству. Партийные ячейки не должны целиком работать среди масс. Следует сохранить в них руководящий состав для управления.

В связи с тем что империалисты изыскивают все возможные

способы, чтобы пробраться в партию, необходимо при приеме в члены партии осуществлять тщательную проверку, особенно тех, кто ранее состоял в Национальной партии либо является выходцем из мелкой буржуазии.

3 января 1931 г.
Постоянный комитет ЦК

Циркуляр о принуждении французскими империалистами крестьян к «капитуляции» [63, 63—66]

Недавно в ряде мест французские империалисты и их приспешники прибегли к чрезвычайно жестоким мерам, препятствующим крестьянам выходить на работу: с одной стороны, они использовали для подавления крестьян оружие и перерезали сообщение на дорогах; с другой стороны, они прибегли к обману и лжи, раздавая различные обещания и ведя среди крестьян агитацию за «капитуляцию». Последнее таит в себе чрезвычайно большую опасность для интересов народных масс и наносит большой ущерб революционному движению в Индокитае. В связи с этим партия, как и все боевые организации рабочих и крестьян, должна развернуть широкую пропаганду и агитацию, организовать активную борьбу против указанной политики обмана, осуществляемой французским империализмом.

Методы мобилизации масс на борьбу с принудительной капитуляцией

Для борьбы с принудительной капитуляцией есть только один метод: революционная борьба, при которой если десять человек принуждаются к капитуляции, то сотни, тысячи людей должны выступить против белого террора, против политики принудительной капитуляции; только при таких условиях указанные действия по принуждению к капитуляции не окажут сколько-нибудь заметного влияния на борьбу народных масс. Если же после актов «капитуляции» народные массы успокоятся и не будут активно выступать против указанной политики, не будут демонстрировать свою мощь империалистам, помещикам, деревенским старостам, то разрушительное влияние политики капитуляции окажется очень сильным; оно будет препятствовать развитию революционного движения, при-

ведет к снижению активности народных масс и может ликвидировать революционное движение. Вследствие этого сейчас, когда указанная капитуляция уже имеет место, все партийные комитеты, профсоюзы и крестьянские союзы обязаны всемерно поднимать массы на активную борьбу (стачки, манифестации, митинги и т. д.) с целью ликвидации вредного влияния политики принудительной капитуляции, углубления и расширения революционного движения. Таков единственный способ ликвидации политики принудительной капитуляции, осуществляемой французским империализмом. Если не применить этот способ быстро и в широких масштабах, то нельзя будет предотвратить опасность и все вредные последствия указанной политики.

В местах, где принудительная капитуляция уже имеет место

Необходимо сохранить и укрепить низовые организации партии и крестьянских союзов. Если они все уже разгромлены, то руководящие органы партии и Крестьянского союза на местах обязаны вновь восстановить их. Наряду с этим необходимо развернуть пропаганду и широко разъяснить массам, что капитуляция резко расходится с их повседневными интересами. Для осуществления этой задачи необходимо в своей пропаганде исходить из повседневной эксплуатации масс и невыносимого абсолютизма местных властей, вызывать в массах энтузиазм, стимулирующий рост их боевой активности, вести подготовку к грядущим битвам. В пропаганде и агитации против политики капитуляции необходимо обратить особое внимание на то, что не следует высмеивать и стыдить тех, кто уже капитулировал, поскольку они являются бедняками, которых нещадно притесняют и эксплуатируют и которые, опасаясь террора и поверив обещаниям правительства, оказались обманутыми и попались на удочку французских империалистов. Учитывая положение таких лиц, следует развернуть среди них широкую разъяснительную работу, способствуя таким образом пониманию ими своих ошибок и пробуждению их сознательности. Если в деревне или волости число капитулировавших сравнительно незначительно, следует наряду с разъяснительной работой призвать население к демонстрации или созвать крупные митинги в знак протеста против капитуляции, против белого террора, против империалистов, помещиков и деревенских властей, выступая с требованиями удовлетворения повседневных интересов крестьян.

В местах предстоящей капитуляции

Агитация и пропаганда должны вестись очень оживленно и тщательно, листовки и газеты, в которых разъясняется смысл указанной политики, необходимо широко распространять среди населения; следует постоянно организовывать митинги с целью ведения агитации и разъяснительной работы; следует также немедленно приступить к организации манифестаций протеста против политики капитуляции. Надо поднять широкие массы населения на борьбу против осуществления политики капитуляции в Каолане, Нгеане, Хатине и тем самым воспрепятствовать распространению капитуляции в собственных местностях. Чтобы привлечь широкие народные массы, необходимо выдвинуть жизненно важные требования, развернуть ожесточенную борьбу и революционную деятельность, как об этом говорилось ранее, в целях разоблачения империалистов, помещиков, местных властей и всех сотрудничающих с ними реформистов и поднятия боевого духа народных масс, а также для того, чтобы показать, что, несмотря на широкое использование империалистами политики обмана и шантажа, они не могут поколебать революционную решимость рабоче-крестьянских масс.

Необходимо особо предусмотреть, что некоторое число людей может все же не послушаться и решиться капитулировать. Партийные комитеты и крестьянские союзы на местах должны в этом случае развернуть тщательную подготовку к противодействию, которое сводится к организации широких манифестаций от деревни до уезда в момент, когда указанные лица пойдут капитулировать.

Во время демонстрации следует группами расположиться на дорогах в целях ведения разъяснительной работы и для того, чтобы помешать указанным лицам капитулировать; если удастся добиться того, чтобы последние примкнули к демонстрантам, это будет означать большой успех. В случае, если демонстрация не будет проходить по дороге, по которой пойдут капитулирующие, необходимо направить достаточно многочисленную группу для их встречи, чтобы попытаться убедить их вернуться. В равной степени необходимо уделить внимание подготовке активистов и изысканию способов их отправки в соответствующие префектуры и уезды в ожидании, когда начальник префектуры, уезда или староста деревни начнут лживо увещевать капитулирующих. Тогда, в свою очередь, эти активисты должны начать выкрикивать революционные лозунги, создавая шум и волнение, чтобы сорвать капитуляцию и выразить свой протест.

Таковы методы работы, которые обязательно следует осуществить, несмотря на трудности и опасность для собственной жизни.

В других местах

Следует развернуть поистине широкую и мощную пропаганду и агитацию против принудительной капитуляции, против лживой политики империалистов, помещиков и местных властей. Необходимо разъяснить массам весь вред и ущерб, который им приносит капитуляция, убедить их в том, что борьба, которую они ведут, является необходимой и что ее следует неизменно углублять и расширять. Разъяснить им, что часть требований была удовлетворена благодаря борьбе (требования об отмене «налога мышиных хвостов», изменении подушного налога, повышении зарплаты рабочим, увеличении оплаты сезонным сельскохозяйственным рабочим), чтобы они поняли, что только при повседневной активизации борьбы можно перестроить жизнь, ликвидировать белый террор и существующий ныне режим. Наряду с этим необходимо призывать массы к организации манифестаций, митингов в знак протеста против принудительной капитуляции и белого террора.

Агитация и революционная работа против принудительной капитуляции не должны вестись только в сельской местности; они также должны быть особенно активными в городах, на заводах и рудниках, на промышленных предприятиях. Пролетариат выступает руководящим классом угнетенных масс, совершающих революцию в повседневных битвах против империализма, и, если пролетариат не выступит руководителем угнетенных масс, которые ведут ожесточенную борьбу против всех видов эксплуатации, угнетения и лживой империалистической политики, он не сможет руководить будущей революцией, а революция, в свою очередь, не сможет увенчаться победой. По этой причине партийные ячейки на промышленных предприятиях, как и профсоюзы, должны обратить особое внимание на данный вопрос и поднять пролетарские массы на борьбу против принудительной капитуляции в целях еще большего укрепления революционного движения и усиления руководящей роли пролетариата. Необходимо заранее провести подготовку к манифестациям крестьян либо к созыву конференций, направленных против капитуляции, для чего партийные ячейки на промышленных предприятиях должны направить своих представителей для установления связи с крестьянами.

В настоящий момент, когда в стране свирепствует жесточайший террор, те, кто призывает массы к организации демонстраций, часто могут слышать от некоторых людей следующие реплики: «Очень трудно», «Невозможно выступать», «У деревенских властей есть оружие, поэтому мы боимся» и т. д. и т. п. Это — пораженческая тенденция, основывающаяся на том, чтобы избежать борьбы как в

партии, так и в революционных организациях рабочих и крестьян; указанная тенденция ничем не отличается от политики капитуляции. Поэтому партия обязана решительно бороться с этой пораженческой тенденцией до полного ее искоренения. Нам уже известно, что представляет собой террор, и он будет еще более жестоким. Если мы не будем активно бороться за ликвидацию белого террора, то зачем тогда говорить о совершении революции? Нынешний жестокий террор является очевидным фактом. Но мы должны также признать, что, чем ожесточеннее становится террор, тем бóльшие трудности представляет собою осуществление революции; но могут ли трудности служить препятствием для ее осуществления? Осуществить революцию, с тем чтобы свергнуть строй, существовавший на протяжении тысяч лет, и установить новый режим,— это нелегкое дело, однако наша конечная цель ясна и полностью соответствует жизненным чаяниям народных масс. И какие бы трудности и опасности нам ни угрожали, мы исполнены твердой решимости перенести их, чтобы выполнить поставленную перед нами задачу. В этом заключается специфика большевистской партии, условие победы класса пролетариев. Пораженческая тенденция появляется там, где в трудных условиях начинают проявляться боязнь, колебание, нерешительность. Это положение мы должны себе четко уяснить, с тем чтобы изыскать способы ликвидации распространения указанной тенденции. В настоящее время любая борьба носит ожесточенный характер, каждый даже маленький митинг не обходится без кровопролития. Революционные действия рабочих и крестьян (забастовки, демонстрации, манифестации, митинги) только тогда полностью увенчаются успехом, если они будут иметь рабоче-крестьянскую защиту. Поэтому организация отрядов самозащиты рабочих и крестьян является необходимым делом. Без этих отрядов не будет и деятельности. Так, например, если бы рабочие в окрестностях Сайгона в течение последних месяцев не имели бы несколько рабочих отрядов самозащиты, они не могли бы вести никакой революционной работы. Манифестация в Нябе имела своим результатом то, что 700—800 рабочих оставили работу и разошлись по домам, благодаря тому что рабочие из отряда самозащиты на этом заводе сбили с ног полицейского, отобрали у него оружие и заставили его отпустить задержанных манифестантов, после чего, закончив митинг, все рабочие разошлись по домам.

Аналогичный случай имел место в Фуми (маслобойная компания), где митинг смог произойти только благодаря тому, что отряд самозащиты сдержал натиск цепных псов империализма. В Нябе крестьянские организации последовали этому примеру и организовали отряды самозащиты из числа крестьян для охраны населения.

Всякий раз, когда деревенские власти или солдаты собираются арестовать людей, отряды самозащиты должны немедленно их разоружить, задержать, воспрепятствовать тому, чтобы они могли получить подкрепление для репрессий, и т. д. Ожесточенные схватки в таких случаях неизбежны, хотя подобные столкновения, в которых проливается кровь и гибнет много людей, еще не являются восстанием. Когда цепные псы империализма хватают наших людей, а те лишь боятся и не поднимаются против них, то в таких случаях мы проявляем непротивление по Ганди. В использовании оружия для самосохранения масс нет ничего противоестественного, и оно неизбежно. Весьма ошибочными действиями, которых следует всячески избегать, является уклонение от организации отрядов самозащиты и использование террористических методов.

Подводя итог, следует отметить, что отныне и впредь все революционные действия должны обязательно иметь отряды самозащиты; именно в этом и состоит метод, который позволит избежать трудностей и ликвидировать террор.

Все партийные комитеты, профсоюзы и крестьянские союзы обязаны всесторонне обсудить планы организации борьбы против империалистической политики принудительной капитуляции и белого террора.

25 января 1931 г.
Постоянный комитет ЦК

Решение второго пленума ЦК КПИК (март 1931 г.) [63, 41—50] Задачи партии на современном этапе

I. Международная обстановка и положение в Индокитае

А. Международная обстановка

1. В период, последовавший после первого пленума ЦК, международное положение с каждым днем обострялось. Экономический кризис в капиталистических странах характеризовался еще бо́льшим углублением: торговля, и без того резко сократившаяся, вступила в полосу застоя, постепенно снизилось производство, во многих местах, где промышленное производство ранее составляло 100%, оно снизилось до 60—65%, банки непрерывно разорялись (американские, французские и др.); существовала еще одна не менее угрожающая

опасность — безработица, которая поразительно быстро развивалась. Так, только за одну неделю лишились работы многие тысячи рабочих. Только на Американском материке и в Европе до настоящего времени насчитывалось свыше 50 млн. безработных рабочих; если же к этой цифре прибавить число их семей, то она увеличится до 150—180 млн. человек, иными словами, одна десятая населения земного шара поражена безработицей.

Франция, которая в прошлом году не испытывала сколько-нибудь заметных изменений, в нынешнем году также не смогла избежать кризиса, ее торговля пришла в упадок, отдельные отрасли производства переживали трудности: например, производство автомобилей сократилось на 25,3%; число лиц, лишившихся работы полностью или частично, достигло 2 млн. Таким образом, экономический кризис, развивавшийся хотя и неравномерно, потряс весь мир, не оставив в стороне ни одной империалистической или колониальной страны. Указанное обстоятельство служит еще одним наглядным свидетельством постоянного углубления экономического кризиса.

2. В момент, когда капиталистический мир переживает безрадостные дни, в Советском Союзе полным ходом идет строительство социализма и уже много сделано в соответствии с намеченным планом. Результатом этого явилось бурное развитие в Советском Союзе промышленного производства (если всю экономику принять за 100%, то на долю промышленного производства приходится около 70), обработка земли коллективными методами, т. е. коллективизация в сельском хозяйстве, ведется чрезвычайно быстрыми темпами, охватив почти половину всей обрабатываемой в этой стране земельной площади. Еще одним чрезвычайно большим и особым условием победы явилась полная ликвидация безработицы, так что в настоящее время в стране не только нет ни одного безработного, но и постоянно ощущается нехватка рабочих ввиду бурного развития промышленного производства. Победы, одержанные Советским Союзом в экономической области, убеждают трудящихся всех стран в том, что советский строй является строем, при котором народное хозяйство развивается, безработица и лишения ликвидируются, в то время как капиталистический строй с каждым днем все более загнивает и только причиняет вред труду. Эта диаметральная противоположность указанных социальных систем становится все более очевидной для каждого человека.

Вследствие углубления экономического кризиса во всех капиталистических странах быстро множатся успехи Советского Союза, являющегося оплотом революционного движения во всем мире: за несколько месяцев с начала года по сей день в Германии, Франции

и Англии имело место мощное забастовочное движение, в котором приняло участие свыше миллиона рабочих железнодорожной и текстильной промышленности; в США не проходит ни одного дня без того, чтобы рабочие, занятые на производстве, и рабочие, оставшиеся без работы, не вели борьбу и не участвовали в столкновениях с солдатами и полицией; в Испании дважды вспыхивала всеобщая политическая стачка; в Индии борьба рабочих с каждым днем принимает все более ожесточенный характер. В борьбе пролетариата проявились новые черты, и только что имевшие место забастовки перестали быть только обычными забастовками, начали приобретать международный характер, объединяя рабочих многих стран (как, например, забастовка шахтеров железорудных предприятий Германии, Англии, Франции), и носить характер острой политической борьбы (США, Германия). Теперь это ярко выраженные бои с капиталистическим строем.

За несколько последних месяцев освободительное революционное движение распространилось на следующие колонии и полуколонии: Бирму, Марокко, Перу, Аргентину, Индию, Китай и, конечно, Индокитай. Несмотря на то что империализм прилагает все усилия к тому, чтобы с помощью пушек и пулеметов задушить революцию, несмотря на предательство национальной буржуазии, которая лакейски прислуживает империалистам, революционное движение в колониях ширится и крепнет.

Поэтому борьба пролетариата и революционно-освободительное движение в колониях превращается в силу, способную свергнуть ненавистный капиталистический строй.

4 *. Углубление экономического кризиса ведет к усилению революционного движения, в связи с чем империалисты всех стран прилагают усилия, чтобы спасти свой строй.

Однако ни экономические, ни мирные способы не дают результатов, и единственное, что им остается делать для разрешения этого вопроса,— это использовать вооруженные средства, чтобы развязать войну. В настоящее время империализм стремится силой оружия удержать старые и захватить новые колонии у других колониальных держав. Но для того чтобы разрешить этот вопрос, империализм должен в первую очередь ликвидировать революционное движение и оплот революции — Советский Союз. За истекший период времени буржуазные правительства всех стран заметно фашизировались, проводят жесточайшие репрессии по отношению к революционно настроенным массам, повсеместно лихорадочно готовят-

---

* В основном документе третий пункт отсутствует, что, возможно, объясняется опечаткой (прим. вьетнамского издания).

ся к новой войне. И состоявшаяся в последнее время целая серия конференций и переговоров (конференция по вопросам вооружения, конференция по вопросам промышленности, конференция по созданию Европейского союза, переговоры относительно заключения франко-итальянского договора о судоходстве, германо-австрийские переговоры о заключении совместного пакта по экономическим и прочим вопросам и т. д. и т. п.), и недавно раскрытый план готовившейся военной агрессии против Страны Советов, и шумная агитационная кампания против Советского Союза, проводимая сейчас империалистами, которые кричат о том, что Советский Союз якобы проводит демпинг (т. е. вывозит товары по очень сниженным ценам), с тем чтобы разорить империалистов,— все это является очевидными происками по подготовке к войне. Добавим к этому повсеместное создание империалистами широкой сети военных плацдармов, проведение экспериментов с отравляющими газами, микробами, авиационные маневры, проводящиеся изо дня в день в крупных масштабах.

В то время как империалистическая экономика все более погружается в пучину кризиса, в Советском Союзе все сильнее осуществляется строительство социализма; с возрастанием угрозы войны нарастает и ширится революционное движение. Таким образом, мы переживаем период, чреватый опасностью новой войны, и в то же время период бурно развивающейся революции.

Б. Положение в Индокитае

5. Положение в Индокитае соответствует общей международной обстановке. За несколько истекших месяцев экономика все больше подвергается воздействию кризиса. Самому сильному воздействию кризиса подверглись две основные отрасли экономики: производство каучука и риса. Наряду с этим все сельское хозяйство испытывало состояние депрессии; в настоящее время на плантациях многих районов большое число рабочих выброшено на улицу, многие плантации перестали возделываться. Новым явлением был крах банков (например, Сайгонского банка), в результате чего весьма большое число торговцев разорилось и было вынуждено прекратить свою деятельность. Все это сопровождается усилением безработицы. На всех каучуковых и кофейных плантациях уволено большое число кули, на многих плантациях они уволены почти все (например, на плантации Камтьен раньше было занято 4 тыс. кули, из них уволено 3200); аналогичное положение отмечается на шахтах и заводах (например, на шелкоткацких фабриках Намдиня и Хайфона уволено 3 тыс. рабочих, на угольных шахтах Камфа — Хонгая сокра-

щено свыше 5 тыс. человек и т. д.); беспрестанно снижается заработная плата при постоянном росте прожиточного минимума. Углубляющийся экономический кризис несет народным массам еще бо́льшие страдания и лишения.

6. Вследствие этого за истекший период борьба народных масс также должна была развиваться. С начала года усилилась борьба рабочих (несколько раз отмечались выступления рабочих на маслобойных предприятиях в окрестностях Сайгона, произошла забастовка рабочих маслобойного завода в Хайфоне, отмечались активные выступления рабочих на цементном заводе в Хайфоне, на угольных шахтах Камфа, а также в других местах). Следует особо отметить, что те рабочие, которые раньше никогда не участвовали в борьбе (например, рабочие судоремонтных мастерских Битке, Думе, сельскохозяйственные рабочие Намки), теперь, напротив, принимали самое активное участие в ней, организуя в ходе борьбы отряды самообороны, которые вступали в ожесточенные схватки с полицией и армией. В сельской местности, где в прошлом году отмечались активные выступления, в нынешнем году волна выступлений пошла на убыль, однако не спала полностью. Она лишь изменила форму и приобрела более ясные цели, стала носить более организованный и классовый характер (выступления против империалистов начали сочетаться с выступлениями против помещиков и сельских чиновников). Крупные забастовки, происшедшие недавно в Куангнгае, Нгеане, Хатине, Митхо и Бенче, убедительно продемонстрировали постоянное расширение и углубление крестьянского движения.

7. В этот же период из-за углубления экономического кризиса и расширения борьбы народных масс империалисты усилили свои репрессии. Они ввели белый террор, установили военные посты во всех районах (Чунгки) либо предоставили оружие сельским властям (Намки), создали отряды из кулацких элементов для оказания помощи солдатам либо для постоянной военной охраны заводов, на которых отмечались выступления (например, на заводе Бе). Они также прибегли к обману земледельцев многих районов, где отмечались активные выступления (Нгеан, Садек), призывая их прийти с повинной. С помощью этого плана они рассчитывали использовать массы для подавления массового движения.

Одновременно они предоставили широкие возможности помещикам и кулакам вести пропаганду за проведение государственных реформ, чтобы тем самым оказать воздействие на массы и таким образом ликвидировать революцию. Конституционалисты Намки, т. е. Буй Куанг Тиеу и Нгуен Фан Лонг, беспрестанно воспевали блага, которые несут рабочим и земледельцам «общество реформ» и «общество управления» (Намки). Фам Куинь (в Бакки) также

вел широкую пропаганду в пользу «конституции» и «реформ». В сельских районах реакционные элементы по приказу империалистов создавали «общества национальных представителей», которые состояли из предводителей племен и должны были создать барьер (распространение революционного движения.— *С. М.*) в племенах, либо основывали «общества морали» с целью сохранения рабовладельческих, феодальных и империалистических методов эксплуатации (в Чунгки), либо создавали организации по «спасению населения от бедствий» и т. д., иначе говоря, общества, которые занимались подкармливанием своих членов, деревенских мандаринов, и организацией кулаков и помещиков, с помощью которых капиталисты стремились вести борьбу с революционным влиянием в деревне.

8. Необходимо подчеркнуть, что указанная политика репрессий и обмана не может уничтожить революцию, борьба по-прежнему продолжается. Прежде всего сама экономическая политика, которую проводят империалисты в настоящее время, разрушит их политику репрессий и обмана. Недавно империалисты выпустили в целях эксплуатации колоний государственный заем, большую часть которого они вложили в Индокитай, предоставив средства государственной казны плантаторам и капиталистам. Таковы их планы выкачивания народных средств для еще большей эксплуатации народа. В результате налогообложение всех видов товаров еще более возрастет, рационализация станет еще более тяжелой, усилится безработица, возрастет арендная плата, заработная плата снизится, возрастет прожиточный минимум. Это приведет к тому, что фальшивые лозунги о «сочувствии народу» рассеются, еще больше обострится экономический кризис, усилится революционное движение. Таков неизбежный путь.

II. Положение с руководством партии

9. Международное положение и обстановка внутри страны создают отмеченные выше условия для развития революционного движения. Однако будущие успехи массовой борьбы зависят и от руководства партии. Это чрезвычайно важное условие. До сих пор партия имела весьма значительные успехи, руководя всей борьбой народных масс, создавая революционные организации и повседневно расширяя революционную работу среди рабочих и крестьян. Тем не менее эти успехи еще немногочисленны, ибо во многих случаях им чинились препятствия. Весьма большим препятствием является то, что среди членов партии наблюдается еще значительное проявление буржуазной идеологии, приспособленчества, фракционизма.

10. Наибольший вред приносит то, что члены партии еще неясно представляют позицию пролетариата в революции и обязанности партии. Многие члены партии (как, например, в Бакки и Чунгки) продолжают считать, что Коммунистическая партия есть партия широких трудящихся масс, и не знают, что Коммунистическая партия является лишь партией пролетариата и что ее обязанностью является руководство пролетариатом в совершении пролетарской революции. Хотя партия и руководит крестьянством, всеми угнетенными трудящимися в совершении буржуазно-демократической революции, она тем не менее продолжает оставаться партией пролетариата, иначе говоря, она выступает в защиту интересов пролетарской революции, осуществляет политику пролетариата, а не защищает интересы мелкобуржуазных слоев, не отражает устремлений к частнособственническому режиму. Именно на основе этой ошибки было признано, что существуют благоприятные условия для мобилизации крестьян на революционную борьбу, в связи с чем возникла тенденция к концентрации всех сил и руководящих центров в деревне и постепенно было забыто основное положение партии, которое гласит, что, несмотря на необходимость всемерной мобилизации крестьянских масс, следует обратить особое внимание на работу среди рабочих, сделав из них руководящую опору для крестьян в революции. Указанная ошибка оказала значительное воздействие на всю деятельность партии — от организационной работы до руководства борьбой. Именно поэтому рабочее движение оказалось значительно слабее крестьянского движения, а идеологическая работа по-прежнему носит мелкобуржуазный характер.

А. Состояние организационной работы

11. Число членов партии — рабочих весьма незначительно и увеличивается очень медленно, число партийных ячеек на промышленных предприятиях очень невелико, и их состав весьма ограничен, что же касается важных промышленных предприятий, то на них нет никаких организаций; в сельскохозяйственной местности партийных ячеек много, и удельный вес членов партии — крестьян, интеллигентов и т. д. — составляет 90%; в руководящих органах пролетарские или полупролетарские элементы во многих районах составляют весьма незначительный процент, в сельских партийных ячейках сельскохозяйственные рабочие по сравнению с крестьянами и интеллигентами не представляют никакой силы. Внутри партии еще не осознаны партийные организационные принципы. Вплоть до настоящего времени в Чунгки и Бакки не осознают всю важность

концентрации партии: в комитете Бакки не осуществляется концентрированного руководства деятельностью каждого члена партии, в нем продолжает существовать разобщенность в руководстве, в каждой местности партийное руководство осуществляется автономно, без связи с центром, процветает единоначалие; в Чунгки руководящие органы разобщены и осуществляют руководство вышеуказанными методами. Партийная дисциплина во многих организациях слабая, каждый член партии следует своим идеологическим воззрениям; в ряде организаций отмечаются серьезные нарушения дисциплины и проявления беззакония; используются приказы и запугивания, вместо того чтобы вести среди членов партии разъяснительную работу. Смысл железной дисциплины в партии состоит прежде всего в том, чтобы каждый ее член ясно представлял единственно правильный политический курс партии и со всей решимостью правильно проводил его в жизнь, чтобы он понял, что партия никогда не допускает в своих рядах неправильных толкований, что она борется с проявлениями индивидуализма и фракционизма.

Организация Коммунистического союза молодежи является первейшей обязанностью пролетариата, составляет неотложную и насущную задачу, которую партия призвана осуществить. Тем не менее до сих пор еще нигде не приступили к ее выполнению. Напротив, внутри партии отмечается весьма безразличное, равнодушное отношение к данному вопросу.

12. В вопросе создания массовых организаций по-прежнему имеют место допущенные ранее ошибочные суждения:

а) Профсоюзы по-прежнему весьма малочисленны и находятся в состоянии застоя; в то время как крестьянские союзы увеличили свою численность втрое, профсоюзы остаются в прежнем составе. Среди членов партии имеется много лиц (как, например, в Бакки), которые продолжают считать, что профсоюз является организацией самой сознательной части рабочих, не понимая, что профсоюз представляет собой боевую организацию пролетариата, которая призвана объединить в своих рядах широкие массы пролетариата, нося при этом ярко выраженный пролетарский характер. Несмотря на то что профсоюзы из-за трудных условий кризиса еще не охватили всех рабочих, это объясняется отнюдь не тем, что они якобы изменили свою направленность, а поспешно принятым решением, гласящим, что профсоюз представляет собой организацию небольшого числа самых передовых рабочих. Чрезвычайно важным и необходимым представляется также вопрос об объединении профсоюзов. Однако в партии этот вопрос еще не совсем ясно представляют себе, как, например, в Бакки, поэтому существует тенденция отложить его решение на более поздний срок. Подобное обстоятельство в рав-

ной мере объясняется непониманием места и обязанностей пролетариата в революции.

б) По вопросу создания крестьянских союзов, хотя они и быстро расширяются, среди членов партии существуют не совсем правильные суждения. В ряде мест в крестьянские союзы входят элементы, не имеющие никакой связи с крестьянами, которые, однако, продолжают проникать в данные организации. В равной степени не принято никаких мер для укрепления пролетарского руководства организациями сельскохозяйственных рабочих, крестьянскими союзами и профсоюзами.

Б. Руководство борьбой народных масс

13. До сих пор массовая борьба проходит замедленными темпами либо вовсе не развивается (Бакки), и это объясняется тем, что руководство ею в большинстве случаев по-прежнему носит мелкобуржуазный характер. Боязнь борьбы и неверие в силу масс — такова особенность мелкой буржуазии. Эта особенность в каждом конкретном деле ежеминутно раскрывается следующим образом:

а) Во многих случаях создаются препятствия для ведения массовой борьбы, выражающиеся в следующих точках зрения: «Не вести борьбу до тех пор, пока не будет создана организация»; «Сначала упорядочить организацию, а уже затем бороться»; «Укрепить организацию и затем развернуть борьбу». Это — чрезвычайно крупная ошибка. Организация и борьба неотделимы друг от друга. Нельзя бороться, не будучи организованным, без организации нельзя вести борьбу. Только при наличии руководства борьбой масс можно мобилизовать массы, только став на путь организации, массы могут воспринять и развить в себе организационный дух. Следует немедленно распустить организацию, которая не принимает участия в борьбе. Проводить водораздел между организацией и борьбой — это значит не осуществлять мобилизации масс и революции. Находятся и такие, которые утверждают, что в период экономического кризиса не следует вести борьбу. Аргумент, что борьба неизбежно закончится поражением, проистекает из боязни борьбы, а отнюдь не из осознания того факта, что в период экономического кризиса рабочие должны вести более решительную и ожесточенную борьбу. Поэтому партия призывает массы к борьбе, ее победоносный исход или поражение зависят от решительности и ожесточенности этой борьбы, а отнюдь не от наличия или отсутствия кризиса.

14. В период мобилизации масс на борьбу обычно проявляются

такие мелкобуржуазные тенденции: обман или принуждение масс, ведение неопределенной пропаганды без всяких целей (крестьянское движение), провал агитации и широкого обсуждения насущных требований при мобилизации рабочих на участие в забастовочном движении (Бакки). Подобные действия весьма пагубны: при мобилизации масс на борьбу необходимо вести поистине широкую и глубокую пропаганду, с тем чтобы массы осознали важность ведения борьбы, поняли бы, в каких целях она ведется, и приняли бы участие в широком всестороннем обсуждении своих требований. Только при таком условии можно рассчитывать, что борьба народных масс будет прочной, активной и одержит победу. Таково основное условие организации борьбы.

15. При выработке основных требований, и прежде всего требований рабочих, в равной мере отмечаются проявления мелкобуржуазной идеологии. Как правило, партийные комитеты выдвигают требования без предварительного обсуждения их массами; при определении этих требований некоторые партийные комитеты стараются не ущемлять «интересы капиталистов», выдвигают очень низкие требования без учета чаяний и стремлений народа; в ряде случаев требование о повышении заработной платы носит неконкретный характер, а это ведет к тому, что борьба лишается конкретных целей. Определение требований масс является мероприятием первостепенной важности. Поэтому оно должно опираться на боевую мощь масс, обсуждение требований должно проводиться самими массами, требования должны быть предельно четко и ясно сформулированы. Успех или неудача борьбы зависят от того, насколько сильна или, наоборот, слаба борьба масс, а отнюдь не от того, насколько требования масс удовлетворяют капиталистов. Требования о том, чтобы штрафы «не превышали треть дневного заработка» (Бакки), о «неликвидации воскресного дня», о том, чтобы «не отменять новогодние праздники» (Чунгки и Бакки), являются наглядным подтверждением отмеченной выше ошибки. Выдвижение требования, чтобы хозяева не штрафовали рабочих на сумму, превышающую треть дневного заработка, может привести к тому, что рабочие будут думать, будто поведение капиталистов вполне справедливое и поэтому не следует вести против них борьбу, а нужно только просить их о снисхождении. То же самое и в отношении требования «о незапрещении воскресного дня» — такое требование заставит рабочих думать, что неуплата хозяевами заработной платы за воскресный день — весьма справедливое дело. Наоборот, следовало бы требовать отмены всех видов штрафов, оплаты воскресного дня, что, однако, не было проделано руководящими партийными комитетами и партийными ячейками из-за боязни затронуть интересы капитали-

стов. Выдвижение указанных выше требований на руку только капиталистам, а не служит интересам рабочих.

16. В ходе борьбы в ряде местностей члены партии, вместо того чтобы защищать массы, наоборот, мешали им. В тех случаях, когда массы вели борьбу с солдатами, партийные комитеты подвергали их действия необоснованной критике, называя их «преждевременными восстаниями», «путчизмом»; указанные действия партийных комитетов препятствовали таким столкновениям. Истинный смысл таких выражений, как «преждевременное восстание», «путчизм», означает преждевременный захват власти с помощью небольшой кучки сознательных лиц, проявление тенденции к преждевременному восстанию означает только расчет на мобилизацию масс на борьбу с врагом, с тем чтобы они захватили вражеские посты. Партия должна была выступить против подобных действий, поскольку борьба за захват власти является делом, которое следует совершать не в любой момент. Что же касается ежедневных демонстраций, которые проводятся в определенных целях и преследуют определенные интересы, то столкновения масс с войсками в ходе этих демонстраций являются необходимой и своевременной защитой. Никогда не следует проводить «путчизм», «стихийные преждевременные восстания». В то же время нельзя смешивать действия, связанные с самозащитой, с мобилизацией, с одной стороны, с тенденциями к осуществлению преждевременного стихийного восстания, с путчизмом — с другой. Однако некоторые из членов партии легко смешивали эти различные понятия, поскольку они, по сути дела, боялись ожесточенной борьбы. Именно из этого проистекали выступления против организации самозащиты, имевшие место в ряде районов (Бакки). Эти члены партии не понимают того, что, препятствуя самозащите, выступая против защиты, они тем самым поддерживают учение Ганди о «несопротивлении», о «мирной борьбе».

17. По вопросам о «борьбе против принуждения к капитуляции» и о «борьбе с террором» недавно также имело место проявление в руководстве особых мелкобуржуазных тенденций. Комитет Чунгки выступал за то, чтобы массы, взяв удостоверения покорности, продолжали борьбу или же, собираясь под желтыми знаменами, пели бы революционные песни, выкрикивали революционные лозунги и т. д., вывешивали бы желтые флаги во время митингов и т. д. На самом деле, если стоять на точке зрения защиты интересов народных масс, следовало бы призывать массы не сдаваться и не брать указанных удостоверений, разорвать желтые флаги. Однако из-за боязни террора имело место проявление отмеченной вредной тенденции.

III. Неотложные задачи

18. Таким образом, в идеологических воззрениях и деятельности партии, как и в массовой работе, имело место проявление большого числа вышеуказанных вредных тенденций. Несмотря на то что первый пленум ЦК уже указал на вышеупомянутые ошибки, партийные комитеты на местах ничего не сделали для их исправления и соответствующего изменения партийной работы. Эти ошибки не только не были ликвидированы, но, наоборот, разрослись до того, что в ряде мест, как, например, в Бакки, они приобрели ярко выраженный оппортунистический характер. Решения первого пленума ЦК попрежнему остаются только на бумаге.

Чрезвычайно угрожающим является тот факт, что в момент постоянного обострения обстановки и усиления борьбы народных масс партия по-прежнему находится в плену упадочнической идеологии и бездействует. Партия обязана быстро собрать все силы, чтобы ликвидировать препятствия на пути к осуществлению революционного руководства.

А. Задачи партии в организационной работе

19. Партия должна осуществить следующие организационные задачи:

а) *Упорядочить руководство и расширить руководство партии за счет пополнения его представителями рабочих.*

Упорядочить ЦК трех районов страны, превратив их в концентрированные руководящие органы партии в указанных районах. Необходимо создать ЦК Бакки в составе достаточного числа членов, постоянный комитет, состоящий из лиц, которые решительно отстаивают политическую линию партии, заменив представителями рабочих тех представителей интеллигенции, которые стоят на капитулянтских позициях. Первым условием в развитии деятельности партии явится разрешение вопроса о кризисе в партийном руководстве в Бакки и об укреплении ЦК в Чунгки и Намки. Необходимо последовательно заменять представителей интеллигенции, консервативные элементы в руководящих органах представителями рабочих или беднейших слоев крестьянства, которые являются новыми элементами в партии. Наряду с этим необходимо всемерно осуществлять политическую учебу для подготовки новых руководящих кадров партии. Вопрос о подготовке руководящих рабочих кадров является чрезвычайно важным вопросом в деле развития партии в настоящее время и в будущем, в связи с чем ему необходимо уделить особое внимание.

б) *Решительно бороться с оппортунизмом в партии.*

Проявление оппортунизма в партии очевидно, и если с ним не вести решительную борьбу, если не выкорчевать его с корнем внутри партии, то нельзя будет надеяться на распространение в партии единой коммунистической идеологии. Поэтому каждый руководящий орган, каждый член партии должны вести решительную борьбу на идеологическом фронте не только с проявлением оппортунизма, но и с безразличным к нему отношением, со снисходительностью к оппортунизму, поскольку такое отношение таит в себе еще бóльшую опасность для партии. Надо строго соблюдать дисциплину. Следует применять меры наказания к партийным комитетам, рядовым и руководящим членам партии, которые не заботятся о выполнении партийных решений. Члены партии пользуются полной свободой выражения мнения, требования разъяснений, обращения с запросом или просьбой. Однако они обязаны быстро выполнять решения партии и следовать единой политической линии партии.

в) *Уделять особое внимание низовым партийным организациям, и прежде всего заводским ячейкам.*

Развернуть широкую партийную пропаганду и агитацию. Необходимо сделать так, чтобы вся партийная печать от центрального органа до местных газет носила массовый характер, ярко отражала на своих страницах жизнь и борьбу трудящихся, чтобы публикуемый в ней материал был легко доступен и понятен массам. Для выполнения этой задачи необходимо всемерно расширять выпуск газет на промышленных предприятиях, развивать критику прессы от низовых партийных ячеек до руководящих органов, ежедневно расширять число рабочих и крестьянских корреспондентов.

Только при концентрации руководства партии в ячейках, и прежде всего в ячейках на промышленных предприятиях, будут созданы реальные условия для развития жизнедеятельности и превращения ячеек в основную единицу политической жизни партии и руководства борьбой трудящихся масс.

Для правильного осуществления поставленных задач, для того чтобы увеличить число членов партии из числа рабочих, необходимо постоянно учить и проверять работу низовых организаций на промышленных предприятиях, привлекать в партию новых людей, неустанно искать пути к созданию партийных организаций на наиболее важных предприятиях, шахтах и плантациях.

г) *Немедленно приступить к созданию Коммунистического союза молодежи.*

Партия должна немедленно покончить с безразличным отношением к вопросу создания Коммунистического союза молодежи. Местные партийные органы обязаны незамедлительно выделить

уполномоченных по созданию указанных организаций, предоставить в распоряжение этих организаций печатные органы, дать указание всем вновь созданным низовым организациям Союза молодежи развернуть работу среди молодежи, использовать молодежные лозунги для подъема широких масс трудящихся. В самое ближайшее время местные партийные комитеты обязаны создать базы Союза молодежи. Низовые ячейки союза обязаны руководить молодежными организациями в рабоче-крестьянском союзе и расширять борьбу трудовой молодежи.

д) *Объединить профсоюзы и расширить работу на промышленных предприятиях.*

Партия считает мобилизацию рабочих на борьбу своей основной работой, центральной ее частью. Первостепенной задачей является объединение профсоюзов. Профсоюзы Бакки, Чунгки должны быть немедленно созданы, с тем чтобы на их основе создать местные профсоюзы. Не дожидаясь объединения местных профсоюзов, следует незамедлительно приступить к созданию объединенных профсоюзных организаций в каждой части страны. Необходимо безотлагательно созвать профсоюзную конференцию в каждой части страны, на которой следует создать профсоюзную федерацию этой части страны в целях скорейшего создания Всеобщей конфедерации профсоюзов Индокитая.

Основные силы партии должны быть направлены на ведение профсоюзной работы в целях расширения влияния профсоюзов среди широких масс рабочих, подготовки и тщательной организации борьбы рабочих, политического воспитания широких масс трудящихся и широкого объединения борьбы в защиту интересов народа с борьбой против влияния реформизма, национализма, желтых профсоюзов и II Интернационала, за быстрое и всестороннее развитие движения красных профсоюзов в Индокитае. Прежде всего необходимо, чтобы партия уже сегодня начала поворачиваться в сторону расширения работы с рабочими массами. Только таким образом можно укрепить позиции партии и пролетариата, осуществить правильную мобилизацию трудовых масс и соединить ее с пролетарской революцией.

Необходимым условием для проведения в жизнь линии связи партии с рабочими массами является ликвидация внутри нее нетерпимых воззрений типа: «Не следует бороться в период кризиса», «Поднимать рабочих на борьбу, опираясь на надсмотрщиков», «Широкое обсуждение среди рабочих выдвигаемых требований», а также отказ от дифференциации рабочих на квалифицированных, среднеоплачиваемых и «кули» и от того, чтобы считать первых «рабочей аристократией» (Бакки).

е) *Правильно осуществлять политику партии в отношении мобилизации крестьянства на борьбу.*

По вопросу о мобилизации крестьян на борьбу необходимо прежде всего проверить все крестьянские союзы, вывести из них все элементы, не имеющие никакого отношения к крестьянам, ввести в исполнительные комитеты как можно больше представителей сельскохозяйственных рабочих и бедняков. Расширить классовую борьбу в деревне, усилить влияние партии, пролетариата среди широких крестьянских масс, вести борьбу по искоренению националистического влияния среди земледельцев и упрочению руководства партии. Продолжать расширять организацию Крестьянского союза в деревне, однако еще не настало время ускорять эту работу. Вопрос о концентрации крестьянских союзов еще будет зависеть от развития крестьянского движения и работы партии, поэтому при его разрешении необходимо проявлять большую осторожность; в настоящее время вопрос о концентрации крестьянских союзов еще не может быть разрешен.

ж) *Работа в армии.*

Необходимо создать партийные и исполнительные комитеты в армии с целью расширения связи с солдатами и создания в армии партийных ячеек. Не следует создавать в армии организаций Союза молодежи из-за наличия в ней чрезвычайно трудных условий; существование в армии множества организаций самых разнообразных форм лишь нанесет ущерб партийной работе. Необходимо использовать все способы и методы для распространения революционного влияния среди солдатских масс.

з) *Обратить особое внимание на организацию трудящихся женщин.*

Партия должна развернуть работу среди женщин, и в первую очередь среди трудящихся женщин, а не среди женщин вообще. Следует как можно скорее распустить такие женские организации, не имеющие никакой связи с трудящимися женщинами, как «Освобождение женщин» и Женская ассоциация. Партия должна своевременно организовать женщин-работниц в профсоюзы, женщин-крестьянок — в крестьянские союзы, женщин-торговок — в союзы женщин-торговок и т. д., т. е. создать организации среди трудящихся женщин.

и) *Необходимо создать Общество помощи борцам революции.*

Существуют все условия для создания Общества помощи борцам революции. Тем не менее это общество пока еще не создано. Это объясняется тем, что в партии данный вопрос еще не считается неотложным. Необходимо в самое ближайшее время заложить основу — создать печатные органы для будущей деятельности обще-

ства во всех районах страны. В целях быстрого развития указанного общества необходимо ликвидировать остатки ошибочной концепции о том, что Общество помощи является организацией, в состав которой входят исключительно кулаки, помещики, представители мелкой буржуазии, иначе говоря, все имущие. Необходимо, чтобы члены партии ясно осознали, что Общество помощи борцам революции опирается в своей деятельности главным образом на рабоче-крестьянские массы.

Б. Задачи руководства массами

20. В настоящее время первостепенной задачей партии является широкая мобилизация народных масс. Однако выполнение этой задачи не может быть осуществлено вне сферы классовой борьбы масс. Нынешняя обстановка чрезвычайно благоприятна для мобилизации народных масс. В нынешней обстановке экономического кризиса и лишений в массах повсеместно отмечаются проявления недовольства и волнения. Поэтому руководство борьбой является чрезвычайно важным делом, которому следует повседневно уделять самое пристальное внимание. Испугались белого террора только те члены партии, которые не поняли или не хотят понять насущных требований масс и ответственности партии в руководстве революцией. Ссылаясь на белый террор, они не ведут повседневную работу среди масс и выдвинули теории о том, что «не следует бороться во время кризиса», «чем сильнее борьба, тем пагубнее воздействие террора», «сначала создать организации, а уже затем бороться», «борьба возможна лишь после упорядочения организаций» и т. д. Проявление нерешительности и распространение различных теорий, замазывающих страх перед острой классовой борьбой, подрывают партию. Партия обязана самым решительным образом бороться за искоренение указанных проявлений и устранение вредных ошибок.

Первоочередными лозунгами партии должны являться не «упорядочение и организация», а *обращение внимания на массы, повседневная кропотливая работа с массами и руководство борьбой масс.* Все виды организационной работы зависят от требований руководства борьбой, а не являются самоцелью, так же как и неотделимы от руководства борьбой. Организационная работа должна тесно сочетаться с руководством борьбой и опираться на требования борьбы масс. С обострением классовой борьбы углубляется и кризис, и, для того чтобы белый террор не уничтожил революцию, нельзя высказывать сомнения в том, что огонь борьбы может погаснуть. Наоборот, необходимо всемерно расширять борьбу масс.

Необходимо тесно сочетать между собою лозунги: *«Борьба*

против налогов, арендной платы, против снижения заработной платы и увеличения рабочего дня, борьба с безработицей, удорожанием жизни, против белого террора, принудительной капитуляции, фальшивого реформизма, против мировой войны».

Надо сделать эти лозунги целью борьбы, организовать длительную и единую борьбу масс. Партийные кадры должны вести повседневную работу на фабриках, рудниках, в деревнях, среди городской бедноты, должны неустанно пропагандировать боевые лозунги партии наряду с лозунгами буржуазно-демократической революции, готовить отряды самозащиты из рабочих и крестьян, чтобы противостоять террору; в ходе борьбы необходимо использовать все возможности для всесторонней пропаганды и тщательной организации боевых дружин. Только при наличии повседневной, по-настоящему активной работы в массах можно будет наладить все виды решительной революционной деятельности, иначе говоря, активизировать борьбу. Только при тесном соединении борьбы и организации можно добиться хороших результатов в массовой борьбе, расширить партийные ряды и массовые организации...

Директива относительно укрепления красных крестьянских союзов]63, 67][1]

Руководящие органы партии и товарищи коммунисты в комитетах красных крестьянских союзов!

Вопрос о красных крестьянских союзах является в настоящее время чрезвычайно важным в силу того, что крестьянство есть главный союзник рабочего класса в буржуазно-демократической революции, так же как и основная движущая сила революции. После победы революции будет установлена рабоче-крестьянская диктатура под руководством пролетариата; в связи с этим сущность крестьянского вопроса в настоящее время заключается в том, чтобы опираться на батраков и бедняков, так как они представляют собой полупролетариев деревни, крепить союз с середняком, поскольку он представляет сейчас крупную революционную силу и вместе с пролетариями является трудящейся силой, которая будет строить социализм после перехода власти к рабочим и крестьянам. Поэтому в составе красных крестьянских союзов не должно быть выходцев из кулаков, не говоря уже о том, что они не должны попасть в исполнительные комитеты крестьянских союзов.

---

[1] Подлинник настоящего документа отыскать не удалось (прим. вьетнамского издания).

Крестьянские союзы должны в первую очередь обращать внимание на экономические вопросы, однако последние в индокитайской деревне весьма сложные, крестьянство в основном состоит из частных собственников, отстаивающих свои узкочастные интересы.

В настоящий момент в провинциях Нгеан и Хатинь красные крестьянские союзы сосредоточили в своих руках всю полноту политической и административной власти, и если им не удастся опереться на батраков и бедняков, чтобы укрепить руководящую роль пролетариата в деревне, то последняя подпадет под влияние буржуазии.

Поэтому необходимо перевести из красных крестьянских союзов в группы трудовой взаимопомощи кулацкие элементы, лишив их таким образом, несмотря на то что они проявляют постоянную активность и верность рабоче-крестьянской революции, возможности находиться в составе союзов, поскольку их пребывание в крестьянских союзах противоречит учению Энгельса и Ленина по вопросу об организации крестьян в переходный период. Однако Исполнительный комитет ЦК не согласился провести полную чистку красных крестьянских союзов, а лишь указал на их упорядочение в соответствии с организационными принципами.

Путем использования метода убеждения следует разъяснить кулакам необходимость их добровольного выхода из красных крестьянских союзов и вступления в группы трудовой взаимопомощи.

Поэтому все партийные организации и коммунисты в составе комитетов красных крестьянских союзов от провинции до деревни должны быть хорошо знакомы с методом руководства, внимательно и осторожно проводить революционную работу по руководству выходом кулаков из красных крестьянских союзов и вступлением их в группы трудовой взаимопомощи.

В указанных группах трудовой взаимопомощи должны осуществляться следующие лозунги:

Справедливое взимание процента с долгов, обмен по установленным ценам, не взимать долги без процентов, но устанавливать небольшой процент, не работать бесплатно, но оплачивать по труду.

Приветствовать трудовую взаимопомощь.

Долой эксплуатацию труда!

Лозунги в производственных кооперативах:

Труд — священ, кто не работает, тот не ест.

Как справедливо гласит старая пословица: «Одно дерево не становится горой, три дерева, соединенные вместе, превращаются в высокую гору».

Постоянный комитет ЦК уверен в том, что партийное руководство всех ступеней, так же как и члены партии в составе красных

крестьянских союзов, успешно справятся с этой работой по мобилизации кулаков и верхушечных слоев середняков на активное участие во всех необходимых областях революции на настоящем ее этапе и таким образом создадут благоприятные условия для ее последующего развития.

За работу, товарищи!

20 марта 1931 г.
Постоянный комитет ЦК

Директива относительно чистки партийных организаций Чунгки [63, 68—69][1]

Партийному комитету Чунгки

У Ленина есть много высказываний относительно того, каким должен быть член партии; сущность их сводится к тому, что большевиком является тот, кто:

1. Ведет сознательную классовую борьбу.
2. Ведет работу в массовых организациях, членом которых он состоит, организует и направляет борьбу масс в соответствии со стратегическим планом партии для каждого этапа.
3. Состоит членом партийной ячейки. Каждый член партии от ЦК до низовой партийной организации обязан участвовать в партийной жизни своей организации, поскольку последняя является местом, откуда партия черпает свои силы.

Партия ведет широкую агитационно-пропагандистскую работу среди широких слоев населения, привлекая тех, кто понимает марксистское учение и верит в него, кто готов самоотверженно и стойко работать в определенной массовой организации.

Коммунистическая партия Индокитая исходит из антиимпериалистической сознательности, давней ненависти к французским колонизаторам, поэтому в ее рядах находятся «тху зя ты де»[2], старые ученые, средние и мелкопоместные помещики, кулаки и середняки в деревне, некоторое число преподавателей и учащихся французских коллежей, а также мелкие торговцы, мелкие предприниматели либо дети мелких торговцев и мелких предпринимателей в городах наря-

---

[1] Подлинник данного документа обнаружить не удалось (прим. вьетнамского издания).

[2] «Тху зя ты де» или «кыу зя ты де» называли людей из семейств, питавших острую ненависть к французским империалистам (прим. вьетнамского издания).

ду с некоторым числом рабочих промышленных предприятий и служащих, объединенных в одном движении.

После 1923 г. произошли забастовки на цементном заводе в Хайфоне, на каучуковых плантациях в Намки, свидетельствующие о том, что рабочий класс Индокитая превратился в наиболее сознательную силу, несмотря на свою немногочисленность.

Характеризуясь антиимпериалистической направленностью, которая в одинаковой мере присуща всем народам Индокитая и которая проявлялась во всех прежних антиимпериалистических движениях, обе указанные силы объединились вместе для создания Коммунистической партии Индокитая.

Под знаменем Маркса — Ленина наша партия возглавила руководство буржуазно-демократической революцией, которая развернулась как в городе, так и в деревне. Однако еще имеют место недостатки, состоящие в том, что движение, несмотря на свои широкие масштабы, происходит неравномерно: в одних местах оно находится на подъеме, в других — на спаде, в одних местах оно есть, в других нет, благодаря чему империалисты имеют возможность сосредоточить свои силы в местах с наиболее развитым движением для подавления последнего.

Революция есть ожесточенная борьба, поэтому постоянные потери и неудачи в ней представляют обычное явление, и нет ничего странного в том, что в ней обнаруживаются капитулянты и предатели. Более того, как об этом ясно сказано в Политических тезисах, из-за наличия объективных условий и характера производства Индокитая в рядах революции все еще имеются представители капитулянтов наряду с передовыми борцами. Это — элементы, любящие дутую славу, положение, поднимающие голову в удобный момент, но при поражении — скрывающиеся; это — члены партии, которые не являются большевиками, они боязливы, и такие люди есть не только в нашей партии, они имеются также во всех других коммунистических партиях. Более того, наша страна еще не является высокоразвитой индустриальной страной с концентрированным капиталом, с сильным рабочим классом; наоборот, это — колониальная страна, в которой экономика имеет зависимый характер, сельское хозяйство отсталое, поэтому подобные члены партии представляют неизбежное для нашей партии явление. Несмотря на свою малочисленность, эти люди все еще находятся в каждом слое общества, хотя в подавляющем большинстве наши товарищи беззаветно преданы и верны партии до последней капли крови, проходят через все битвы, погибая в застенках охранки или под пытками, не сказав ни слова. Эту очевидную и потрясающую истину партийный комитет Чунгки уже осознал.

Партийный комитет Чунгки, и в первую очередь его секретарь, дал указание о коренной чистке партии, содержание которой предельно ясно: очистить партию от интеллигентов, кулаков, помещиков, старост. Такая формулировка: очистить партию от указанных элементов — лишена какого бы то ни было основания, а само указание произвольно и необдуманно.

Поэтому, по получении настоящей директивы, комитет Чунгки обязан самым строгим образом пересмотреть ошибки, допущенные в каждой местности, в каждой группе, по отношению к каждому отдельному лицу; обязан развернуть под руководством партийного комитета большевистскую самокритику, признавшись перед массами, перед членами партии в своих ошибках, после чего произвести проверку сил, распространив эту работу на все партийные ячейки, строго осуществляя руководство, изучая Политические тезисы, проводя внимательное сопоставление всех действий, всех принятых решений, для того чтобы в каждом деле, в каждый момент вести борьбу по двум направлениям: теоретическому и практическому, с тем чтобы большевистская партия революционизировала массы и таким путем, управляя низовыми организациями, развивала бы революционное движение и одновременно посредством проверки боролась за расширение рядов партии.

Настоящее письмо партийному комитету разрешается напечатать для теоретического и практического ознакомления с ним кадровых работников провинций, уездов и секретарей и в целях повышения партийности и классовой сознательности.

20 мая 1931 г.
Постоянный комитет ЦК

20 Зак. 254.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Произведения основоположников марксизма-ленинизма и документы международного коммунистического и рабочего движения[1]

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта,— т. 8.
2. Энгельс Ф. О социальном вопросе в России,— т. 18.
3. Энгельс Ф. Европейские рабочие в 1877 году,— т. 19.
4. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии,— т. 22.
5. Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом,— т. 29.
6. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?,— т. 1.
7. Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов,— т. 2.

7а. Ленин В. И. Развитие капитализма в России,— т. 3.

8. Ленин В. И. Протест российских социал-демократов,— т. 4.
9. Ленин В. И. О нашей аграрной программе,— т. 9.
10. Ленин В. И. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства,— т. 10.
11. Ленин В. И. Третий съезд,— т. 10.
12. Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции,— т. 11.
13. Ленин В. И. Наши задачи и Совет рабочих депутатов,— т. 12.
14. Ленин В. И. Умирающее самодержавие и новые органы народной власти,— т. 12.
15. Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии,— т. 12.
16. Ленин В. И. Роспуск думы и задачи пролетариата,— т. 13.
17. Ленин В. И. Партизанская война,— т. 14.
18. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов,— т. 16.
19. Ленин В. И. Наши упразднители,— т. 20.
20. Ленин В. И. Реформизм в русской социал-демократии,— т. 20.
21. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года,— т. 30.
22. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции,— т. 31.
23. Ленин В. И. Государство и революция,— т. 33.
24. Ленин В. И. Марксизм о государстве,— т. 33.

[1] Цитаты из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изд. Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

25. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть,— т. 34.
26. Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б),— т. 36.
27. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г.,— т. 37.
28. Ленин В. И. О крестьянах-середняках,— т. 38.
29. Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г.,— т. 38.
30. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока,— т. 39.
31. Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата,— т. 40.
32. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме,— т. 41.
33. Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала,— т. 41.
34. Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре,— т. 41.
35. Ленин В. И. Международный день работниц,— т. 42.
35а. Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов,— т. 44.
36. Ленин В. И. О нашей революции,— т. 45.
36а. Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала, № 32, М.
36б. Коммунистический Интернационал в документах, М., 1933.
37. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 4, М., 1930.
38. Стенографический отчет XI Пленума ИККИ, вып. 2, М.—Л., 1931.
38а. Стенографический отчет XX съезда КПСС, М., 1956.
39. Программные документы коммунистических партий Востока, М., 1934.
39а. Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971.

Работы руководителей ПТВ

40. Hồ-Chí-Minh, Báo cáo chính trị đọc tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ nhất tháng, 2—1951.
41. Хо Ши Мин, Избранные статьи и речи, М., 1959.
42. Хо Ши Мин, О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. Избранные статьи и речи, М., 1970.
43. Ле Зуан, Избранные статьи и речи (1965—1970 гг.), М., 1971.

Архивные материалы

Archives centrales de l'Indochine (ACI). Fonds de la résidence supérieur au Tonkin. Dossiers:
44. 68445. La propagande communiste. 1931.
45. 68660. Condamnation des communistes à Nam Dinh. 1931.
46. Extrait du dossier D-61. Gouvernement de la Cochinchine. Cabinet du Gouvernement. Revue de la presse Annamite.

Архив Музея революции Вьетнама

Фонд I В (национально-освободительное движение в 1929—1930 гг.)

Дело 14. Les Associations antifrançaises et la propagande communiste en Indochine[2]:

47. Les faits des mois de mai et juin (1-ère quinzaine). 1930.
48. Les faits des mois de juin (2-ème quinzaine) et juillet. 1930.
49. Les faits des mois d'août et septembre (1-ère quinzaine).
50. Les faits des mois de septembre (2-ème quinzaine) et octobre. 1930.
51. Les faits des mois de novembre et de décembre (1-ère quinzaine). 1930.

Фонд II (национально-освободительное движенис в 1930—1935 гг.)

52. Дело 2 (антиимпериалистические призывы и лозунги).
53. Дело 3 (первомайские листовки).
54. Дело 4 (листовки, посвященные годовщине Октябрьской революции).
55. Дело 8 (партийная нелегальная пресса).

55а. Дело 9 (партийные документы).

56. Дело 10 (уставные документы общественных организаций).

Архивные документы провинции Хатинь

57. Документ 1 (проект решения II пленума ЦК КПИК, март 1931 г.).
58. Документ 2 (политическая линия Коммунистической партии Индокитая в революционном движении 1930—1931 гг.).
59. Документ 9 (нелегальная пресса провинции Хатинь).

59а. Документ 10 (проект истории Хатиньского Совета).

Материалы и документы выставки в Долыонге, посвященной национально-освободительному движению в провинции Нгеан (1—9 января 1957 г.)

60. Документ 5 (Некоторые особенности Красного Нгеана 12.IX.1930 г.).

Сборники документов и материалов

61. Материалы по национально-колониальным проблемам, № 1, М., 1931.
62. Материалы по национально-колониальным проблемам, № 2, М., 1932.
63. Xô-viết Nghệ-Tĩnh, Hà-nội, 1962.
64. Bước ngoặt vĩ đại của lịch sử cách mạng Việt-Nam, Hà-nội, 1961.

[2] По всей вероятности, дело 14 ранее находилось в Центральном архиве Индокитая, а затем, после создания АМРВ, было включено в архивные фонды этого музея.

65. Cách mạng cận đại Việt-Nam, t. VI, Hà-nội, 1956.
66. Contribution à l'histoire des mouvements politiques de l'Indochine française. Direction des affaires politiques et de la Sûreté générale. Documents, vol. 1, «Le Tan-Viet cach-menh dang» (1925—1930). Ha-noi, 1933.
67. То же, vol. II. «Le Viet-nam quoc dan dang» (1927—1932).
68. То же, vol. III. «Le Viet-nam quoc dan dang» (en Chine).
69. То же, vol. IV. «Le Dong-duong cong san dang» (1925—1933).
70. То же, vol. V. «La terreur rouge en Annam» (1930—1931).
71. Débats parlamentaires. Chambre des députés, Paris, 1930.

Литература

На русском языке

72. Васильева В. Я. Индокитай, М., 1947.
73 Виолис А. Индокитай — SOS, М., 1936
73а. Грамматчиков Г. В. Роль революционной прессы Вьетнама в национально-освободительном движении (1930—1945), М., 1973 (канд. дисс.).
74. Данциг Б. М. Индокитай, М.—Л., 1931.
75. История Вьетнама в новейшее время (1917—1965), М., 1970.
76. История международного рабочего и национально-освободительного движения, ч. II, М., 1969.
76а. Коминтерн и Восток, М., 1969.
77. Кордье М. Индокитай, ЦК МОПР СССР, М., 1931.
78. Краткая история ПТВ. Комиссия по изучению истории партии при ЦК ПТВ, Ханой, 1970.
79. Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, т. VIII, М., 1953.
79а. Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством, М., 1969.
79б. Мхитарян С. А. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме, М., 1967.
80. Огнетов И. А. Коминтерн и революционное движение во Вьетнаме,— «Коминтерн и Восток», М., 1969.
81. Советы в Китае, М., 1933.
81а. Соркин Г. З. Антиимпериалистическая лига, М., 1965.
82. Тридцать лет борьбы партии и рабочего класса Вьетнама, вып. I, Ханой, 1961.
82а. Шилтова А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме, М., 1958.

На вьетнамском языке

83. Ba mươi lăm năm đấu tranh của đang, t. I, Hà-nội, 1966.
84. Cách mạng tháng Mười và Cách mạng Việt-nam, Hà-nội, 1967.
85. Dự thảo lịch sử Xô-viết Nghệ-An, 1956, Nghệ-An.
86. Hoàng Trung Thông, Xô-Viết Nghệ-An, Phần hội Mác Nghệ-an, 1950.
87. Một số hình ảnh di tích Xô-Viết ở Nghệ An, Hà-nội, 1960.
88. Nguyễn Công Bình, Tìm hiểu giai cấp tư sản Việt-n am, Hà-nội, 1959.

89. Nguyễn Khắc Đạm, Những thủ đoạn bóc lột của tư bản Pháp ở Việt-Nam, Hà-nội, 1958.
90. Sơ thảo lịch sử tỉnh đảng bộ Nghệ An, 1967, Nghệ An.
91. Thơ ca Xô Viết Nghệ-Tĩnh 1930—1931, Hà-nội, 1960.
92. Trần Huy Liệu, Lịch sử tám mươi năm chống Pháp, t. II, Hà-nội, 1968.
93. Trần-văn-Giàu, Giai cấp công nhân Việt-Nam tập I, 1930—1935, Hà-nội, 1962.
94. Trần-văn-Giàu, Giai cấp công nhân Việt-Nam, Hà-nội, 1958.
95. Trung-Chính, Những người sống mãi, t. I, Hà-nội, 1960.
96. Trung-Chính, Những người sống mãi, t. II, Hà-nội, 1961.
97. Về sự lãnh đạo của đảng trên mặt trận tư tưởng và văn hóa (1930—1945), Hà-nội, 1960.
98. Viện bảo tàng Cách mạng Việt-Nam, Hà-nội, 1962.

На западноевропейских языках

99. Bernard P. Le problème économique indochinois, Paris, 1934.
100. Billet V. Le parti communiste indochinois, ses origines et son organisation, Hanoi, 1933.
101. Dumarest A. La Formation des classes sociales en pays Annamite, Lyon, 1935.
102. Gourou P. Les paysans du Delta tonkinois, Paris, 1936.
103. Gourou P. L'utilisation du sol en Indochine française, Paris, 1940.
104. Henry Y. L'Economie agricole de l'Indochine Hanoi, 1932.
105. Le Thanh Khoi, Le Vietnam, Paris, 1955.
106. Robequain Ch. L'Evolution économique de l'Indochine française, Paris, 1939.
107. Roubaud L. Vietnam, Paris, 1931.
108. Tran Huy Lieu, Les Soviets du Nghe-Tinh de 1930—1931 au Vietnam, Hanoi, 1960.

Периодические издания

Журналы

108a. «Вокруг света».
109. «Коммунистический Интернационал», 1930—1931.
110. «Красный Интернационал профсоюзов», 1930—1932.
111. «Международное рабочее движение», 1930—1931.
112. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1931.
113. «Путь МОПРа», 1929—1930.
114. „Học tập“, 1957, 1959—1961, Hà-nội.
115. „Tập san nghiên cứu văn sử địa“, 1957, № 32, Hà-nội.
116. „Nghiên cứu lịch sử“, 1960, № 10.
117. „Nghiên cứu lịch sử“, 1961, № 30.

118. „Nghiên cứu lịch sử", 1961, № 31.
119. „Nghiên cứu lịch sử", 1961, № 32.
120. „Nghiên cứu lịch sử", 1968, № 108.
121. „Nghiên cứu lịch sử", 1970, № 134,
122. „Nghiên cứu lịch sử Đảng", 1970, № 1.
123. „Nghiên cứu lịch sử Đảng", 1970, № 2.
124. „Nghiên cứu lịch sử Đảng", 1970, № 3.
125. „Nghiên cứu lịch sử Đảng", 1971, № 1.
126. „Nghiên cứu lịch sử Đảng", 1971, № 2.
127. „Nghiên cứu lịch sử Đảng", 1971, № 3,
128. «Bulletin économique de l'Indochine», 1936.
129. «Cahiers du Bolchevisme», Paris, 1932—1934.
130. «L'Eveil économique de l'Indochine», 1930.
131. «France-Asie», 1930.
132. «L'Indochine», 1930—1931, Saigon.

Газеты

132a. «Правда».
133. «Công luận», 1930.
133a. «Fong trào kách mạng», 1930.
134. "Nhân dân", 1958, 1960, 1967, 1970, Hà-nội.
135. „Tiếng dân", 1930—1931, Huế.
136. „Trung lập", 1930.
137. «L'Annam nouveau», 1930—1931, Ha-noi.
138. «La Cloche fêlée», 1930, Saigon.
139. «La Cochinchine», 1930—1931, Saigon.
140. «L'Echo Annamite», 1930, Saigon.
141. «L'Humanité», 1930—1931, Paris.
142. «L'Opinion», 1930—1931, Saigon.
143. «La Tribune Indochinoise», Saigon.

Партийная нелегальная пресса 1929—1931 гг.

144. „Báo động", 1931.
144a. «Cahiers du bolchevisme», 1930—1931.
145. „Cờ vô sản", 1931.
146. „Cờ đỏ", 1930.
146a. „Cộng sản", 1931.
147. „Đỏ", 1929—1930.
148. „Giác ngộ", 1930.
149. „Học sinh", 1929—1930.
150. „Bạn hải thuyền", 1930.
151. „Lá cờ cộng sản" 1929.
152. „Lao động", 1931.
153. „Người lao khổ", 1930—1931.
154. "Nghệ-an đỏ", 1930—1931.
155. „Si-moong", 1931.
156. „Tạp chí cộng sản", 1931.
157. "Tin tức tranh đấu", 1930—1931.
158. „Thanh niên", 1929.
159. „Tiến lên", 1931.
160. „Tranh đấu", 1930—1931.
161. „Vô sản", 1930—1931.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

С.А.МХИТАРЯН ■ ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОКИТАЕ